

Союз театральных деятелей России

Сюжеты

издается с 1990 года

Содержание

Алексей Зайцев БЕРИТЕ МОЙ СОН	3
Мария Малухина НОЯБРЬСКИЙ ЗОВ	68
Елена Ерпылева ДЫШИ ГЛУБЖЕ, ПАША	146
Ярослава Пулинович ЖИТИЕ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА И АЛЕВТИНЫ ПАВЛОВНЫ ИЛИ ЖАРКОЕ КОВИДНОЕ ЛЕТО	193
Александра Фомина И СВИТЕР ТАКОЙ БЫЛ СИНИЙ	254

УДК 821.161.1-2
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-6
С98

Серия «Сюжеты» – это сборники пьес молодых современных авторов, адресованные как профессионалам и поклонникам театра, так и широкому кругу любителей русской словесности.

Предлагаемый вниманию очередной сборник серии (№ 39) включает пять пьес:

«Берите мой сон» Алексея Зайцева (г. Москва); «Ноябрьский зов» Марии Малухиной (г. Москва-София); «Дыши глубже, Паша» Елены Ерпылёвой (г. Когалым, Ханты-Мансийский Автономный Округ-Югра); «Житие Федора Михайловича и Алевтины Павловны или Жаркое ковидное лето» Ярослава Пулинович (г. Екатеринбург); «И свитер такой был синий» Александры Фоминой (г. Москва).

Это талантливые люди. Кто-то, как Ярослава Пулинович, уже хорошо известен и российским театрам и широкому кругу театральных зрителей, кто-то пока не так широко известен, но театры отметили их тексты, проявили к ним явный интерес и несколько премьер уже состоялись. Что касается профессиональной среды, эти авторы известны по участию в разных драматургических конкурсах, отмечены в лонг- и шорт-листах, активно работают, участвуют в семинарах и разного рода драматургических акциях.

Публикуемые пьесы, безусловно, достойны внимания театрального сообщества. Авторы пишут о современной жизни, её проблемах, о том, что больше всего волнует. У каждого из них свой взгляд, так что пьесы очень разные по жанру, тематике, по манере письма. Отсюда и особенная авторская интонация, эмоциональная наполненность текстов и откровенность высказывания.

Все названные пьесы прошли сценическую апробацию в рамках юбилейного 35-го (XXXV) всероссийского семинара драматургов «Авторская сцена», который проходил в Доме творчества СТД РФ «Щелыково» в мае-июне 2022 года.

Сборник можно заказать, обратившись в Кабинет драматургии по электронной почте: stdrf-novikova@mail.ru или воспользоваться обычной почтовой связью. Он будет незамедлительно выслан. Электронную версию «Сюжетов» № 39 можно найти на сайте СТД РФ: www.stdrf.ru на странице Комиссии по драматургии.

Издано при поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

При перепечатке ссылка на «Сюжеты» обязательна.

Все материалы печатаются на правах рукописи.

© Составление, оформление.

Союз театральных деятелей РФ (ВТО),

2022 г.

ISBN 978-5-6040301-4-1

Алексей Зайцев
БЕРИТЕ МОЙ СОН

Действующие лица:

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ.
МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА.

Сцена 1

Кабинет Марии Владимировны, психолога. Стол, два кресла. На стене висит огромный портрет счастливого младенца. Мария Владимировна сидит за столом перед ноутбуком. Входит Николай Антонович.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Можно, что ль?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, входите.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А сесть?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Садитесь, пожалуйста.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ (*садится в кресло напротив Марии Владимировны*). Готово!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что у вас случилось?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Зовут меня Николай Антонович.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, у меня тут записано.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Где?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. В расписании приёма.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А-а-а... А вы, стало быть, Маша!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Мария Владимировна.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Мария Владимировна... Отец, значит, Владимир...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, всё верно. Что у вас случилось, Николай Антонович? Рассказывайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так это...сны.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Сны?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Сны.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А конкретней?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, сны мне снятся дрянные. Не сны, а дрянь какая-то. Мерзость.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И давно снятся?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так уже... это... месяц!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. С чем связываете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Чего?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Перед тем, как эти сны стали сниться, в жизни вашей что произошло? Стресс? Развод? Увольнение?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет. Ничего такого.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вообще ничего?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вообще. Разве что строители меня избили.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. О, господи...как избили?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да так. Шёл домой. Или нет. Лучше по порядку. Встретился с корешем. Пошли в кино. Посмотрели там «Вий». Новую версию. Он домой поехал, я тоже. Потом, еду в автобусе, чувствую душно. Кислорода охота. Вышел из автобуса. Дай, думаю, пешком пройду, подышу. Ещё и башка разболелась. Иду. На улице десять вечера. Тут навстречу три строителя. Ну, три мужика в спецовках. Идут мимо. И я мимо. Я-то привык, что у нас каждый

день ремонт в районе. Ну, и смотрю на них, как на местную достопримечательность. Которая тут всегда. Ну, как на куст, или, там, на мост. А они как со мной сравнялись... тут один, шасьт, коротышка такой кучерявый, прыг ко мне, и со всего размаху в висок. Ну, я в снег упал. Встать пытаюсь. А он на меня забрался и по лицу меня, по лицу. Даже очки разбил.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ужас какой.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да, но эти двое, товарищи его, они того...они его под руки и оттащили. А мне говорят: «Иди, куда шёл». Ну, я и пошёл. Шёл-то я домой. После «Вия».

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. В милицию обращались?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. В полицию-то?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, да. Теперь уже в полицию, верно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Обращался.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И что же сказали?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, типа говорят, ты лучше уж забери заявление. Найти мы их всё равно не найдём, а мороки у нас до фига будет.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. М-да...ну и работники.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так что...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так что, с тех пор вам и стали сниться эти дрянные сны. Да?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, наверно. Наверно. Я по времени так-то не фиксировал. Чтоб уж точно. Но, не исключаю. Не исключаю.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Скажите, а что это за сны? Чем они вас так тревожат? О чём там? О драках?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да не...не о драках. Там всё про крабов, про устриц, чернила, ястребов... всё разное такое...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, ладно. Давайте мы с вами так договоримся. Вы будете каждый вечер приходить ко мне на приём и рассказывать, что вам приснилось.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да зачем это? Мне лучше таблетку какую...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Таблеткой тут не обойдёшься. Тут надо подробно анализировать каждый ваш сон.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вот те на! А зачем?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Потому что каждый сон это сообщение от нашего подсознания. Информация, которую оно нам хочет сообщить.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А чё ж оно мне про крабов-то сообщает?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вот, будем разбираться.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну... не знаю...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что не знаете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А надо ли это?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, конечно, надо. Вы, если хотите, прочтите: Зигмунд Фрейд «Толкование сновидений». Очень полезная книга.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, не. Я читать-то не большой охотник.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, хорошо. Тогда идите в кассу, оплатите там три тысячи рублей за консультацию. А завтра придёте и расскажете мне, что вам снилось.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Годится. Годится.
(Встаёт, выходит из кабинета.)

Сцена 2

Кабинет Марии Владимировны. Мария Владимировна сидит за столом. Николай Антонович сидит напротив неё в кресле.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, Николай Антонович, что вам снилось?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Это, короче так. Я, в общем, мне... Мне снилось, что у меня бессонница.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Интересно...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Семь дней бессонницы.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Даже так?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И вот я лежу, мучаюсь от бессонницы. И тут...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И тут?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И тут вдруг является синий слон.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Синий слон?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Но одну деталь я запомнил. Тут вот ещё какое дело. Сначала настенные часы. Они били тринадцать. А уже потом... слон.

Нет, и опять ещё до слона... Сначала били часы. Тринадцать раз. Потом из-под кровати вылетела кукушка. Она летела на кухню и готовила мне завтрак. Яичницу. С беконом. И кофе.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Продолжайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Дальше раздавался стук в дверь. Кто-то стучался. Да не просто стучался, а колотил, что есть мочи! Будто дверь выбить хотели. Но дверь-то мне нужна... Так что, я, это... брал ключ и открывал её. Ну, дверь в смысле.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А там?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А там – синий слон на пороге! Стоит и хобот почёсывает.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Всё?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да какой там всё? Я ему говорю: «Здорово!» А он мне: «Убить тебя пришёл». И достаёт из кармана револьвер.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Из кармана?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, да. Он в пиджаке, в брюках. В рубашке белой. Солидный такой. С моно-клем.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И дальше?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Достаёт револьвер и... бах... бах... Трижды стреляет мне прямо в лицо.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И вы умираете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Не. А у меня это... у меня просто мозг разламывается. И из него река течёт.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Секунду... Вот вы говорите: мозг разламывался... это как?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Как спелый гранат. Да! Да там и зёрнышки гранатовые лежали. Их кукушка склевала потом. Пряж клювом хватала их и... только сок во все стороны летел. Аж на обоях пятна!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это всё?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да ну, куда уж там... это... это начало токмо. Когда кукушка склевала всё, слон сел в кресло. Ну, как вы сейчас. И стал на мои руки глядеть. А у меня... короче, у меня пальцы стали в морковь превращаться. И кукушка такая, взлетает и говорит: «Морковь нынче особенно уродилась!»

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что-то ещё?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Я... я застеснялся, короче. Я ж в этом... в пижаме был. А на голове – ночной колпак. Ну, снимаю его... а там...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А там?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А там белый кролик сидит.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это просто трэш какой-то...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Не, не... кролик он это... голодный был. Ну... и сожрал все мои десять морковных пальцев.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Действительно странный сон.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так не всё же ещё.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Не всё?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Не. Слон, он, это, говорит: «Ну вот, теперь ты готов постичь истину!» и пальцами щёлкнул. А тут бац: и у меня из глаз вы-

плывают две желтые рыбы. И на каждой сидит по банкиру. Сидят и деньги считают. Я чёт на них разозлился короче. Вот прям сажу и думаю: «А дать бы вам в морду!» Но тут домовой...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Домовой?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да, он в углу сидел. Наказанный. Так вот он, короче, выходит и говорит: «Тебе, Коля, нужно чаще бывать на людях!» А потом приснилось, что у меня опять бессонница и слон уже не приходит. Ну? Чё скажете?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Я...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Што?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Мне, боюсь, тут... боюсь, мне время понадобится. Очень уж необычный сон у вас, Николай... э...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Антонович.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. Антонович.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так мне чё, посидеть штось? Подождать?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Нет, вы идите на кассу, заплатите там три тысячи рублей за приём. А завтра приходите снова. Вы расскажете мне свой новый сон, а я вам объясню этот.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вот как...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, боюсь, что так...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну что же, ладно... пусть... эпоха недоразвитого капитализма.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Где касса помните?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. До завтра тогда.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. До завтра.

Николай Антонович встаёт с кресла, выходит из кабинета.

Сцена 3

Кабинет Марии Владимировны. Мария Владимировна сидит за столом. Входит Николай Антонович.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Здравсьте!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Здравствуйте, Николай Антонович! Садитесь, пожалуйста.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ (*садится напротив Марии Владимировны*). Три тыщи я уже заплатил.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Хорошо. Теперь давайте работать. Поговорим о вашем прошлом сне.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Про слона?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, про слона.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я уж и забыл его.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Я напомню.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ага.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так вот, вам снилась бессонница.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да, было такое.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Семь дней бессонницы.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Семь дней.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это неспроста.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Неспроста?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Число семь возникло не просто так. У этого числа есть магическое значение. Оно часто используется в религиях и мифах. Возьмём хотя бы Библию. Там говорится, что мир был создан богом за семь дней. Седьмой день это воскресенье. В этот день положено отдыхать.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А ещё это... у семи нянек дитя без глаза.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, это поговорка.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Семь раз отмерь, один раз отрежь.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Волк и семеро козлят.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, это уже более народные формы. Есть и святочные. Магические. Я сейчас о них говорю.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Белоснежка и семь гномов.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Нет. Семь кругов ада. Семь смертных грехов. Семь великих мудрецов.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Мудрецов?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А мой сон тут причём?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Символ. Вы не спали семь дней. А на седьмой заснули. Семь дней бессоницы, как семь кругов ада.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Часы били тринадцать.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Теперь понимаете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Тринадцать это тоже особое число. Оно считается несчастливым.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Чёртова дюжина.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. Считается, что число тринадцать приносит несчастье. Во многих европейских странах в лифте даже нет числа тринадцать. Настолько люди его боятся.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Обидно слышать.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Чего же тут обидного?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так я родился тринадцатого.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Неужели?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Тринадцатого июля.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Надо же! Тринадцатое число седьмого месяца! Видите как всё взаимосвязано!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Тринадцатого, семнадцатого... часы-то тут при чём?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Часы не дали вам заснуть. На седьмой день. Тринадцать перебило действие семёрки, и уснуть не получилось.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ничего не понимаю. Это... это белиберда какая-то.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Смотрите. На седьмой день вы избавились от бессонницы. Сумели уснуть. Разорвали седьмой круг ада. Но пробило злое число тринадцать и помешало вам спать.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И чего?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Из-под кровати вылетела кукушка. Понимаете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я ничего не понимаю.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Есть такое выражение – «кукушка съехала». Так говорят о психическом расстройстве. Она у вас вылетела из-под кровати. На которой вы спали. То есть, из-за бессонницы. Вы долго не спали, и у вас поехала кукушка.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Это обидно звучит.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Нет. Это символы. Смотрите. Она стала готовить вам завтрак. Яичницу. Значит, разбивала скорлупу. Скорлупа символ черепа. Череп хранит сознание. Она разбивала череп-скорлупу, руша сознание. И что она ещё готовила?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Кофе.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, кофе. Чтобы снова помешать вам уснуть. Ведь кофе бодрит.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Значит она мой враг!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Нет, это всего лишь символ. Потом стучали в дверь. То есть, что делали?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Стучали и снова мешали уснуть.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Синий слон в пиджаке и с моноклем. Это символ долга. Возможно прообраз начальника. Страх за плохо сделанную работу.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Стойте. Я всё больше не понимаю.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Старайтесь! Слон сказал, что пришёл вас убить. И это понятно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Неужели?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. Тяжёлая работа, не дающая отдыха, убивает.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Он в меня стрелял.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. Но это символ. Символ вашего убийства тяжёлой работой.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Мне надо меньше работать?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Возможно. Во сне у вас разломился мозг. Это ясно. Разлом сознания. Гранат – как символ мозга. Красные зёрна – это рациональные мысли.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Их склевала кукушка.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. Психическое расстройство клюёт ваши мысли. Капли гранатового сока на обоях олицетворяют кровь.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Какой страшный сон оказывается...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Потом ваши пальцы превратились в морковь.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Их съел белый кролик.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это белая горячка. Пальцы как символ деятельности. Психическое расстройство не даёт вам что-либо делать. Болезнь перекидывается с разума на тело. На пальцы.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я видел банкиров. На жёлтых рыбах. Они считали деньги.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. Они работали. Зарабатывали. Вам хотелось к ним. Рыбы это символ автомобилей.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Но я ненавижу этих банкиров во сне!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы просто им завидовали. Они ведь работали. И не болели. А вас работа разрушала.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вот оно как...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А закончилось тем, что домовый посоветовал вам чаще бывать на людях. Понимаете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Домовой. Хозяин дома. Вам надо чаще гулять. Чаще бывать на свежем воздухе. Заводить знакомства. Встречаться с друзьями. Отдохнуть от работы.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да, ловко всё закручено.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что вам снилось сегодня?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Сегодня ничего.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Тогда вот вам домашнее задание. На этой неделе чаще гуляйте, встречайтесь с друзьями, отдохните от работы. А когда вам приснится новый сон, приходите ко мне. Обсудим.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Годится. Годится.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Тогда до следующей встречи.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А-а-а... ну-у... да
(*Встаёт, идёт к двери.*) До свидания.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. До свидания.

Сцена 4

Кабинет Марии Владимировны. Мария Владимировна сидит за столом. Входит Николай Антонович.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Здравсьте!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ (*садится в кресло*). Сделано!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, рассказывайте!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Чаво?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Гуляли эти дни? Выбирались из дома?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да, гулял. Выбирался.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну и как вам? На улице?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Погано.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Чего ж так?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Поскользнулся так, что чуть руку не сломал.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что ж вы так? Аккуратней надо.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А в другой раз, чуть собака не укусила.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Тридцать три несчастья!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Бультерьер. Вилли зовут. Та ещё сволочуга, скажу я вам, Маша. Владимировна. Мария.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, хорошо. А спали как? Без снов?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да куда там! Без снов... куда ж они денутся сволочуги?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Не злитесь так. Спокойней. Что снилось вам?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что снилось вам, прекрасный Николай?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Просто вы сказали... как стихи... стихи хорошо так делать... «Что снилось вам?»

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Постойте...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что снилось вам, мой друг сердешный?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так, вернёмся к беседе. Вы сказали, что сны не ушли. Верно?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Агась.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И что снилось?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. В этот раз – школа.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так, продолжайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, типа, я школьник. Старшеклассник. Уже не знаю, десятый там класс, или какой...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Сажу на уроке. То ли на истории, то ли на биологии... хряк его знает!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Продолжайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, и это... звенит звонок. На перемену. Я выхожу. Довольный. Перемена. А это значит – отдохнуть можно. Хожу, гуляю. По реакции.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Тут шашть, подходит ко мне пятиклассник. Противный такой. Подходит и говорит: «Дай взаймы, пожалуйста». Ну, я спрашиваю: «Скока надо?» Он говорит: «Да хотя бы пятьсот». Ну, я достаю из кармана кошелёк, а там ровно пятьсот рублей. Даю их пятикласснику.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А он?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А он их тут же спрятал в карман, огляделся и пошёл восвояси. Я его догнал. Ну, чтоб узнать... «Ты, – говорю, – когда вернёшь-то?» А он глядит удивлённо, будто видит меня в первый раз и спрашивает: «Кого?» Ну, я, само собой рассердился.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Излагайте, излагайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, я рассердился и говорю: «Деньги! Деньги когда отдашь?» А он рожу вытянул, будто ещё больше удивился и говорит такой: «Какие ещё деньги?» Ну, тут я закипел! «Пятьсот рублей!» – говорю. А он опять своё: «Какие пятьсот рублей?» Владимировна. Маша. Мария. Есть вода у вас? Стаканчик?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, минутку. *(Выходит из кабинета. Возвращается с пластиковым стаканчиком, наполненным водой.)* Вот, держите! *(Передаёт стаканчик Николаю Антоновичу. Садится в своё кресло.)*

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ *(пьёт)*. Куда его? *(Показывает на пустой стаканчик.)*

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Прямо на стол ставьте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ *(ставит стаканчик на стол)*. Так вот! «Какие – говорит – пятьсот рублей?» А я ему: «Те, что я тебе только что дал взаймы!» А пятиклассник такой: «Ничего ты мне не давал». И зашагал к лестнице. Ну, я его догнал и схватил за руку. «Ты что, – говорю – подлюга, затеял? Отдавай сейчас же деньги обратно!» А он р-р-ра-а-аз! И превратился в кузнечика!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. В кого?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. В кузнечика!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. В какого кузнечика?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, знаете, в такого усатого. Лапки длинные, острые. Сантиметра два. Не больше.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так... и что же было дальше?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А что дальше? Дальше я понял, что он меня обдурил. С кузнечика пятьсот рублей теперь хрен получишь!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И я поднял его с пола и понёс к директору. Ну, чтоб пожаловаться. Чтоб спра-

ведливость. Добиться, чтоб. И вот захожу в кабинет. Сидит директор школы. Наглый. Пузатый. Очкастый. Румяный. Щёки толстые, точно моя бабка! Так... на чём я остановился?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы принесли кузне-
чика директору.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да! Я положил этого
оборотня-пятиклассника на стол директору. Ну, как
ваш пластиковый стаканчик под воду. И говорю... и
говорю...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что говорите?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И говорю: «Посмот-
рите-ка на этого мерзавца! Он не желает отдавать мне
пятьсот рублей!»

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И что директор?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Директор та ещё мра-
зота! Брови нахмурил и выгнал меня с кабинета. А
в рекреации – тишина! Я на часы посмотрел. Часы у
меня там во сне такие же были, как и сейчас тута. На-
ручные. Со стрелками.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, я их вижу.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Видите?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, вижу.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, вот эти часы. Я
смотрю на них и понимаю, что на двадцать минут
опоздал. И куда! На урок русского языка! К Валентине
Петровне! А это – гарантированная двойка. За опозда-
ния она всегда двойки ставила. И вот, приехали! Из-за
этой истории я опоздал. «Что меня ждёт?» – думал я.
«Только ругань и двойка».

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так, и что же вы сделали?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я в ярости бросил этого кузнечика на паркет и раздавил его! Тщательно размазав ботинком по полу!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ужасно!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А потом проснулся.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ужасно!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, что будем делать? Сразу объясните или в следующий раз?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Лучше в следующий раз.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А сейчас, идите на кассу, заплатите три тысячи?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. Если нетрудно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Чего ж... три тыщи не пятьсот... рубликов. До встречи! (*Выходит из кабинета.*)

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ужас!

23

Сцена 5

Кабинет Марии Владимировны. Мария Владимировна сидит за столом. Входит Николай Антонович.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, что? Здравствуйте и садитесь, пожалуйста?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, здравствуйте и садитесь.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ *(садится в кресло)*. Это мы могём!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Итак, в прошлый раз вы рассказали мне сон про кузнечика.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Было дело.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Теперь я готова его вам объяснить.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Валяйте!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вам снилось, что вы старшеклассник. То есть, нечто среднее между ребёнком и взрослым человеком.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вот значит как?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. Вы говорили, что на уроке скучали, а на перемену побежали с удовольствием. Улавливаете смысл?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Пока нет.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Снова усталость от работы, учёбы, информации. Снова желание отдыха, передышки.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да, наверное.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. На перемене к вам подошёл пятиклассник. То есть, по сути, ещё ребёнок, в сравнении с вами.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. По сути, да.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А попросил денег и вы ему дали денег. Это хороший поступок.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Как три тысячи на кассе.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Но пятиклассник вас обманул. Он сделал вид, что не получал этих денег.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. У вас мне хотя бы чек дают. На кассе.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Выходит, вас обманул более слабый и, в теории, менее развитый.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. В теории... да.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это говорит о том, что вы боитесь обмана и что вас часто обманывали.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, нет. Не скажите. Чего же тут бояться?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы понимаете, почему пятиклассник превратился в кузнечика?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ещё бы! Потому что не хотел отдавать деньги.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Кузнечик передвигается прыжками. Он очень быстр. Ему легко ускользнуть от преследования.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да я его сразу поймал.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Но в то же время, кузнечик мал и беззащитен.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Беззащитный мошенник.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Кроме того, кузнечик олицетворяет рутину. Рутину, из которой вам необходимо выбраться.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Но денег он мне так и не отдал.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И вы пошли к директору.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Директор – символ высшей власти. Вы пришли к начальнику и пожаловались на подчинённого. Вы сказали ему о том, что вас обманул более слабый и глупый.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вы опять это... к работе всё сводите? Так, что ли?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вас подводили младшие коллеги на работе?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ещё бы! Как и всех, я думаю. Они ж не знают ни черта. Зелёные ещё... как эти...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Кузнечики.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну... ну я ваше-то с этим... с виноградом хотел сравнить, но... ладно... пусть так.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Но начальник вас выгнал. Ему не понравилось, что вы не можете обуздать подчинённого.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да не начальник, директор.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И тут вы поняли, что не только потеряли деньги, но ещё и получите двойку за опоздание.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. От Валентины Петровны.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Тут всё просто. Ваш подчинённый не только обманул и обокрал вас, но и... и вам выписали штраф?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Какой штраф?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. На работе. За его проступок.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я... я чё-то потерялся. Мы о чём, вообще?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И тут вы поняли, как сильно навредил вам этот... этот кузнечик. Вы ощутили гнев. Вы бросили его на пол и раздавили.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Агрессия. Вы повели себя неадекватно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы убили живое существо за лёгкий обман и штраф в виде двойки.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, тут я не согласен.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Получается, что в вас кипит гнев. Вы скрываете агрессию. А она очень мощная. Вы не просто бросили кузнечика, не просто ударили, вы его раздавили. Убили. Отняли жизнь.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Это был оборотень.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И не только раздавили, но и тщательно размазали по полу. Это говорит о склонности к садизму. Вы получаете удовольствие от насилия.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Мария Владимировна. Маша. Мария. Вы запутались совсем. И меня путаете. То есть, если я убью муху, значит я уже садист?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Но вы убили пятиклассника.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет, я убил кузнечика.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Но вы же знали, что это пятиклассник.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Но он был оборотень!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вам нужно научиться управлять гневом. Я напишу вам названия книг. Там очень хорошие схемы.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А я не согласен... всё равно! Кузнечик был злой! Он был мошенник!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Если схемы не помогут. Или не разберётесь, я запишу вас на тренинг. Тренинг проводит моя коллега.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. За сколько?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Я точно не помню. Надо уточнить на кассе. Вроде бы за две пятьсот.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Пятьсот. Опять у меня отберут мои пятьсот.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Но тренинг хороший. И он вам нужен.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Понятно. А знаете что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Мне сегодня снился карась!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Кто?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Карась.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Любопытно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И дело было так. Я шёл по улице. Ну, думаю, надо на ужин что-то купить. Еду

какую-нить. И... короче, захотелось рыбы. Ну, думаю, куплю рыбу. Зашёл в магазин. А там – аквариум. Не просто рыбы лежат на снегу, там, на прилавке. Всякие мороженые и отморозенные. Не просто филе, там. А живая рыба. В аквариуме. И там плавал...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Карась?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Там плавал карась.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И что же вы сделали?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я... я подумал. Да, подумал. Я подумал, что хочу его съесть. Что он будет вкусным. Если к нему эту... картошку с укропом. Агась. Ну и я его купил... кстати... кстати...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я купил его за пятьсот рублей!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это спектр энергий.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Продолжайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я... короче, я купил карася и понёс домой.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. В руках?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет, зачем же? Мне... мне его упаковали в пакет.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Продолжайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я пока его нёс, он это... смирно лежал. Да. Не шевелился. А вот потом... когда я пришёл домой и выложил его в раковину...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Не останавливайтесь.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Короче, когда я положил его в раковину, он встал на хвост. И включил холодную воду. А потом это... стал принимать душ. Прямо в раковине.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Интересно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. И я это... я удивился, короче. А карась глаза вытаращил и говорит: «Что, подлец, не ожидал такого поворота?» А потом – хват! И схватил со стола кухонный нож. *(Пауза.)*

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Не молчите.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Мне трудно вспоминать. Тяжёлый сон. Он... короче, он, ну, этот, карась... он выпрыгнул из раковины и погнался за мной. С ножом. Он зажал его в плавнике.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы испугались?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ещё бы! Это ж не шутки. Один удар и жизнь кончена! Гонялся за мной по всей квартире.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А вы?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я спрятался в ванной. Закрылся. У меня замок там.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А он?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Он начал стучаться в дверь. И ругал меня. Матом.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А вы?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А я говорю: «Брось стучать! Всё равно не открою!» И тут он – бац! И дверь в щепки!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. «Бац» это что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. «Бац» это ударил. По двери. Очень сильно.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Понятно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я – к выходу! Распахнул дверь и бежать. Еле успел. Нож в миллиметре был. Вот ваще... прям... секунда и... он бы меня прям по горлу.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Но вы успели.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да, я успел. С десятого этажа бежал. Необутый. По лестнице.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А карась?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Мчался за мной. Как угорелый.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы убежали?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Он догнал меня. На пороге. Ну, на выходе из подъезда. Я... я выбил у него из плавников нож, но он тут же... короче, он душить меня начал.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Продолжайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Глаза злобные. Выкатились. Смотреть страшно. И скользкие плавники. Душит меня, значит. Да-а-а... плавниками.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А вы?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я? Маша, я задыхался. Я умирал. Я... он крал у меня кислород.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Короче, я вытолкнул его на шоссе. И там его сбила машина. Этого карася. Подонка этого. Да. Сбила машина. «Жигули». И номер... ё-о-о-о...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Номер – пятьсот. У машины был. Да. Точно. Совершенно.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, вот, теперь вы и сами видите.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Всё закольцовано.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Как? Где за кольцо... нет, я не понял.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Цифры. У каждой цифры есть смысл. Тайное значение. Послание. От вашего подсознания. Понимаете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, это... пытаюсь.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Идите на кассу. Заплатите там за приём, а в следующий раз я объясню вам значение этого сна.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Хоккей! О'кей! На кассу как на работу! *(Встаёт, идёт к двери.)*

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. До свидания!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Агась! *(Выходит из кабинета.)*

Сцена 6

Кабинет Марии Владимировны. Мария Владимировна сидит за столом. Входит Николай Антонович.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Здравсьте! Я прямо с кассы!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Добрый день. Присаживайтесь.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ (*садится напротив Марии Владимировны*). Готов.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Отлично. Итак, в прошлый раз вам снился карась.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Агась.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И тут есть две версии интерпретации. Первая связана с работой, вторая с агрессией.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так и знал, что работа всё равно выскочит.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. С неё и начнём. Вы хотели съесть рыбу. То есть – поработать.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет. Просто съесть.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вошли в магазин и увидели карася.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Карась олицетворяет работу.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Это ещё с какого перепугу?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Читайте книги. Я же говорила. Карась это символ богатства. Вы хотели его получить. А значит, хотели разбогатеть. Путь к богатству лежит через работу. Значит, формально, карась символизирует работу. Мы ведь учитываем и ваши прошлые сны, верно?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. То есть, наверное.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы купили его за пятьсот рублей. Эта сумма является для вас чем-то вроде высшей ценности.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Чего?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. В прошлый раз вы убили за неё кузнечика.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Но он был вор.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Не суть важно. Главное тут цифра. Пятьсот рублей. Это ваш максимум. Ваша разменная монета.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Максимум? Пятьсот рублей? Да у меня стипендия больше была. Что вы говорите такое?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Стипендия не причём. Как и реальность. Мы говорим о снах. В мире снов пятьсот рублей ваш максимум.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, хорошо. Что дальше?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Карась плавал в аквариуме. Ну, это понятно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Мне нет. Ну, то есть, если просто в аквариуме, то да. Но вы ведь опять с подковыркой, да?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Сейчас многие офисы напоминают аквариум. Сотрудники отделены стеклянными стенами. Они видят друг друга. Каждый жест. Короче, это снова мостик к работе.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. У меня на работе такого нет. Чтоб так сидели.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Неважно. Карася вам упаковали в пакет. То есть, передали работу в коробке. Документы в папке.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет. Я что-то не успеваю. За вами. Я не улавливаю. Тут связь то где?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Связь очевидна. Вы принесли карася домой. То есть, взяли работу на дом.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ *(мочает головой)*. Бр-р-р-р!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Спокойней. Вы положили карася в раковину. То есть, разложили документы на столе. Вы хотели приготовить карася, то есть выполнить работу. Но тут карась ожил.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Он заговорил.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Суть в том, что работа оказалась вам не по плечу. Работа стала противиться, как и карась. А всё от того, что вы не отдыхаете. От того, что вы устали.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет. Я был голоден.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Карась схватил нож и погнался за вами. То есть, работа стала опасна. Работа чуть вас не убила.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Тогда всё что угодно работа. Даже если одуванчик приснится. Если так...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы спрятались от карася в ванной.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это понятно. Ванна расслабляет. Вы хотели расслабиться. Отключиться. Но карась ворвался к вам, выломав дверь. Это значит,

что работа не давала расслабиться даже в ванне. Лёжа в горячей воде, вы всё равно думали о работе.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, это уже совсем...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы побежали от карася на улицу. Хотели отдохнуть от работы. Погулять. Но он погнался за вами. Он догнал вас. Стал душить. Эта работа...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да какая уж тут работа? Всё, что ли, тогда работа?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Работа вас душит, Николай Антонович.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Но ведь работу сбил автомобиль! А-а-а?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это ваша надежда на внешние обстоятельства. Что кто-то или что-то придёт и освободит вас. Но освободиться вы можете только сами. Возьмите отпуск.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да мне работа-то не мешает.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Теперь о второй интерпретации.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Тут уже без работы.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. Тут об агрессии. Агрессия была и в прошлом вашем сне. Про кузнечика.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. То была самозащита.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Карась. Живое существо. Вы заплатили деньги, чтобы убить его.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, это уж совсем...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы ведь могли купить охлаждённую рыбу. Или свежемороженую. Но выбрали живую. Заплатили. Но разве чью-то жизнь можно купить?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так все покупают. Живая рыба, живые раки. Это ж нормально, чё...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы принесли карася домой, чтобы его убить.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я принёс еду. Чтобы съесть.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вам хотелось доставить ему боль. Как и кузнечику. Это скрытый садизм.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вы это, что ль? Гринпис? Веге... вегетарианка, что ль?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Но карась схватил нож. И вы из палача превратились в жертву. Карась дал вам отпор. В отличие от кузнечика.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я хотел есть. Это обычное дело. Французы вон лягушек едят. И что? А эти... вьетнамцы... крокодилов.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы не смогли убить карася. Но и карась не смог вас убить. Карася сбил водитель «Жигулей». Это типичная триада: жертва, преследователь, защитник. Водитель «Жигулей» – ваш защитник. И номер у машины был «пятьсот». Ваша любимая цифра. При этом вы всё же убили карася. Удовлетворив свой садизм.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Какой садизм?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы ведь хотели посмотреть на смерть карася? Хотели. Потому его и ку-

пили. И что в итоге? Вы увидели, как его сбила машина. Значит, всё удалось. Вы хотели посмотреть на смерть караса и вы посмотрели. Ещё и бесплатно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Бесплатно?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. Вы ведь заплатили за него пятьсот рублей.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И номер машины был «пятьсот». То есть эти пятьсот к вам вернулись. В итоге – никаких расходов!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ага. Ага. То есть, если я выброшу три рубля, а потом увижу на улице трёх кошек или собак, значит, я ничего не потерял? Так, что ли?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Поймите...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А чего понимать? Выбросил в окно десять тыщ рублей. Потом выходишь, видишь книжку. Ну, там... «Д'Артаньян и десять тыщ мушкетёров». И всё, что ль? Ни чё не потерял?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Мир снов, мир подсознания, живёт по другим правилам. Поймите это.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, хорошо. Садизм, работа, пусть так. Но у меня ведь был новый сон. А он уж точно не про всё это. Сечёте?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Рассказывайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Сегодня приснился. И никакой работы. Никакого садизма.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да, это вы уже сказали. Так что за сон?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Про высокую женщину.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Короче, баба. То есть, эта... женщина. Высокая как подъёмный кран. Идёт по улице. Ест мороженое-рожок.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, мороженое у неё подтаяло. На улице жара. Солнце светит. И мороженое капает. А капли тоже огромные. И мороженое огромное.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. В общем, всё огромное.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет не всё! Только женщина, мороженое и капли. А остальное обычное. Нормальное, короче.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну и? Капли падают на землю?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Падают на землю и давят мужчин. Как муравьёв.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И как выглядит женщина?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Блондинка. Волосы длинные. До самого пояса.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Во что одета?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Одета? Так... это... белая блузка и голубые джинсы. На ногах розовые туфли на каблук.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И каблуки, конечно, тоже огромные?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ещё какие! Я там не один был. С приятелями. Со школьными. Так вот оба угодили ей под каблуки и...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Словно шашлык на шампур. Насквозь. Пронзило.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ещё кто-то был кроме вас?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Этот... Весёлый Коротышка!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Кто это?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, что-то типа гоблина. Только очень маленький.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Как мило.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. На нём был красный камзол, бархатные туфли с бубенчиками и шутовской колпак. Тоже с бубенчиками.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И что он делал?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что делал? Бежал! Как и я. Мы оба бежали от этой блондинки.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Успешно?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Куда там... она за один шаг проходила больше чем мы за триста.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так. И что же было дальше?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, я смотрю, что дело дрянь, и говорю. Говорю Весёлому Коротышке: «Чувак, нам от неё не убежать. Она быстрее. У меня уже сердце из груди выпрыгивает».

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А он?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А он говорит: «Тогда тебе придётся её убить». Ну, совсем спятил, одним словом. Убить Высокую Женщину! Надо такое ляпнуть!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И что вы...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, я ему и говорю: «Ты что, – говорю, – дурак? Ты посмотри какая она высокая! Да она щёлкнет по мне своим наманикюренным пальчиком и все мозги мне вышибет!» А этот... Коротышка... он засмеялся как идиот, затряс головой, бубенчики на колпаке зазвенели. «Ну, я-то, пожалуй, еще меньше», – говорит.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, что же, многое уже понятно...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А он, Коротышка, всё звенит и звенит. И тут до меня дошло! Он же не просто так звенит! Он её внимание привлекает. «Ты что? – говорю. – Спятил? Она же нас заметит!» А он такой: «Надо принять бой».

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ваш сон похож на...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так это ещё не всё! Она, женщина, шагает вперёд. С мороженого срывается несколько капель. И что же?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Придавила этими каплями с десятков мужчин. Там они и утонули. В этих каплях.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И вы...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да, и помимо прочего, Луиджи Фернандес!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Кто?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Звезда итальянского кино. Ну... ловелас... приехал к нам на отдых. Так вот, он тоже утонул. В одной из капель. Его тоже, значит, пришибло.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Короче, женщина у вас...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Короче, я говорю Коротышке: «Как же мне её убить?» А он такой: «Думай» и растаял в воздухе. Только звон бубенчиков слышно. И это... прежде чем растаять, снял шутовской колпак.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Чудесно...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, а Высокая Женщина... короче, она ещё шаг сделала и... дзынь! Раздавила нашего мэра и этого... банкира... как его... не помню.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Раздавила мэра.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Раздавила мэра. И убежать невозможно. Я стою, башкой верчу, что делать не знаю. А она всё ближе.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И что же вы...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Бананы.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Бананы?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Там валялся ящик бананов. Я его схватил и бросил ей под ноги. Она поскользнулась на банановой кожуре и упала. Ударилась спиной об асфальт.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ужас!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И это... талое мороженое... прямо по губам у неё потекло. А губы того... ярко-красной помадой подведены.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Другого я от вас и...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И туфелька.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Туфелька?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. С неё слетела туфелька.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Как с Золушки?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ага. Как с Золушки. Слетела и проехала возле меня. Сшибла с ног военных и полицейских.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Просто нет слов.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ага. Я даже испугался. Представил, как дохну под каплей мороженого. Тону. Или под этой туфлей. Но потом....

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Потом...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Потом я пришёл в бешенство! «Вот ведь, – думаю, – стерва!» Ну я, короче, схватил эту туфельку. Раскрутил её, что было сил в воздухе. И бросил в Высокую Женщину.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что дальше?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Туфля пролетела несколько метров и угодила в Высокую Женщину. Проткнула каблуком её сердце.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ужасно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А сердце у неё это... ювелирное. Из золота. С драгоценными камушками. И проба на сердце. Цифра. Семьсот пятьдесят. Не пятьсот, заметьте.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что дальше?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Дальше? Ничего. Отдышался, да домой пошёл. Настроение хорошее. Жизнь спасена!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Спасена?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, да.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ваша, как я понимаю?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А то чья же? Ну, ещё этих... мужиков, которые живы остались.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Но не Высокой Женщины, верно?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Не понял...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Её жизнь вы не спасли. Её жизнь вы отобрали.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, так она же это... злодейка.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Неужели?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А как же?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы сами-то не видите о чём сон?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да я же говорю, о Высокой Женщине.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. О высокой женщине. Ну да. Конечно. Ваш сон не о том.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А о чём же? О работе?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Сами не видите?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Чего? Что это типа опять работа? Возвышается надо мной, как женщи-

на? Давит меня поручениями, будто каплями? Так, что ли?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Высокая женщина. Выше вас. Возвышается. Вы мелкий. Жалкий. И все мужичонки вокруг тоже. Их не спасает даже статус. Мэр. Звезда итальянского кино. Военный. Полицейский. Они все ей в подмётки не годятся.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну так только по росту.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну так это символ! Рост – это масштаб личности. Она выше вас всех.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я так не думаю.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это я понимаю. Что вы так не думаете. Вы же неспроста сделали её блондинкой. Типа блондинки – тупые. Стереотипный вы наш.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Чего?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Того! Блондинки поумнее вас будут! Ясно?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Гну! Если блондинка, то сразу... ха... забавно!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вам ведь всё равно не удалось запятнать её образ.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Чё?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. У неё белая блузка, что символизирует чистоту. И голубые джинсы. Как небо. Красивое и недостижимо высокое. Понимаете? Высокое!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я понимаю... я много что понимаю...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Не похоже. Вот, например, рожок. Вы понимаете, почему именно рожок? А не стаканчик или эскимо?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну... он удерживает капли. Так? Меньше капает?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Нет. Не так.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А почему тогда?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Включите голову и поймёте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет, ну вы не правы!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Капли молока. Давят вас как муравьёв.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, во-первых, не меня. А... других. Там этого... как его... итальянского Луиджи задавило. Потом приятелей моих. Борьку с Витькой. Но не меня.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Молоко. Грудное молоко. Страх женского доминирования. Все мужики были раньше зависимы от матерей. От вскармливания. А теперь... теперь вы мстите за эту зависимость. Теперь вы беситесь из-за того, что были слабыми в детстве. И отыгрываетесь. Так?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я? Я не отыгрываюсь!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вас выдаёт ваш коротышка!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Кто?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Весёлый коротышка.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И чего? Что с ним не так?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это ваше эго.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Чего-о-о?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Эго. Ваше маленькое злобное эго. Похожее на гоблина.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, вы уж совсем...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы понимаете, почему оно такое маленькое? Потому что оно уязвлено. Оно ущербно. Из-за вашей обиды. Мстительности. За детскую зависимость.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да чего вы такое несёте? Да даже если это и эго! Так оно это... весёлое! Да! Весёлый Коротышка! Понятно? Весёлый! А не просто.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ага. И в шутовском колпаке.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Потому что вы чувствуете себя шутом рядом с женщиной, которая умнее и чище вас!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да какое вы... вы, почему... зачем вы так выворачиваете?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что вы делаете? А? Во сне?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Бежите. Бежите и убиваете!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, знаете...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Колобок хренов. От женщины убежал, убежал. Потом убил. От карася убежал, убежал, потом убил. С уроков сбежал, кузнечика убил.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вы не мешайте в одну кучу-то! С кузнечиком там самооборона была! А карася вообще не я убил! А водитель!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Я ведь поняла, почему вы так сказали!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Как сказал?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А вот так: «Сначала весёлый коротышка снял шутовской колпак, а потом исчез».

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну и что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Типа, чтобы вырасти и перестать быть шутом, обязательно убить высокую женщину? Обязательно убить в женщине личность?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да я вообще думал, вы про работу опять начнёте! Работа то, работа сё! Я вообще не думал!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да-а. Вообще не думал! Вот в это я верю!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я, между прочим...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что, между прочим?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Заплатил. За приём. На кассе. И не за тем... не за тем, чтобы вы мне это... как его... хамили.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ах заплатил! Заплатил? Как с карасём, да? Пятьсот рублей, чтобы потом

убить. За эти деньги. Или как с кузнечиком? Дал в долг и потом убил.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я не знаю, какая вас сегодня эта... как её укусила... но...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ящик бананов он увидел. Ага.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Прямо бананов! Кроме бананов, блин, ничего не было! А почему не апельсинов? Не яблок? Не клубники? Только рожки и бананы у него на уме!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так. Я тогда ухожу. Я не для того пришёл.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А для чего ты пришёл? Бананом он женщину убил. Ишь ты! Герой!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вы к чему-то не тому всё сводите.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ага. Не к тому. Встретил умную женщину и началось. Тяжело когда умнее тебя? Да? Сразу колпак шутовской на башке?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Всё, Мария Владимировна. Я ухожу. Может, это у вас метод такой, но я за такое платить. Мне такое.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Проба у неё на сердце. Гляди-ка... как заговорил!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Всё. До свидания!
(Встаёт, поспешно выходит из кабинета, захлопывает дверь.)

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ишь ты! Дрянь какая! *(Комкает лежащую на столе бумагу, швыряет её в дверь.)*

Сцена 7

Кабинет Марии Владимировны. Мария Владимировна сидит за столом. Входит Николай Антонович.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И всё же я вернулся.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Здравствуйте! Рада вас видеть.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ *(садится напротив Марии Владимировны)*. Точно рады? В прошлый раз мне показалось...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. У всех бывают срывы. Я не исключение.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, рад, что всё позади.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Как ваши дела сейчас?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так это... снова сон...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Про что на этот раз?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, точно не про работу.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Рассказывайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Тут даже и не сон. А как бы полусон.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. В смысле?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, у меня бессонница была, и мерещилось всякое. Так что, я и не знаю, спал я или нет.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ясно. Всё равно, рассказывайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Короче, это... лёг я спать и... мне показалось, что у меня за шторами живёт краб. А, может, я уснул и мне это приснилось.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Просто рассказывайте. Не размышляйте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, хорошо. Короче, у меня за шторами поселился краб. Он ворчал так... недовольно и это... шебуршал занавесками. И ещё клешнями клацал. А днём исчез.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Исчез, когда вы проснулись?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да, наверное.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это всё?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Не. Я как проснулся, так это... взял, короче, топор и крадучись подошёл к шторам. Медленно их раздвинул. Думаю, если там сидит, зараза, как вдарю его по башке!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. И ничего! Уже смылся куда-то. Исчез! А ночью вернулся.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что значит вернулся?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, это, опять шуршать стал. И клацать.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А вы?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Хотел взять топор, но... побоялся.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Чего?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что он перекусит меня клешнями. Он же как бес, краб этот! Ночью сильнее делается. А с лучами солнца... тает.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что за мистика?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я всю ночь от страха трясся. Лежу под одеялом и дрожу. Вдруг он вылезет? У него клешни, наверное, с два метра.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы же не видели.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Но чувствовал. И... короче, как рассвело, я пошёл в магазин и купил там крабовые палочки. Несколько упаковок.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Зачем?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так это... напугать его решил. Сел напротив штор и давай трескать. Сижу, ем эти палочки крабовые. Одну за другой. Весь день. Ну, чтоб он понял, что я опасен. Раз крабов ем.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну и как? Помогло?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А вы как думаете? Уж коли я жив, то помогло. Иначе б, он давно меня...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Перекусил.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это весь сон?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да я и сам не знаю. Сон это или не сон. Ведь мне снилось то, что уснуть я не могу. Что он это... свистел... противно... и я уснуть не мог.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Свистел как чайник или будильник?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А-а-а, самое главное! Самое главное-то забыл!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Он... короче, мне приснилось, что я к вам пришёл. Ну, на приём.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И что же?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Прихожу к вам, как сейчас. И говорю: «И всё же я вернулся». А вы отвечаете: «Здравствуйте! Рада вас видеть».

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это не сон. Это сейчас происходит.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет. Это-то да. А то нет.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. То был сон. Хоть и как сейчас. Но не так. Там другое было.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да? И какое же?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Там я вам рассказал про краба. А вы мне говорите: «Краб это плод вашего воображения. На самом деле этого краба не существует».

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Любопытно.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, я на вас рассердился, схватил топор и убил вас. Да. Зарубил топором.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Кошмар какой-то!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Кошмар. Очередной кошмар.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Нет. Вы – кошмар какой-то!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы – настоящий кошмар!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. То есть, как это я?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы! Вы же каждый сон кого-то убиваете! То кузнечика, то карася, то высокую женщину. А теперь и до меня добрались!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, это... работа, наверно... усталость там... всё такое.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. При чём тут работа? Вы что киллером работаете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да ну, скажете тоже...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Я понимаю... вы обиделись на меня. Рассердились за прошлый раз. Но убивать...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А странно, что нет «пятьсот», да?

54

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Чего?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, числа. Что нет его. Ну там, пятьсот рублей или тринадцать ударов часов. Да?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы давайте не придуривайтесь.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. То есть как?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы угрожаете мне, что ли?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да что вы? Я и не думал!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Не думал, не гадал он!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Никак не ожидал он. Такого вот конца!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, так это... в траве сидел кузнечик...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Кузнечика вы убили.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так то была самооборона.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Не надо мне угрожать.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так я и не собирался.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вот и не надо.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Просто Мария...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы издеваетесь?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что вы? Что вы? Я ж наоборот... это... за помощью! Помогите мне. Маша. Владимировна.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Как я вам помогу?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Там ещё один сон был.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ещё один?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Но там не про вас. Точно. Вы это... не обижайтесь.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Хорошо. Слушаю. Что за сон?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да тоже. То ли сон, то ли не сон.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так, вы опять начинаете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет, что вы! Нет! Я просто. Просто не знаю. Вроде я не спал. А потом так р-а-а-аз! И уснул!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Я слушаю. Рассказывайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, я был дома. Да. У себя дома. Сидел на софе. Или, как её? На диване. И закрыл глаза. Да, закрыл глаза.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И тут краб?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет. Тут девушка.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Неужели?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Тут девушка. В чёрных сапогах до самых колен.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Высокая?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да нет. Обычная.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Хорошо. Продолжайте.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Девушка. В чёрных сапогах.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. До самых колен. Дальше.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. У неё это... такое лицо... ну... как у наивного цыплёнка.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это какое же?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну... там... большие ресницы. Чёрные. И глаза. Огромные. Карие.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А цыплёнок тут при чём?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Это ещё погодите. Там будет дальше. А она... короче... она подходит и это... целует меня. В губы.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Пойдите...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Нет. У неё аромат. Духи. Да. Аромат духов. Он... это... заворачивает. Запах. Будто роза.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так, если это сон про...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, и я хотел обнять её. Сорвать с неё платье.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Хватит.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Начал её целовать. Сапоги снял с неё.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Уходите!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Как же я уйду, когда её лицо божественно?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Такие сны я не об-суждаю.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да какие тут сны, когда такое лицо? Там же... там и нос, и губы, и щёки!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы всё это на ходу придумываете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да какой там... я... я просто любовался. Ну, красивое лицо, думаю... а потом...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что потом?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А потом смотрю – есть в нём что-то цыплячье!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Неужели?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Агась! Не то, чтобы мне это не нравилось... это даже мило... но...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что «но»?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так и хочется сказать: «Не будь так похожа на цыплёнка!»

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Как мило.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Не, ну просто... как так можно? Как так можно, вообще? Жить с такой внешностью. Это же... она же... она же идёт по улице, а к ней все за автографом подходят. Наверное. Типа, распишитесь! Не, серьёзно! Ведь на улице такое редко увидишь. Да? Идёт девушка-цыплёнок!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Я понимаю, зачем вы это придумали.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Кто придумал? Я реалист. Я, так сказать, за правду! Но что поделать? Что поделать, если так и есть? Если правда, она такая. Ну, ведь правда... девушка-цыплёнок. Берут у неё автографы. А она. Она берёт эти бумажки. Ну, для раздачи автографов. Хотя бы и деньги. Да. Купюры. По пятьсот рублей. Берёт, чтобы расписаться. И пишет там как курица лапой!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так. С меня хватит!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Чёртова цыплячья внешность! Прямо страшно становится!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Уходите!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А эти жёлтые волосы?
Синюшно-пупырчатый бройлер.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Николай Антонович!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Не губы, а клюв!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Сеанс окончен!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Подходит и начинает клевать. Меня. Клюёт и громко кудахчет.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, мне что, охрану позвать?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, и я это... открыл глаза... а её нет! Вот так! Ну, думаю, пропади они пропадом, эти цыплячьи нежности!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Больше ко мне не приходите!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Почему?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. По кочану!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Не, серьёзно...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Серьёзно. Я вас поняла. Поняла, что вам нужно. Зачем вы это...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вы обиделись, что ли?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Уходите.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Странно. Ну, как скажете. Хотя...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что хотя? Вы меня слышите, вообще?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Конечно. Очень хорошо. Очень хорошо вас слышу.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Покиньте мой кабинет и больше не приходите!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Хорошо.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что вы сидите?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так я это...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Так я это, так я то...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так я три тыщи ещё не заплатил. На кассе.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Идите.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну... *(Встаёт, идёт к двери.)* До свидания! *(Выходит из кабинета.)*

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Прощайте!

Сцена 8

Кабинет Марии Владимировны. Мария Владимировна сидит за столом. Вид у неё измождённый, подавленный. Одета небрежно. Входит Николай Антонович. Вид у него цветущий. Одет с иголочки. В руках коробка конфет и букет цветов.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. А вот и я, Мария Владимировна!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да! Здравствуйте!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Но...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я, Мария Владимировна, здоров!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Здоров?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. И всё благодаря вам! Вы меня исцелили.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Я...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вы! И, позвольте уж, так сказать, отблагодарить! От чистого сердца! Вот вам цветы.

Николай Антонович протягивает Марии Владимировне букет цветов. Мария Владимировна берёт букет чисто механическим жестом.

И вот вам конфеты! (Кладёт на стол, перед Марией Владимировной, коробку конфет.) Конфеты превосходные! Даже не сомневайтесь. Я такие конфеты всегда себе покупаю. Когда себя, так сказать, люблю. Когда собой, так сказать, доволен. Очень хорошие. А вкусные какие... просто жуть!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Жуть.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Но с жутью покончено! И всё благодаря вам.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Мне.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Уже вторую неделю никаких кошмаров! Сплю как младенец! Все сны добрые, светлые, сладкие! Кстати, взял отпуск. Как вы и советовали. Доволен. Отдыхаю. Может, и съезжу куда. Начальство одобрило. Даже премию дали. Вот ведь как бывает! То пашешь, пашешь, а тебя не замечают. А то взял отпуск, а тебе ещё и премию! А почему? А потому, что бояться, что уволюсь. Уйду, так сказать, туда, где лучше. Но... это так. К слову. А главное... главное в том, что я исцелён! Благодаря вам.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Мне. Мне. Благодаря мне.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Без вас бы не справился. А теперь... что ни сон, просто сказка! Вчера снилось, будто клад искал, позавчера – отдых на море снился. А сегодня, сегодня я во сне летал. Так что, спасибо вам, дорогая Мария Владимировна!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Мне. Мне. Благодаря мне!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Благодаря вам.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Благодаря мне и моим нервам! *(Швыряет в Николая Антоновича букет цветов.)*

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Маша... что вы?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Конфеты он принёс! *(Швыряет в Николая Антоновича коробку конфет.)*

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да они же это! Вкусные! Жалко же!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ах тебе жалко? Жалко? *(Нервно вскакивает из-за стола.)*

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ *(пятится)*. Что вы? Мария Владимировна! Я... я вас не узнаю!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА *(подходит к двери кабинета, запирает её на ключ, ключ кладёт к себе в карман)*. Бежать некуда.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Что с вами? Что с вами стряслось?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что со мной стряслось? *(Поднимает букет, надвигается на Николая Антоновича.)*

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Маша...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА (*бьёт Николая Антоновича букетом*). Ты! Со мной случился ты!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ (*прикрывается от ударов Марии Владимировны*). Да что... что я сделал-то?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА (*продолжает бить Николая Антоновича остатками букета*). Ты много чего сделал! Много чего!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да что? Что, например? (*Пятится от Марии Владимировны.*)

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Например, синий слон. Синий слон две ночи подряд убивал меня из револьвера. А ещё высокий мужик. Он пытался задохнуть меня в ракушку.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Я... я не пойму...

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Не поймёшь? Не поймёшь? А что же тут понимать? Что же тут понимать, когда все эти дни мне снились то кузнечики, то гарпии, то лабиринты. Что же тут понимать, когда летающая фата каждую ночь пыталась меня обмотать? (*Подходит к столу, достаёт ножницы.*) Всё, Коля, бежать некуда!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Мария... Владимировна... вам... что... снятся страшные сны?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА (*разглядывает ножницы*). О да, мой милый друг! Каждую ночь! То крабы за шторами, то тролль в шкафу. То пиявки в ванне, то снеговики в холодильнике!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Так! Мария Владимировна! Маша! Ведь вы же психолог! Вам так нельзя! Вы в руки... в руки себя возьмите!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. В руках, Коля, у меня ножницы!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Стойте!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Как давно вас начали мучить эти кошмары?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Как давно? Да уже три недели.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Каким был ваш первый кошмар?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну... *(Задумавшись, садится в кресло для клиентов, где прежде сидел Николай Антонович.)* Мне приснилось, что на меня напали бананы. Да. Сотни бананов. Они прыгали на меня, оскалив злобные морды. Пытались укусить. Но я взяла швабру и начала отбиваться.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ *(встаёт с пола, потряхивается)*. Они поранили вас?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Нет. Я оказалась проворней. Но... как только они ушли, тут же явились крысы. Они играли на дудочках и танцевали.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ *(осторожно подходит к свободному креслу, садится в него)*. Эти крысы... они хотели вам зла?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Не знаю. Но, согласись, странно, прийти в чужой дом и устроить там концерт. Или эту, как её? Дискотеку.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Действительно звучит странно. Но, может, им просто некуда было идти?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Возможно. Я об этом не думала. Но... честно говоря, мне это по барабану. В конце концов... мне... мне тоже надо спать. Я живой человек. А они устроили танцы. Ночью. И ещё эти ду-дочки... Нет, ну как тут уснёшь?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Очень хорошо вас понимаю. Бедная Маша. И на работе, небось, устали?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ещё бы! Каждый день приходят какие-то психи и грузят своими проблемами.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да, тут у любого крыша поедет.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вот именно!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Скажите, а вы не думали взять отпуск?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Я... ну... а что? Можно и в отпуск, пожалуй.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вы слишком много работаете.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы думаете?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Конечно. Ещё и работа такая нервная!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, может быть.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Обязательно берите отпуск.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Можно было бы съездить в Хорватию. Там такое красивое море...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Очень хорошая мысль. Одобряю!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Тогда так и сделаю.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Правильно. И я с вами поеду!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, у меня ведь тоже отпуск.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А-а-а...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. И я как раз думал, куда бы поехать. Стало быть, в Хорватию!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. У меня подруга была. Месяц назад. Говорит там очень красиво.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вот и поглядим.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ещё бы от этих снов проклятых избавиться.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, это просто.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Неужели?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да. Какой сон вас напугал больше всего?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Про то, как на меня напал крокодил с зонтиком.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Продайте этот сон за пятьсот рублей.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Кому?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Тому, кто найдёт.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Как это?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, бросьте сейчас пятьсот рублей в окно и скажите: «Продаю свой сон про крокодила и другие кошмары тому, кто найдёт эти пятьсот рублей».

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. А это поможет?

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Безусловно!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, ладно. *(Достает из сумочки пятьсот рублей, подходит к окну, открывает его, бросает в окно пятьсот рублей.)* Продаю свой сон про крокодила и другие кошмары тому, кто найдёт эти пятьсот рублей.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну вот, теперь всё наладится!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ой, кто-то уже поднял.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вот видите!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА *(закрывает окно, подходит к креслу, садится в него)*. Надо же, как просто.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Ну, я же говорил.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. И на душе полегчало.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Вот и славно!

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Спасибо вам!

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Да не за что.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Хорватия... море...

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ. Кстати, а на какое число брать билеты?

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Берите на тринадцатое.

КОНЕЦ

Мария Малухина НОЯБРЬСКИЙ ЗОВ

Действующие лица:

ЛИЛЯ МАКАРОВА, 14 лет.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ, 70 лет, дедушка Лили.

ПАЛКА (Анна Павловна), 28 лет, классная руководительница Лили.

БОРЩ (Борис Петрович), 45 лет, физкультурник, руководитель школьного кружка походников.

КОЛЯ ШЕСТАКОВ, одноклассник Лили.

АЛЕКСАНДР ШЕСТАКОВ, 43 года, папа Коли.

АРИНА ВОРОНОВА, одноклассница Лили.

ВИКТОРИЯ ВОРОНОВА, 40 лет, мама Арины.

СТАСЯ ЛАПИНА, одноклассница Лили.

ЖЕНЯ, он же ЖАБА, одноклассник Лили.

ЛЕНА, 43 года, мама Лили.

КОСТЯ, 44 года, папа Лили.

ЗИГГИ (Фрейд или Стардаст, по ситуации).

Сцена 1

Лилина квартира. Вечер. Ужин. Накрыт праздничный стол, на столе парадный сервиз, красивые бокалы. За столом в одиночестве сидит высокий крепкий пожилой мужчина. Это Сергей Геннадьевич, дедушка Лили. Энергично орудуя ножом и вилкой, он с аппетитом разделяется с мясом, запивая его вином из бокала. Дверь в соседнюю комнату плохо прикрыта, из-за двери довольно хорошо слышны голоса.

ЛИЛЯ. Да вы совсем, что ли?

ЛЕНА. Лиля, тон.

КОСТЯ. Я вообще не вижу проблемы.

ЛИЛЯ. Рада за тебя, пап! А я вот вижу.

ЛЕНА. Лиля! Тон!

ЛИЛЯ. Чего тон-то? Мне как реагировать?: «Привет, дорогой дедушка! Я так рада!»

КОСТЯ. Ну, как вариант.

ЛИЛЯ. Сам с ним тогда в поход и иди!

ЛЕНА. Лиля, это не обсуждается!

ЛИЛЯ. Да я вообще ни в какой поход не собиралась!

ЛЕНА. Теперь собираешься.

ЛИЛЯ. Да чего я там с ним позориться вдвоем буду?

ЛЕНА. Лиля! Во-первых, если кто кого и может опозорить, то это ты – дедушку.

ЛИЛЯ. Конне-е-ечно. Он же у вас светило.

ЛЕНА. Светило – не светило, а все же.

КОСТЯ. Знаменитый хирург, профессор, между прочим. Можешь им, наоборот, перед одноклассниками понтоваться.

ЛЕНА. Костя! Ну, не та ситуация...

КОСТЯ. Хорошо, хорошо. Я просто тебя поддержать пытаюсь.

ЛИЛЯ. Ага. Вдвоем против одного. Так нечестно!

ЛЕНА. Ой, хватит. Страдалица! И вообще, остальные тоже с родителями будут.

ЛИЛЯ. Все с родителями, а мне, значит, деда в нагрузку? Спасибо, блин, большое!

ЛЕНА. С родственниками. Все будут с родственниками. Все. Не придирайся к словам! Рюкзак я у тети Наташи одолжила. Пенку у Мити взяла.

ЛИЛЯ. Какую пенку?

ЛЕНА. Сидушка под попу. Пенка называется.

ЛИЛЯ. Пипец.

ЛЕНА (*устало*). Лиля!

КОСТЯ. А я вот в школе очень любил в походы ходить.

ЛИЛЯ. Да говорю же, вот и иди с ним вдвоем.

КОСТЯ (*Лене*). Лен, а может?

ЛЕНА. Не может, Костя. Всё. Лиля, у тебя есть прекрасный шанс узнать дедушку поближе. Давай, давай! И козью морду с лица убери, пожалуйста.

Лиля заходит в комнату с мрачным выражением лица и садится за стол напротив деда.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ (*невозмутимо*). Восхитительное мясо Леночка приготовила. Практически оссобуко. Тебе положить?

ЛИЛЯ. Нет.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Не голодная?

Лиля молчит.

Или мясо не ешь? Если вдруг вегетарианишь или веганишь, не забывай белок восполнять. Белковая недостаточность – дело паршивое.

В комнату входят Лена и Костя.

ЛЕНА. Все она ест, папуль. Лиль, не выдрючивайся. Не хочешь мясо, сделай себе бутерброд с икрой.

ЛИЛЯ (*резко огрызается*). А можно я сама, блин, как-то решу?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Можно. А так со мной разговаривать нельзя. С мамой и папой тоже. Учти на будущее, я второй раз не повторяю.

Лиля краснеет, вскакивает, уносится из-за стола в другую комнату, громко хлопая дверью. Сергей Геннадьевич невозмутимо возвращается к мясу.

ЛЕНА. Ну, вот как-то так. Прости, пап.

КОСТЯ. Вообще-то, Сергей Геннадьевич, при всем уважении, она вас второй раз в жизни видит. Вы нас визитами из своих столиц особо не балуете.

ЛЕНА. Кость!

КОСТЯ. Ну, может, третий раз. Глупо ожидать, что Лиля сразу воспылает к вам нежными чувствами.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Ну, учитывая, что ты так и не воспылал...

ЛЕНА. Папа! Ну ты что! Костя всегда...

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Все нормально. И спасибо. Константин, и тебе тоже. Леночке, я, все-таки, близкий родственник, дочерний долг, знаешь ли, довлеет, а ты мог бы и не напрягаться... Особенно в такой ситуации.

ЛЕНА. Папа, ну что ты такое...

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. В общем, спасибо. Вам обоим. Простите, что я как снег на голову.

КОСТЯ (*смутившись*). Что вы, в самом деле...

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ (*резко отодвигая от себя тарелку*). Ох, не могу. Объелся. Вкусно, дочка, но нельзя же столько...

ЛЕНА. Ты на работе, потому что одними бутербродами всю жизнь питался. А у нас ещё, между прочим, торт.

Сергей Геннадьевич преувеличенно охает, хватается за голову.

КОСТЯ. Может, на торт мы ее все-таки из комнаты выманим...

Сцена 2

Лиля в своей комнате. Она садится на ковер, открывает толстую тетрадку в пестром пере-

плете, это ее дневник. Лиля кладет тетрадку на колени и начинает писать.

ЛИЛЯ. Знаешь, что, Зигги? Сегодня я хочу поговорить вот об этом вот особом родительском лицемерии. Вроде, они такие классные, такие свои люди, такие никаких секретов, всегда на твоей стороне, а потом р-р-раз, и просто в секунду все это куда-то улечучивается.

Появляется Зигги Стардаст (сценическое альтер-эго Дэвида Боуи) в узнаваемом костюме и мейкапе.

ЗИГГИ. Ты про дедушку?

ЛИЛЯ. Да какой он мне дедушка? Дедушка это, я не знаю... Когда вы гуляете в детстве за ручку, он тебя водит в театр или зоопарк, у него всегда в запасе твое любимое печенье, и пахнет от него так... по-особенному. Чем, вообще, обычно пахнет от пожилых мужчин?

ЗИГГИ. Табаком, специями, солнцем на закате. И временем, его у них не так много, а потому запах времени особенно силен. А чем от него пахнет?

ЛИЛЯ. Ничем. Он стерильный какой-то. Как будто антисептиком залили. Фу.

ЗИГГИ. Может, ты слишком быстро судишь? Ты же совсем его не знаешь.

ЛИЛЯ. А мне не надо его знать. Я эти телефонные разговоры всю жизнь слышу.

ЗИГГИ. Одну сторону.

ЛИЛЯ. Мне и одной стороны достаточно. Мама вечно после них зареванная. Потому что он ее гнобит

все время. Ууу, предала династию, не пошла в мед, сидишь в провинции, занимаешься своей псевдонаукой... А мама, между прочим, людям помогает.

ЗИГГИ. Так он тоже помогает. Он вообще, вон на операционном столе жизни спасает.

ЛИЛЯ. А мама не спасает? Сколько у нее этих суицидников? А анорексичек?

ЗИГГИ. И все же.

ЛИЛЯ. Ты что, на его стороне, что ли? Тоже мне. Звезда рок-н-ролла, называется.

ЗИГГИ. Я ни на чьей стороне. Я на стороне космического абсолюта.

ЛИЛЯ Толку от тебя!

ЗИГГИ. И вообще, если твои родители решили отправить деда с тобой в поход, значит на это должна быть какая-то причина. На все в этом мире есть какая-то причина.

ЛИЛЯ. Да она его даже не любит! А от меня требует! *(Передразнивает маму.)* «У тебя прекрасный шанс узнать дедушку поближе». А чего там узнавать? Он же реально ей всю жизнь только настроение портит.

Лиля задумчиво замолкает.

ЛИЛЯ. Или, все-таки любит?

ЗИГГИ. Для этого надо понять, что такое любовь.

ЛИЛЯ. Для меня или вообще?

ЗИГГИ. Никакого вообще не существует.

ЛИЛЯ. Хорошо. Лично я думаю, что любовь – это когда хочешь быть с кем-то вместе. Когда гуляешь, си-

дишь в школе, тусуешься, и при этом... Ну, хочешь чего-то ещё. Держаться за руки. Быть рядом. Целоваться под дождем. Как-то так. Наверное.

ЗИГГИ. Такая любовь прекрасна, но часто кончается вместе с тем самым дождем. А любовь между родителями и детьми – это другое.

ЛИЛЯ. Ну да. Наверное. Тогда, по ходу, любовь к родителям – это, скорее, как базовые приложения в телефоне. Даже если очень захочешь, не удалишь. Так и живешь с ними всю жизнь. Даже если бесят и место нужное на диске занимают.

ЗИГГИ. Кажется, ты сама ответила на свой вопрос.

ЛИЛЯ. Ты, кстати, тоже бесишь. Марсианин хренов.

ЗИГГИ. Это потому, что я прав.

ЛИЛЯ. Да ничего ты не прав! Если мама хочет ему все прощать и по три часа к его приезду какую-то окоску готовить, то это ее личные проблемы.

ЗИГГИ. Особуко.

ЛИЛЯ. Вообще без разницы!

Лиля раздраженно хлопывает дневник и отбрасывает его в сторону. Зигги исчезает.

Сцена 3

Пригородная электричка. В пустом вагоне сидят только участники похода – Лиля с Сергеем Геннадьевичем и Лилины одноклассники: Коля Шестаков с папой Александром,

Арина Воронова с мамой Викторией, Стася Лапина и Жабба без родителей. В тамбуре стоят учителя – Палка (Анна Павловна) и Борщ (Борис Петрович).

БОРЩ. Рука прямо сама в карман за сигаретой лезет. Какой-то рефлекс в электричках.

ПАЛКА. Борис Петрович, вы же физкультурник.

БОРЩ. Да я бросил давно. У меня такая одышка началась, что уроки вести не мог. Но все равно – молодость, гитара, покурить в тамбуре. Это же что-то неотъемлемое было, часть меня. А теперь как фантомные боли ощущается. Как будто отрезанную ногу почесать хочется.

ПАЛКА. Ладно вам. Так говорите, как будто это все в прошлом.

БОРЩ. В настоящем, Анн Пална, у меня только лысина. И полное отсутствие энтузиазма.

ПАЛКА. Как будто я им фонтанирую. Думаете, мне хочется по лесам в ноябре месяце таскаться? Снег, вон, скоро выпадет.

БОРЩ. Я вообще не понимаю, зачем? Их там пять человек.

ПАЛКА *(со вздохом)*. И родители.

БОРЩ. Так и чего?

ПАЛКА. У нас поход в учебном плане на сентябрь стоял, но мы в карантин ушли. Перенесли на октябрь – тут вторая волна.

БОРЩ. Вроде, пятая сейчас?

ПАЛКА. Вторая за учебный год. А поход в плане как стоял, так и стоит. Ну, и вот.

БОРЩ. А почему народу так мало?

ПАЛКА. Так остальным родители отвод написали. У кого кружки, у кого репетиторы.

БОРЩ (*кивая на тамбур*). А эти, значит, энтузиасты?

ПАЛКА. Да ребята-то все хорошие.

БОРЩ (*заглядывая в тамбур*). Неплохие.

ПАЛКА. Меня больше родители волнуют. Они же у меня первый год, толком пока никого не знаю. И вообще, классное руководство в первый раз. А у нас родительское собрание только в зуме было. Кто камеру отключил, кто в машине едет, у кого младенцы с котами дуэтом орут. Спасибо, что в штанах, называется (*в ответ на изумленный взгляд физрука*.) Ой, лучше вам не знать, Борис Петрович.

БОРЩ. Ничего, Анечка. Не съедят же они вас.

Палка скептически морщится.

А если захотят, покажу вам технику бега по пересеченной местности. Вы молодая, худенькая, раз-раз через лесок... Видели фильм «Зомбиленд»? В случае зомби-апокалипсиса главное – быстро бегать.

ПАЛКА. Ага. И метко стрелять.

БОРЩ. Э-э-э, мил моя, это у нас еще осень. Мы тут марафонцы, не спринтеры. Стрелять вам ближе к маю захочется.

Палка и Борщ заходят в вагон, садятся на одну из лавок.

Виктория, мама Арины, достает телефон, начинает фотографировать свои яркие резиновые сапоги. Сделав, наконец, удачное фото, она поворачивается к Арине. Арина сидит рядом с мамой, отвернувшись к окну, в ушах у нее наушники.

ВИКТОРИЯ. Ариша, давай селфи.

Арина не реагирует, Виктория дергает ее за рукав.

АРИНА. Мам, что?

ВИКТОРИЯ. Улыбнись в камеру, пожалуйста.

Арина корчит рожу.

Нормально можешь улыбнуться?

Арина нехотя улыбается, Виктория делает селфи, потом придирчиво его рассматривает.

Нет, плохо получилось. У меня бугры на коже. *(Начинает массировать щеку, легко стуча по коже подушечками пальцев.)* Посмотри на меня. Арина! Когда лицо массируешь, всегда от носа, от носа. Иначе ещё больше морщин себе наделаешь.

АРИНА. Фильтры же есть.

ВИКТОРИЯ. Не учи меня, я сама знаю. Фильтр я все равно наложу, только легенький. Деликатненький. Если сильный поставить, сразу напишут, что я старая, страшная и без фильтров никуда. Ну-ка, давай ещё раз. Арин, влево голову. Влево голову, у тебя так нос на клюв похож.

АРИНА. Мам!

ВИКТОРИЯ. Не мамкай. Влево развернись... Вот. Другое дело.

ЖАБА (*с выражением декламирует*). Вороне как-то бог послал кусочек сыру...

Коля и Лиля в разных концах вагона прыскают от смеха, Стася испуганно оборачивается.

АРИНА. Жаба!

ЖАБА. Иван Андреевич Крылов. К нему все вопросы.

ВИКТОРИЯ. Ариш, не отвлекайся.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ (*со своего сидения, Вмктории*). Вас, может, сфотографировать?

ВИКТОРИЯ (*оборачивается, поджмивает губы*). Спасибо. Мы сами.

ЖАБА (*достает из рюкзака яблоко, начищает его полкой свитера*). Эй, Воронова!

Арина оборачивается, Жаба кидает ей яблоко.

79

Не щелкай клювом!

Арина ловит яблоко и со всех сил запускает его обратно в Жабу.

АРИНА. Иди ты.

Арина попадает Жабке в лицо, Жаба картинно хватается за нос, запрокидывает голову назад.

ВИКТОРИЯ. Арина!

АРИНА. Он первый начал!

Палка и Борщ вскакивают со своих мест, бегут к Жабе.

ПАЛКА. Женя, ты как? Женя!

БОРЩ (*отрывает руки Жабы от лица*). Нос цел. Даже крови нет.

ЖАБА (*возмущенно*). Вообще-то, есть! Может, я ее глотаю сижу.

БОРЩ. Сплюнь!

ЖАБА. Чего?

БОРЩ (*достав из кармана носовой платок*). В платок сплюнь. Если кровь есть, увидим.

ЖАБА. Буду я в платок плевать! Конечно! (*Выпрямляется на сидении и подозрительно быстро перестает страдать.*)

ПАЛКА. Ну, слава богу. (*Поворачивается к Ари-не.*) Арина, тебе не стыдно? Это очень агрессивное поведение.

АРИНА. Он! Первый! Начал!

ВИКТОРИЯ. Ну, вообще-то, действительно. Мальчик, как там тебя? Ты чего, вообще?

КОЛЯ (*негромко*). Да что на него внимание обращать? Жаба как всегда.

ПАЛКА. Арина, Женя, оба извинитесь.

ЖАБА. Может, обняться еще? В знак вечной дружбы и симпатии?

АРИНА. Я его обнимать не буду!

ЖАБА. Как будто я прямо стремлюсь! Это сарказм, Воронова, мозгами пошевели!

АЛЕКСАНДР (*Коле*). Коля, вообще-то, обидные анималистичные прозвища – это уже буллинг. Надо быть экологичнее. У твоего одноклассника есть имя, Женя. Почему бы не пользоваться им?

КОЛЯ. Пап, вообще-то, с обидным анималистичным прозвищем Жаб... Женя сам к Арине первый подъехал. Я же говорю, как обычно. Он всегда сначала провоцирует, а потом бедненьким притворяется.

АЛЕКСАНДР. То-то ты так радостно над его первой шуткой вместе со всеми посмеялся.

КОЛЯ (*раздраженно*). Ой, ладно...

ПАЛКА (*Жабе*). Женя! Оставь свои комментарии про мозги, пожалуйста. У всех их тут равное количество. Никого обнимать не надо. Вербальных извинений достаточно. Ну? Я жду.

АЛЕКСАНДР. Нет, Коль, вообще-то, не ладно. Это конфликтная ситуация, на ней можно поучиться эмоциональной грамотности. Давай проговорим то, что мы оба чувствуем по этому поводу.

КОЛЯ. Чувствую, я попал с этим походом...

АРИНА (*Жабе, нехотя*). Прости.

ЖАБА (*Арине, нехотя*). Извини. (*Палке.*) Довольны?

ПАЛКА. Вполне. Спасибо.

АЛЕКСАНДР (*Коле*). Ладно, хочешь, я начну? Дай подумаю... Так... Эмоции, которые я сейчас испытываю, это грусть и, пожалуй, раздражение... Грусть связана с тем, что... Коля! Коль!

Коля встает, пересаживается в другой конец вагона к Стасе. Стася вжимается в окно еще больше, но Коля не собирается с ней разговаривать. Он просто достает телефон и начинает скроллить экран.

Александр краснеет, начинает очень деловито перезавязывать шнурки на своих дорогих спортивных ботинках.

Сергей Геннадьевич наклоняется к Лиле, говорит с ней тихо, так, чтобы их не слышали другие.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Девочка у окна. К которой Коля подсел. Как ее зовут?

ЛИЛЯ. Стася.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Почему одна сидит?

ЛИЛЯ. Ну, кто с родителями или (*подчеркивает*) родственниками, тот с ними сидит. Она – без.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. А почему с Жабой не села? Тот тоже один.

ЛИЛЯ. Жаба ее с потрохами сожрет.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Мимикрия Бейтса. Ну-ну.

ЛИЛЯ. Чего?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Когда съедобный вид имитирует несъедобный.

ЛИЛЯ. При чем тут Жаба, вообще?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Кстати, о жабах, как раз замечательный пример бейтсовой мимикрии – неопасная и довольно милая конголезская жаба прекрасно притворяется головой ядовитой габонской гадюки.

Форма такая же, окраска. Не отличить! Даже шипеть соответствующе научилась. Аналогию сама проведешь, или все разжевать и в рот положить надо?

ЛИЛЯ. *(закатывая глаза)*. Гос-с-с-поди!

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ *(не обращает внимания)*. А почему, кстати, Стася с Колей не заговорила?

ЛИЛЯ. У нее родители...ну... такие... сильно верующие. Их там какая-то адова куча детей. Семь или восемь, не знаю точно. Типа каждый год по ребенку. Она старшая. Ну и боится.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Чего?

ЛИЛЯ. Всего. Она думает, если к ней парень прикоснется, она забеременеет сразу.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Она сама тебе сказала?

ЛИЛЯ. Нет. Это шутка. Ну, или нет. Больше наблюдение.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Наблюдение должно быть эмпирически подтверждено. Так что у тебя пока скорее недоказанная гипотеза.

ЛИЛЯ. И вообще. Чего ты про всех вопросы задаешь?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Мы живы, пока нам любопытно.

ЛИЛЯ *(мрачно)*. Меня, значит, можно закапывать.

Сцена 4

Участники похода пасутся на пустом перроне под табличкой с названием станции «Кирпичные

выемки». Палка достает телефон, фотографирует название.

БОРЩ. Здесь когда-то хотели кирпичный завод строить, но не сложилось. И слава богу, лес тут отличный, мы всегда со старшими классами сюда в походы ходим. А название, вот, осталось.

ПАЛКА. А почему «выемки?»

БОРЩ. Глину для кирпичей тут же и планировали вынимать.

ВИКТОРИЯ. Романтика.

Александр нервно проверяет телефон, связи нет. Он поднимает руку со смартфоном повыше, вертит телефон и так и так.

АЛЕКСАНДР (Коля). У тебя сеть ловит?

Коля лениво лезет в карман, достает телефон.

(Нетерпеливо.) Так ловит или нет?

84

КОЛЯ. Ловит. Нет новых сообщений.

АЛЕКСАНДР. А я спрашивал, что ли, про твои сообщения? Я, вообще-то, имейл по работе жду.

КОЛЯ. Ясно. Понятно.

АЛЕКСАНДР. Слушай... Извини. Я...

КОЛЯ. Да проехали, пап.

АЛЕКСАНДР (меняя тему). А я, между прочим, начал к железке готовиться. Дистанция два два шесть.

КОЛЯ. М-м-м?

АЛЕКСАНДР. Айронмен! Ну, триатлон самый крутой. Двести двадцать шесть километров. Бег. Плавание. Велик. Я даже велостанок купил. *(Показывает Коле фото в телефоне.)* На профессиональных шоссе-снейных велах зимой не поездишь, а тут дома прямо ставишь крепления, суешь в них свой велик, и вперед, спортзал – твоя гостиная.

КОЛЯ. Ага. Она же спальня. Она же кухня. У тебя этот велостанок всю студию занял. Как ты теперь на балкон курить выходишь?

АЛЕКСАНДР. Я бросил.

Сергей Геннадьевич тем временем подходит к Стасе.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Вы рюкзак на спине не держите. Хотя бы сейчас, когда на месте стоим.

Стася испуганно оглядывается на него, но послушно снимает рюкзак.

Стася – Станислава?

СТАСЯ *(еле слышно)*. Анастасия.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Стасенька, вы диспансеризацию когда последний раз проходили?

Стася пожимает плечами.

У хирурга бывали, вообще?

Стася молчит.

Рентген позвоночника?

Стася мотает головой.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Головные боли? Головокружения? Утомляемость?

СТАСЯ. Да я всегда... усталая немножко.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Обмороки?

СТАСЯ. Ну... редко.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ (*осторожно прикасаясь к Стасиной шее сзади*). Тут болит?

Стася кивает.

(*Бормочет.*) Выраженный кифоз, возможно юношеский остеохондроз... (*поднимает Стасин рюкзак.*) Это вообще никуда не годится. (*Открывает рюкзак, перекладывает к себе Стасин спальник, вытаскивает термос, жестяные кружки и тарелки.*) Лиля, подойди, пожалуйста.

Лиля нехотя подходит.

(*Лиле.*) У тебя в рюкзаке место есть?

ЛИЛЯ. Ну, есть.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. А без «ну»?

ЛИЛЯ (*мрачно*). Есть.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Стасин спальник я возьму, а посуду к тебе положим.

ЛИЛЯ. Я, вообще-то, не нанималась чужие вещи таскать.

Сергей Геннадьевич подходит к Лиле сзади и открывает ее рюкзак.

(*Пытаясь развернуться.*) Эй, ты чего? Пусти!

Сергей Геннадьевич крепко держит рюкзак, и, не смотря на Лилино сопротивление, вытаскивает из него контейнеры с едой. Затем он открывает контейнеры и начинает демонстративно выбрасывать из них еду на ж/д пути.

ЛИЛЯ. Дед! Дедушка!! Ты что делаешь? Ну, ты что?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. А я не нанимался готовить еду неприятным мне людям.

ЛИЛЯ. Выбрасывать-то зачем?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Собак местных покормлю, доброе дело сделаю. *(Снимает с бутерброда колбасу и действительно кидает ее подбежавшей бродячей собаке.)*

ЛИЛЯ. Пипец.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Не расслышал?

ЛИЛЯ *(Стасе)*. Давай сюда свой термос.

СТАСЯ. Не надо, я сама...

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Стасенька, без разговоров. Вам тяжелое нельзя таскать.

СТАСЯ. Так я все равно младших на руках ношу.

Сергей Геннадьевич почти полностью перекладывает содержимое Стасинового рюкзака к себе, посуду к Лиле, взвешивает рюкзак и, наконец, остается доволен.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Не надевайте пока. Не торопитесь.

ПАЛКА. Народ! Народ! Не расходитесь, пожалуйста. Все из туалетов вернулись?

Нестройный хор голосов: Все!

ПАЛКА. Поднимите руки. Родители тоже, пожалуйста! (*Считает.*) Раз, два, три, пять, семь... Так, кого-то не хватает. Кого не хватает?

АРИНА. Жабы нет.

ПАЛКА. Кто последним видел Женю? Может, он еще в туалете?

БОРЩ. Нет, я только что оттуда, там больше никого.

ПАЛКА (*кричит*). Женя! Женя! (*Тихо.*) Да, блин!

ВИКТОРИЯ. Что за проблемный ребенок?

АЛЕКСАНДР. То, что вы его называете «проблемным», не сделает его менее проблемным. Скорее, наоборот.

ВИКТОРИЯ. Ой, боже мой! Как будто меня это должно волновать.

ПАЛКА. Женя!

АРИНА. Да вон ваш Женя.

88

Арина показывает на ж/д пути. Жаба отошел от платформы, стоит на более дальнем пути, снимает видео для Тик-Тока. Вдалеке слышится гудок поезда.

Сергей Геннадьевич моментально спрыгивает вниз с платформы, бежит к Жабке, хватается за шкурку и тащит обратно на платформу. Жабка сопротивляется.

ЖАБА. Пустите! Эй! У нас свободная страна.

Сергей Геннадьевич, вытащив Жабку на платформу, ставит его перед собой, встряхивает.

Сюжет

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Страна, может, и свободная, хотя и это сомнительно, а вот у поезда степень свободы одна. Сечешь?

Жаба молчит, но пытается выкрутиться и сбросить с предплечий руки Сергея Геннадьевича.

Это значит, что он может либо вперед, либо назад. И, если что, тебя не обедет.

ЖАБА. Да че вы пристали? Поезд далеко еще!

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. А тормозной путь у него долгий. Птичка пролетела, ты обернулся, посмотрел, споткнулся, упал, а вот и поезд. Я как-то одного твоего ровесника оперировал. Одна нога прямо на путях осталась лежать, другую хоть до больницы и довели, но и ее не спасти было. Так что я ее отрезал! Там гангрена назревала, рельсовые раны всегда рваные и грязные.

КОЛЯ. Жесть.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. И это расторопный парнишка, из везучих. Теперь сечешь?

Жаба кивает, Сергей Геннадьевич его отпускает.

ПАЛКА (обращаясь к Сергею Геннадьевичу). Простите, я имена-отчества пока не все запомнила...

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Сергей Геннадьевич, Лилин дед.

ПАЛКА. Да-да, Сергей Геннадьевич, спасибо, что так оперативно Женю... привели. Но, может быть, как-то без графических подробностей? Это все-таки дети.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ (*пожимает плечами*). Извольте. Но с подробностями быстрее доходит.

ПАЛКА (*Жабе*). Женя! Последнее предупреждение. Еще одна такая выходка, родителей в школу на следующей неделе вызову.

ЖАБА (*бормочет себе под нос*). Угу, удачи...

БОРЩ. Все готовы? Всё, выдвигаемся! Идем в спокойном темпе, цепочкой, друг за другом. Я пойду первым, Анна Павловна, вы замыкающая. Не отставем, смотрим внимательно под ноги, через поваленные деревья не перепрыгиваем, а спокойно переступаем. Все понятно?

Нестройный хор голосов: Понятно.

Сергей Геннадьевич помогает Стасе надеть ее рюкзак.

Пошли!

Все выстраиваются в линейку, уходят вслед за Борщом.

90

Сцена 5

Привал на лесной полянке. Все развернули бутерброды, достали термосы, сидят кто на пеньках, кто на поваленных стволах деревьев, пьют чай. Сергей Геннадьевич сидит рядом со Стасей. Лиля сидит отдельно на большом поваленном дереве, без бутербродов и без чая. К ней подходит Коля с термосом, садится на то же бревно.

КОЛЯ. Прикольный у тебя дед.

ЛИЛЯ. Вот вообще ни разу.

Коля наливает в крышку от термоса чай, протягивает Лиле.

Спасибо. Не надо.

КОЛЯ. Да ладно тебе.

Лиле внимательно смотрит на Колю, потом принимает все-таки чай. Коля достает из кармана куртки сникерс, протягивает Лиле. Лиле берет сникерс, откусывает.

ЛИЛЯ (*с набитым ртом*). Если ты думаешь, что ты меня чаем напоил и теперь не бесишь, то ты ошибаешься.

КОЛЯ. Ничего я не думаю. Что я, чай другу предложить не могу?

ЛИЛЯ. А-а-а.

КОЛЯ. Лиль, я не понимаю. Чего у нас все так стало-то?

Лиле пожимает плечами.

Это из-за Арины? Так мы давно с ней не...

ЛИЛЯ. Не сложилось?

КОЛЯ. Да не знаю. Потусили две недели, а потом что-то как-то...

ЛИЛЯ. Она тебя послала?

КОЛЯ. Ну, типа.

ЛИЛЯ. М-м-м. Сочувствую.

КОЛЯ. Лиль, но мы же друзья, да?

ЛИЛЯ. Конечно, Коля. С первого класса.

КОЛЯ. И все хорошо, да?

ЛИЛЯ. Все офигенно! *(Быстро меняет тему.)* Как думаешь, Палка к концу похода разревется?

КОЛЯ. Думаешь, Жаба доведет?

ЛИЛЯ. Она, по-моему, была готова уже там на перроне.

КОЛЯ *(эпическим голосом)*. И слезы ее медленно капали в кирпичные выемки...

ЛИЛЯ *(прыскает)*. Ну, да!

КОЛЯ. Только твой дед как бэтмен вмешался.

ЛИЛЯ. Мне ее жалко. Анну Павловну. Мне кажется, ей хорошо с первоклашками было. А теперь вот раз – и мы.

КОЛЯ *(улыбается)*. Ага. Врагу не пожелаешь.

ЛИЛЯ. С нами зато интересно.

КОЛЯ. Не соскучишься. *(После паузы.)* А чего я твоего деда раньше не видел? Он не приезжает?

ЛИЛЯ. Занят очень. *(Кивает в сторону деда и Стаси.)* Жизни, вон, спасает.

АЛЕКСАНДР *(с другого конца поляны)*. Коля! Иди сюда!

КОЛЯ *(Лиле)*. Ну... у нас нормально все, да?

ЛИЛЯ. Нормально, Коля.

АЛЕКСАНДР. Коля!

КОЛЯ *(огрызается)*. Да иду я.

КОЛЯ *(Лиле)*. Ну, ладно... Я рад. Что все нормально. *(Поднимается, идет к Александру.)*

ЛИЛЯ (тихо). Одного сникерса же достаточно, чтобы все стало нормально.

Коля подходит к Александру. Тот снял куртку, остался в одной тонкой облегающей спортивной кофте, под кофтой виден животик и не очень спортивное тело.

Александр разминается, вертит шеей, машет руками, делает выпады вперед.

АЛЕКСАНДР. Коль, давай. Присоединяйся. У нас еще полчаса стоянки, сейчас разогреемся, потом мини-интервальную тренировку на десять минут сделаем – бёрпис, прыжки, отжимания, а потом вокруг поляны пять кружочков спринтом фиганем.

КОЛЯ. Нет, спасибо.

АЛЕКСАНДР. Отказ не принят. Ты подумай о качестве тела. Вон у тебя весь рюкзак чипсами и шоколадками забит.

КОЛЯ. Ты в моих вещах рылся?

АЛЕКСАНДР. Не рылся, а заглянул.

КОЛЯ. Знаешь, пап, а вот сейчас я, пожалуй, хочу проговорить свои эмоции по этому поводу.

АЛЕКСАНДР (*игнорируя реплику Коли*). Это сейчас у тебя метаболизм быстрый, а через пару лет – все. Сидячий образ жизни, вредная еда, и привет, одышка.

КОЛЯ. У тебя не от еды, а от сигарет одышка.

АЛЕКСАНДР. Я бросил.

КОЛЯ. Ты уже говорил.

Повисает неловкая пауза.

КОЛЯ. Давно?

АЛЕКСАНДР *(Открывая приложение на телефоне)*. Вот. Пожалуйста. Вы не курите тринадцать дней. Сэкономили тысячу четыреста семьдесят четыре рубля.

КОЛЯ. Пап... А тебе не кажется, что ты как-то... с этим всем... ну... перегибаешь палку?

АЛЕКСАНДР. Не кажется. Я решил изменить жизнь комплексно. Тело, дух, восприятие мира. Никакой гадости в еде, в мыслях и вокруг меня. *(Глубоко вдыхает, слегка приседает и начинает странно дышать, выдыхая воздух с очень громким «Ххххааа».)*

КОЛЯ *(возмущенно)*. Пап! Ну, че ты творишь?

АЛЕКСАНДР *(прерываясь)*. Уджайи. Йогическое «дыхание победителя». Разогревает легкие. Ххххаааааааааа.

КОЛЯ. Пап, ну кончай меня позорить, а? Ну, можно мы просто как нормальные люди посидим и поедим. У меня не только чипсы, у меня и бутерброды есть. С колбасой.

АЛЕКСАНДР. В колбасе одни трансжиры. Я же говорю, никакой гадости. Ххххаааааааааааа.

КОЛЯ. Ладно. Хорошо. Давай свою интервальную тренировку, только прекрати дышать как победитель. Пожалуйста! Ну, пап!

АЛЕКСАНДР *(делает последнее «ххааааааа», распрямляется)*. Отлично! *(Кричит на другой конец поляны.)* Борис Петрович!

КОЛЯ. Блин, а Борща-то зачем?

АЛЕКСАНДР. Борис Петрович! Давайте с нами! Интервальная тренировка! Бег!

Борщ, жуя бутерброд, знаками показывает, что, мол, как-нибудь потом.

Ну, ладно. Присоединяйтесь, если надумаете.

Александр ставит таймер на своем фитнес-браслете, начинает очень энергично делать отжимания, Коля нехотя повторяет вслед за ним.

Арина сидит на бревне рядом с Викторией.

ВИКТОРИЯ. А чего девочки твои в поход не поехали? Ксюша, Лиза.

АРИНА. Ксюша с родителями в Милан полетела.

ВИКТОРИЯ. В Милан? *(Преувеличенно бодро.)*
Ну, ничего, Ариш. Мы, может, тоже скоро в Милан полетим.

АРИНА. А у Лизы репетиторы. Так что тут мне вообще не с кем общаться.

ВИКТОРИЯ. Ну, спасибо. А с мамой тебе уже, значит, все? Зашквар рядом посидеть?

АРИНА. Ну, ма-а-ам. Я же не про это. И не говори «зашквар». Когда ваше поколение говорит «зашквар», это само по себе «зашквар».

ВИКТОРИЯ. Ладно, ладно. Аж руками размахалась!

АРИНА. Я серьезно!

ВИКТОРИЯ. Хорошо. А этот Коля твой?

АРИНА. Не мой.

ВИКТОРИЯ. Он же тебе нравился.

АРИНА. Разонравился.

ВИКТОРИЯ. Почему? Симпатичный.

Арина не отвечает.

Может, и хорошо. Посмотри, вон, на его папу. Как пыжится. Приседания, отжимания, а все равно рыхлый. Облысеет еще через пару лет, вон, залысины-то какие, и все, привет.

АРИНА. Может, он только начал спортом заниматься? Может, он через год как Дуэйн Джонсон будет? Он тоже, кстати, лысый.

ВИКТОРИЯ. Не. Не будет. Не тот исходный материал.

Арина вопросительно смотрит на Викторию.

96

Вырастешь, поймешь.

АРИНА. А, то есть я маленькая и тупая. Понятно, спасибо.

ВИКТОРИЯ. Не передергивай! Понимаешь, есть мужчины, в которых есть потенциал. В которых есть какой-то ресурс, я не знаю. Даже если внешне этого ресурса вокруг него еще нет, а вот смотришь, и прямо понимаешь: этот – нароет, этот – из под земли достанет. А есть – вон, пожалуйста. Колин папа. И Коля твой ...

АРИНА. Не мой!

ВИКТОРИЯ. Коля, небось, таким же вырастет.

АРИНА. Ничего не таким же! *(Резко поднимается, засовывает руки в карманы, отходит от Виктории. Себе под нос.)* Как будто ты что-то понимаешь.

ВИКТОРИЯ. Ариш, мне камеру подержать надо.

АРИНА. Селфиними.

ВИКТОРИЯ. У меня сторис через десять минут должен выйти. У меня график. Арина!

Арина отходит в сторону.

(Вздыхает, достает телефон, поднимается с бревна.) Анна Пална, можно вас на секундочку?

Палка поднимается, идет к Виктории.

ПАЛКА. Да, конечно. У вас какой-то вопрос? Мы скоро двинемся, еще пять минут и я начну детей собирать.

ВИКТОРИЯ. Вот. Пяти минут мне как раз хватит. Вы не подержите камеру?

Виктория сует Палке телефон, та растерянно его берет.

ПАЛКА. Вас на фоне березок сфотографировать?

ВИКТОРИЯ *(оглядывается)*. Ой, нет. Тут детей видно, вот левее, левее, так. Чтобы только лес сзади. Анна Павловна, кадр сделайте, чтобы я вот где-то по пояс была, да? Центрируйте, центрируйте. Ага. И на видео-режим переведите! *(Встряхивает волосы, не-*

сколько раз широко улыбается, прокашливается.) ГОТОВЫ?

Палка растерянно кивает.

ВИКТОРИЯ (*делает разминку для губ*). Тпра, тпра, тпра! Все! Готовы! Пишем! (*«Делает лицо»*.) Вы только посмотрите, дорогие мои, какая тут красота. Природа. Свежий воздух. Каждому из нас жизненно необходимы такие ретриты. Уйти вглубь, помедитировать, спросить себя: «Что я хочу?», «Куда я иду?», а главное «С кем я иду по этой жизни?»

Лиля сидит под березой, скрестив ноги, и пишет у себя в дневнике. С ее позиции хорошо просматриваются Сергей Геннадьевич, который что-то увлеченно рассказывает Стасе, и закончивший, наконец, свои вынужденные спортивные подвиги Коля, который переводит дух на другом конце поляны. К Коле подходит Арина, становится рядом, заговаривает с ним. О чем разговор Лиле не слышно.

98

ЛИЛЯ. Знаешь что, Зигги? Сегодня я хочу поговорить о ревности. Мне кажется, это ужасно глупое чувство. Особенно, когда оно возникает применимо к чему-то, что даже вообще ни разу не твое.

Появляется несколько карикатурный Зигмунд Фрейд в жилете, с бородкой и с сигарой.

ЗИГГИ. У ревности, как и у маминого знаменитого домашнего торта, три слоя. Первый – маковый би-

сквит, это конкурирующая ревность, второй – м-м-м, грецкие орехи – спроецированная ревность, и наконец, самый изюм – то бишь ревность бредовая.

ЛИЛЯ. Моя, надеюсь, все же не бредовая.

ЗИГГИ (*смотрит на Лилию оценивающим взглядом*). Согласен. Эту ревность отмечаем. Пуф, и нет ее! Грецкие орехи, кстати, тоже не сюда, спроецированная ревность работает в уже состоявшихся парах. Это когда ты свое желание кому-нибудь изменить хитренько приписываешь партнеру.

ЛИЛЯ. Фу. Ужасно.

ЗИГГИ. Согласен. Но тебе как барышне одинокой это, слава богу, не грозит. С чем тебя и поздравляю.

ЛИЛЯ. Вот ты зараза.

ЗИГГИ. Я, между прочим, альфа и омега всей современной психологической науки.

ЛИЛЯ. Ага. Только тебя уже сто раз опровергли всякие Фроммы, Яломы и другие «омы», которых я из маминого шкафа еще не читала.

ЗИГГИ. И тем не менее, именно меня ты выбрала адресатом своего личного дневника. Это о чем-то да говорит.

ЛИЛЯ. Только о том, что ты – тезка Зигги Стардаста. И я решила, что так будет прикольно.

ЗИГГИ. Дэвид Боуи из папиной музыкальной коллекции, Зигмунд Фрейд с маминой книжной полки... И где же за этим всем сама Лилия? Проблемки с самоидентификацией, не находишь? С другой стороны, в твоем возрасте это нормально.

ЛИЛЯ. Спасибо, обнадежил.

ЗИГГИ. Ладно, вернемся к нашим баранам. А точнее тортАм. Или тОртам? Спроси вон у Палки при случае. Итак, от всего трехслойного великолепия у нас остался лишь одинокий маковый коржик – старая добрая конкурирующая ревность. Состоит из печали и боли, провоцируемых предполагаемой потерей объекта любви – *(указывает в сторону Коли)* вот, пожалуйста; враждебных чувств к сопернику – *(указывает и на Колю с Ариной, и на деда и Стасю)*, и раз и два-с; а также из самокритики, которая побуждает переложить ответственность за потерю любви на себя самого. Тадам! Ловко я, а?

ЛИЛЯ. Вообще-то, не очень. Во-первых, мы с Колей просто друзья.

ЗИГГИ. Врет и не краснеет.

ЛИЛЯ. Даже если мы допустим, что Коля мне немножко нравится...

ЗИГГИ. Множко.

ЛИЛЯ. Ладно, хорошо, признаю, с Колей действительно обидно. Я вообще не понимаю, чего он с этой Ариной разговаривает, если она его послала? Обратное, что ли, хочет? И сникерс этот его дурацкий. «У нас все нормально?» Зашибись, блин. Миллион лет дружим, переписываемся каждый день, гуляем, а потом раз, засосался с этой Вороновой у помойки какой-то во дворах, и все. Пропал на две недели. Ни сообщения, ни звонка, по нулям. Как будто меня и не было вообще никогда. А я, может, его на следующем дискаче хотела сама на белый танец пригласить. Не как друга, а по-другому.

ЗИГГИ. Ты, так-то, уже третий год собираешьсяя.

ЛИЛЯ. И вообще. Если к Вороновой у меня, действительно, никаких теплых чувств, то уж к Стасе-то я точно никакой враждебности не испытываю.

ЗИГГИ (*опуская очки на нос*). Точно?

ЛИЛЯ. Нет, ну, а что тут испытывать? Я нормальный человек, мы в двадцать первом веке живем. У нас буллинга, в принципе, никакого нет. Кого-то там оскорблять за то, что он отличается, я не буду никогда. Бесит, правда, немного. Но это другое.

ЗИГГИ. А вот тут поподробнее.

ЛИЛЯ. Ну, смотри. Стася... отличается. Она немножко забитая, говорит так...странновато. В бога вот очень интенсивно верит, да? Еще и спина у нее, — как выяснилось, больная. И пальцы еще такие. Ну, как лапки у паука.

ЗИГГИ. И-и-и?

ЛИЛЯ. И все внимание взрослых в итоге ей достается.

ЗИГГИ. Уточним. Все-таки, все внимание твоего деда.

ЛИЛЯ. Да деда не деда, какая разница. Если ты нормальный...

ЗИГГИ. Уточним. А другие, значит, ненормальные?

ЛИЛЯ. Хорошо. Если ты обычный, среднестатистический, да со своими какими-то мечтами, стремлениями, но в целом не вопящий всем своим видом «ой, у меня проблемы» человек, то они на тебе галочку ставят. Ну вот, знаешь, говорят «крест на ком-то поставить»? Типа безнадежно все? А тут галочку ставят —

все о'кей, нормально, сама справляется, нашего внимания не надо. А вообще-то, надо. Даже очень.

ЗИГГИ. Но тебе не кажется, что все-таки другим больше надо?

ЛИЛЯ. А я вот не уверена. Не уверена я! Жаба, вон из кожи вон всегда лезет, чтобы к себе внимание привлечь. И что? Что он с этим вниманием потом делает? А ничего! Все время же какой-то скандал провоцирует, а потом пшик, и...

К Лиле сзади тихо подходит Жаба, склоняется, пытается прочесть, что она пишет.

ЖАБА. А что это тут у нас?

Жаба молниеносно выхватывает у Лили дневник. Фрейд исчезает. Лили вскакивает, пытается отнять дневник, но Жаба оказывается быстрее.

Дневничок, Макарова?

ЛИЛЯ. Отдай немедленно!

ЖАБА. Не-не-не! Я там свое имя увидел.

ЛИЛЯ. Жаба, отдай, я серьезно!

Лили пытается вырвать дневник у Жабы, но тот ловко уворачивается.

ЖАБА. Что, влюбилась в меня, Макарова? (Листает дневник.) Да тут не только про меня! Между мной и Коляном никак выбрать не можешь? (Кричит на другую сторону поляны.) Эй! Шестаков!

Коля оборачивается.

ЖАБА. Иди сюда! Тут такой артефакт обнаружился!

Коля поднимается со своего бревна, Лиля беспомощно оборачивается на него, потом вдруг разом как-то мобилизуется и с визгом кидается на Жабу. Она бьет его по лицу, валит на землю.

Эй! Макарова! Ты че? Ты сдурела?

Лиля хватает дневник, но Жаба не хочет его отпустить, они катаются по траве, пытаются выдрать дневник друг у друга.

КОЛЯ (бежит к ним). Эй! Эй, вы чего?

К катающимся по земле подросткам подбегают Борц, Сергей Геннадьевич, Коля и Палка, Борц и Сергей Геннадьевич разнимают Лилю и Жабу, Лиле удается вырвать свой дневник.

ПАЛКА. Да вы что? Вы с ума, что ли, посходили? Лиля! Ты же девочка!

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. А что, у нас девочки теперь не дерутся?

ПАЛКА (неуверенно). Дерутся... н-наверное...

ЖАБА. Она первая начала! Она на меня кинулась! Блин, Макарова, ты дофига агрессивная! Я в шоке вообще! (Палке.) Я вообще ей ничего не делал!

ПАЛКА. Лиля?

ЛИЛЯ (Жабе). А ничего, что ты у меня дневник украл?

ЖАБА. Не украл, а взял почитать.

ЛИЛЯ. Это личные записи!

ЖАБА. Это записи про меня!

ЛИЛЯ. Там про тебя всего одна строчка! Но ничего, сейчас вторую напишу.

Лиля открывает дневник на чистой странице, быстро что-то пишет, отрывает листок, вручает его Жабе.

ЖАБА (*читает*). «Жаба, ты мудака!»

ПАЛКА. Лиля!

ЖАБА. Да сама ты мудака! Неудивительно, что на тебя нормальным пацанам вообще пофиг!

Лиля порывается опять кинуться на Жабу, но ее ловит Сергей Геннадьевич.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ (*Жаб*е). Так, юноша. Достаточно. (*Лиле, тихо*.) Лиля! Всё!

ЛИЛЯ. Да ты не видишь, что ли, что он...

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ (*Лиле, тихо*). Вижу. А ты ведешься как дурочка. Примитивная биология. Бейтсовая мимикрия. Я же объяснил.

ЛИЛЯ. Но он первый...

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Не думал, что тебе придется объяснять дважды.

Раздаются всхлипы. Это ревет Палка.

ЖАБА. Анна Пална, вы чего?

ПАЛКА. Устроили цирк какой-то... Почему нельзя просто нормально по-человечески по лесу погулять, а?

ЖАБА (*растерянно*). Не знаю.

ПАЛКА. Я что, много прошу?

ЛИЛЯ. Простите.

ПАЛКА (*Лиле*). Ладно Женя, но ты-то что?

ЖАБА (*моментально заводится*). А что значит, ладно Женя? Я, между прочим, равноценный член общества!

ПАЛКА. Ой, ну вас, вообще! (*Уходит в кусты, оттуда раздается громкое сморкание.*)

БОРЩ (*Жабе*). Так, ладно, члены общества. (*Лиле.*) И прочие возмутители спокойствия. Три минуты на сборы и выдвигаемся. Двадцать минут до Синей поляны, там начинаем игру «Ориентирование на местности».

ЖАБА. А поляна Синяя, чтобы там насинячиться можно было?

БОРЩ. Поляна Синяя специально, чтобы ты спросил. (*Громко.*) Две минуты на сборы. (*Поднимает вверх секундомер.*) Я засекаю!

Все идут собираться.

(*В кусты.*) Анечка? Вы как?

ПАЛКА (*выходит из кустов*). Нормально все.

БОРЩ. Анна Пална! Нам ночь простоять да день продержаться! (*Карикатурно напрягает мускулы.*) У! А! Как Железный человек! Сила! Уверенность! Непобедимость!

Анна Павловна улыбается, хлопает носом.

Сцена 6

БОРЩ (*голос*). Рандомно, повторяю, рандомно разбиваемся на пары. Не выбираем сами, а тянем ленточки из шапки, смотрим, у кого такой же цвет. Нет, нельзя поменять. Нет, Воронова, совсем никак нельзя. Каждой паре дается ровно один час. Компас, карта, идем по флажкам. Каждый флажок вашего цвета – новая база, на ней подсказка, где следующая. Маршруты у всех разные, но финиш для всех один. Кто первый до него доходит и находит золотой компас, тот и выигрывает. Нет, Женя, компас не реально золотой. Нет, не как в книжке. Я его покрасил краской. Из баллончика. Внимание! Если вы видите полосатую бело-красную ленту на деревьях, значит вы подошли к границе участка игры, за предупредительные ленты не заходим! Если вы вдруг потерялись, у всех есть рации с полностью заряженными батарейками, просто выходите в общий канал, и мы вас найдем. Все всё поняли?

Нестройный хор голосов: Да-а-а.

Тогда на старт, внимание, марш!

106

Синие

Борщ и Жаба идут по лесу.

ЖАБА. Не, ну это вообще нечестно. Другие вдвоём, хотя бы, ориентируются, а я один за двоих пахай.

БОРЩ. Паши.

ЖАБА. Без разницы.

БОРЩ. Анна Пална с тобой бы поспорила. С другой стороны, было бы нечестно, если бы я тебе помог. Я же сам трассы составлял.

Сюжет

ЖАБА. Ага. Кругом нечестно, но че-то только в моей команде. У остальных все честно почему-то.

БОРЩ. А ты ной меньше.

ЖАБА. А вы когда эти все флажки развешивали?

БОРЩ. Вчера.

ЖАБА. Сами приехали? На электричке?

БОРЩ. На машине. Тут не так далеко.

ЖАБА. Да-а-а. Хреновая у вас работа, конечно.

БОРЩ. Да? Не жалуюсь.

ЖАБА. Так вам и нельзя.

БОРЩ. Чего это нельзя?

ЖАБА. Ну, пост напишете где-нибудь у себя ругательный, а вас уволят сразу.

БОРЩ. У меня соцсетей нет.

ЖАБА. Вообще, что ли, никаких?

БОРЩ. ЖЖ был когда-то, но потом ЖЖ сдох, а вместе с ним и мое желание что-то писать в интернете.

ЖАБА. Пипец. Вы как моя бабушка. Только ей 70, а вам... *(оценивает Борща взглядом)* чуть поменьше.

БОРЩ *(под нос, с усмешкой)*. Вот поганец. *(Оглядывается по сторонам.)* Так, Жень, ты по компасу, вообще, идёшь?

ЖАБА. Он туда показывал. На северо-запад же нам надо?

БОРЩ. Ну-ка, перепроверь.

Жаба вздыхает, но достает компас.

БОРЩ. Где северо-запад?

Жаба пыхтит, в итоге разворачивается в противоположном направлении от того, куда они только что шли.

ЖАБА (неуверенно). Там?

БОРЩ. Внимательнее на компас смотри.

ЖАБА. Так там?

Борщ кивает. Жаба более уверенно разворачивается и идет в новом направлении.

БОРЩ. Жень, вот я за тобой три года наблюдаю, с пятого класса. Ты нормальный же пацан.

ЖАБА. Спасибо.

БОРЩ. Так и чего тебе нейдет-то?

ЖАБА. Все мне йдется. Это, может, остальной мир вокруг меня завихряется, а я один нормальный стою.

БОРЩ. В белом пальто красивый, ага.

ЖАБА. А?

БОРЩ. Эх, молодежь. Классики мемов не знаете, а туда же. И что, дома ты так же отжигашь?

ЖАБА (серьезно). Нет, конечно.

БОРЩ. Родители в узде держат?

ЖАБА. Щас! Мама, ну... в Дубае большую часть времени. Дела там у нее.

БОРЩ. А папа?

ЖАБА. У Иисуса, между прочим, тоже папы в привычном понимании не было. И ничего. Оставил свой след в истории.

БОРЩ. Прямо скажем, неожиданная параллель.

ЖАБА. А чего? Это... «Глаголом жечь сердца людей». Вполне себе карьера! Только я пожить подольше хочу. Ну, не тридцать три, а хотя бы... Вот вам сколько лет?

БОРЩ. Сорок пять.

ЖАБА. Блин. Я думал больше.

БОРЩ. Умеешь ты в комплименты!

ЖАБА. Ну, извините.

БОРЩ. Ничего. Чай, не майская роза, не завяну. Так и что, дома, значит, прилично себя ведешь, со мной вот, вроде, тоже, адекватно общаешься...

ЖАБА. Дома бабушка. Там это... инфаркт два года назад был. Мы лекарства с ней пьем. Ну, то есть, она пьет, а я слежу. Когда сам не забываю. Но у меня напоминалка каждый день стоит.

БОРЩ. И как твоя бабушка в школу на разбор полетов с больным сердцем ходит?

ЖАБА. А она не ходит. Я говорю учителям, тем, кто поговорить хочет, что мама в командировке, а бабушке ходить тяжело. Они, конечно, сразу хотят маму, как только она из командировки вернется. Они ж не знают, что она в своем Дубае месяцами сидит. Я им даю мамин ватсап, но она не отвечает обычно или в чёрный список их кидает. Ей это вообще неинтересно, она такая... ну... на чилле по жизни немножко, понимаете? Она мне говорит, типа ты взрослый, сам со своими косяками разбирайся. Ну, я и разбираюсь. Учителям фигню какую-то прогоняю – типа «да, да, мама вот-вот приедет и придет к вам на встречу обязательно», пока весь вокзал-базар сам на нет не сойдет.

БОРЩ. И что, прокатывает?

ЖАБА. До сих пор да. Только не говорите никому, ладно? Бабушке ходить-то не тяжело, она спокойно до школы дойдет. Только потом она домой вернется и опять с корвалолом сляжет. Не надо, ладно?

БОРЩ. Ну, а не доводить до стадии «родителей в школу» не пробовал?

ЖАБА (*пожимает плечами и фыркает*). Ой! Борщ... тьфу, Борис Петрович, смотрите! Наш флажок! Синий! Наш же?

БОРЩ. Наш, беги, беги.

Жаба бежит к флажку, Борщ спокойно идет за ним.

БОРЩ (*себе под нос, с ухмылкой*). Джизас Крайст... Суперстар, блин.

Желтые

Лиля и Стася подходят к старому пню, увенчанному желтым флажком. Они разворачивают инструкцию, спрятанную внутри пня.

110

ЛИЛЯ (*читает вслух*). «Идите строго на юг до ближайшей просеки...» Еще бы знать, как эта просека выглядит.

СТАСЯ. Как дорожка в лесу. Просека – это когда деревья вырубают, чтобы дорогу сделать.

ЛИЛЯ. И зачем в лесу дороги?

СТАСЯ. Я думаю, пожары тушить. Или электричество или трубы прокладывать. Это же не совсем дикий лес, тут деревни рядом. А иногда просто просеками лес на квадраты делят. Для лесничества.

ЛИЛЯ. И откуда ты все это знаешь?

СТАСЯ. Папа рассказывал. Мы же в частном секторе живем, не в квартире. И часто в лес гулять ходим. А я старшая, мне надо уметь из леса малышкой вывести, если что.

ЛИЛЯ (*с плохо скрываемым сарказмом*). И все-то ты умеешь...

СТАСЯ. Ну, да. Готовить умею, корову доить, даже дрова вот недавно сама рубила.

ЛИЛЯ. И чего же тогда я половину твоего рюкзака на себе таскаю?

СТАСЯ. У меня просто... спина болит. Лиль, если хочешь, ты дай мне мой термос, а? Твой дедушка, он очень хороший, но я не просила его... Он сам.

ЛИЛЯ. Я в курсе.

СТАСЯ. Ну дай, правда!

ЛИЛЯ. Лапина, всё! Ничего я тебе не дам. Успокойся.

Лилья вытаскивает компас, они со Стасей определяют, куда идти дальше и идут.

111

Сильно болит?

СТАСЯ. Что?

ЛИЛЯ. Ну, спина твоя. Сильно болит?

СТАСЯ. Да. Даже пальцы немеют. (*Спохватывается.*) Но не все время! Ты не подумай. Сейчас вот нормально совершенно.

ЛИЛЯ. А чего тебя твои ко врачу не сводят?

СТАСЯ. Папа... ну, не очень во врачей верит.

ЛИЛЯ. То есть, в бога верит, а во врачей нет? Класс.

СТАСЯ. Зря ты так. Вера... она всегда помогает.

ЛИЛЯ. То есть, ты веришь в то, что спина перестанет болеть и она перестает? Тогда это уже прям «Звездные войны» какие-то. Уровень джедаев.

СТАСЯ. Мой папа говорит, что любые испытания даются не случайно. Через веру дух укрепляется.

ЛИЛЯ. И ты согласна?

СТАСЯ. Ну... да.

ЛИЛЯ. Лапина, ты самое безобидное существо в галактике. Что ты такого могла сделать, чтобы боженька тебе послал отваливающую спину?

СТАСЯ (*очень тихо*). Дьявол во уме.

ЛИЛЯ. Чего-чего-чего?

СТАСЯ. Я плохие мысли думаю. Грешные. Это из-за них спина болит.

ЛИЛЯ. Например?

СТАСЯ. Нет, Лиль. Ну как? Я не могу тебе рассказать.

ЛИЛЯ. О'кей, если раньше мне было вот на сто-о-олечко любопытно, (*показывает крошечное расстояние между пальцами*) то теперь ты меня реально заинтриговала.

СТАСЯ. Нет, ну, правда.

ЛИЛЯ. Нет, уж! Сказала «а», говори «б». Тем более, что там у тебя может быть такого шокирующего, Лапина, серьезно?

СТАСЯ. Я потеряла радость.

ЛИЛЯ. Я ее, допустим, в принципе не находила.
И что?

СТАСЯ. Я не рада, когда они рождаются.

ЛИЛЯ. Младшие?

СТАСЯ (*кивает*). Я иногда даже думаю, что лучше бы они вообще перестали...

ЛИЛЯ. Так и что тут такого? Вон, Карина три дня от ревности ревела, когда у нее братики родились. Вся зеленая ходила. Еще и близнецы, блин. А она надеялась, что так и будет единственным ребенком. Я вот одна у родителей, и вроде никаких сюрпризов не планируется, но если что вдруг, я, наверное, в полном афиге буду.

СТАСЯ (*продолжает, как будто не слыша*). Они всегда нам одинаково сообщают. Собирают за ужином, за общим столом, и «дети, у нас благая весть». Мелкие еще не понимают, ну, что это, как. А я ужинов боюсь теперь. Просто каждый раз, когда я на кухню захожу, я молюсь: «Господи, пожалуйста, пожалуйста, дай нам, боже милосердный, просто ужин».

ЛИЛЯ. Да уж...

СТАСЯ. Я с последними двумя... я надеялась, до трех месяцев, вдруг... оно само закончится. Так же бывает иногда. Ну... знаешь, когда срок маленький? Но с мамой так не бывает. Все всегда хорошо. Но это же грех, да? Очень страшный. Папа говорит, там душа с самого начала. Получается, я людям смерти желаю. И спина... Ну, это же понятно, это из-за этого, я за-служила!

ЛИЛЯ. Лапина, ну что за бред-то? Я тебя сейчас побью!

СТАСЯ (*инстинктивно прикрывая лицо рукой*). Не надо.

ЛИЛЯ. Фигурально побью. Ало! Ты что?

СТАСЯ. Ничего.

ЛИЛЯ. Тебя они что, еще и бьют?

СТАСЯ. Нет конечно, ты что. Только пощечины дают иногда. Но это за непослушание, это нормально.

ЛИЛЯ. Стася, блин. Ты вообще им ничего не должна тогда. Ни счастья, ни радости. Поняла? И спина у тебя болит... Не знаю, почему она болит. У деда моего спроси, он тебе подробно объяснит все. Но точно не поэтому.

СТАСЯ. Значит, это из-за других мыслей.

ЛИЛЯ. Ну, порази меня, Лапина. О чем еще ты думаешь так, что господь тебя ненавидит?

СТАСЯ. О плотском грехе.

ЛИЛЯ. О сексе, что ли?

СТАСЯ. Да.

ЛИЛЯ. А кто о нем не думает?

СТАСЯ. Папа говорит, что мысли о плотском грехе равны самому греху...

ЛИЛЯ. Я, конечно, дико извиняюсь, но твой папа, по-моему, только этим самым плотским грехом и занимается. С мамой вместе. У тебя, вон, полный дом вещественных доказательств. А что, они про презервативы не знают, или это тоже часть вашего вот этого всего?

СТАСЯ. Господь решает, появиться новой жизни или нет.

ЛИЛЯ. Я-я-ясно. Слушай... А о ком ты думаешь? Ну, когда секс себе представляешь? Тебе кто-то, кого ты знаешь, нравится? Из нашего класса? Или, там, актер? Рэпер? Тик-токер?

СТАСЯ. Нет. Просто.

ЛИЛЯ. Ну... должна же быть какая-то конкретика?

СТАСЯ. Нет, просто. Кто-то высокий. И руки сильные. И голос такой. Красивый.

ЛИЛЯ. И-и-и?

СТАСЯ. И всё.

ЛИЛЯ. Ну, вот руки там, голос. А дальше-то что?

СТАСЯ. Да я как-то дальше и не представляю. В деталях...

ЛИЛЯ Нет, Лапина, я, конечно, думала, что ты... ну... немножко странная. Но не настолько же!

СТАСЯ. А я очень странная?

ЛИЛЯ (*подумав, серьезно*). Да нет, вообще-то. Это я так. Просто стебусь. На самом деле, норм.

СТАСЯ. Правда?

ЛИЛЯ. Ну, будешь совсем норм, если в ерунду всякую верить перестанешь.

СТАСЯ. Я не могу в бога перестать верить, ты что?

ЛИЛЯ. Я сказала в ерунду, а не в бога. Верь в своего бога сколько хочешь. Просто родителей меньше слушай. Они... ну... не всегда правы. Особенно такие, как у тебя. Прости, конечно, но вот родители у тебя реально того.

СТАСЯ. Странные?

ЛИЛЯ. Вообще.

СТАСЯ. Ну, правда же странные, да?

ЛИЛЯ. Очень. Поехавшие.

СТАСЯ (*громче*). Шибанутые!

ЛИЛЯ. Абсолютно!

СТАСЯ (*кричит на весь лес*). Придурки какие-то-о-о-о!

ЛИЛЯ. Аллилуйя!

Красные

Сергей Геннадьевич и Александр идут по лесу.

АЛЕКСАНДР. Простите, Сергей... Как по отчеству?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Давайте без отчества.

АЛЕКСАНДР. Отлично. А я Саша. Простите, я не слишком быстро иду?

116

Сергей Геннадьевич только иронически хмыкает.

Нет-нет, вы не подумайте. Вы в отличной физической форме. Я просто недавно, вот, спортом занялся, курить бросил, так у меня как крылья выросли. Мне кажется, я прямо лечу теперь.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Похвально. И что же сподвигло на такие перемены?

АЛЕКСАНДР. Да оно как-то само. Мы с Колиной мамой развелись, я один жить начал... Ну и вот. Встал, так сказать, на путь истинный.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Поздравляю! Я, знаете, врач, опыт довольно большой, так процентов 80 пациентов клянутся-божатся, что образ жизни поменяют, двигаться начнут, питаться правильно, и что? Как только выходят за порог моего кабинета – все! Скок обратно к телевизору, пульт в одной руке, колбаса в другой. А в следующий раз уже на операционном столе встречаемся.

АЛЕКСАНДР. А вы какой врач?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Хирург. Сейчас уже меньше оперирую, больше преподаю. Преподавал, точнее.

АЛЕКСАНДР. На пенсию вышли?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Нет. Скорее, отпуск взял. К вам сюда приехал. С семьей, вот, отношения, так сказать, выстраиваю.

АЛЕКСАНДР. Лиля ваша замечательная. Они с Коляном с первого класса дружат, классная девочка. Веселая, спокойная, дружелюбная.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ *(с усмешкой)*. Вы точно про мою Лилю? У меня, видимо, какая-то другая версия включается.

АЛЕКСАНДР. Это вы родительские настройки тестируете. Глючный интерфейс, скачки в напряжении и завшее на максимуме хамство. А для окружающего мира замечательный ребенок.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. А вы, судя по метафоре, программист?

АЛЕКСАНДР. Тестировщик. Те же яйца, только в профиль.

Некоторое время идут молча. В тишине леса слышен крик Стаси. «Придурки какие-то-о-о-о-о!»

Александр смеётся.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Устами младенца...
А как вам поход, Саша?

АЛЕКСАНДР. Да как в детство обратно попал. Мне кажется, Колян у вообще эта походная история пофиг, а мне так интересно. Спортивное ориентирование вот это – это же кайф! Когда просто надо идти от одной цели с флажком к другой. И все. И ничего больше. Никаких проблем. Никаких забот. Только найти следующий флажок. А за ним следующий. Прекрасно же! Только в их возрасте этого не понимаешь, а в нашем... Как-то очень грустно от этого, знаете?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Ноябрьский зов.

АЛЕКСАНДР. М-м-м?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. То, о чем вы говорите, «ноябрьский зов» называется. Это я в интернете вычитал, в каких-то любопытных фактах. В одном старом словаре целое определение этому чувству было. (*Цитирует.*) «Заведомо невыполнимое стремление достичь состояния лёгкости и беззаботности, присущего детскому и отроческому возрасту, сопровождаемое меланхолией и общей потерянностью». Я даже наизусть его затвердил. Очень, знаете ли, отзывается.

АЛЕКСАНДР. Да уж. В десятку.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. «Заведомо невыполнимое стремление», обратите внимание! Какова формулировочка?

АЛЕКСАНДР. А почему ноябрьский?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Зов-то? А вы вокруг посмотрите.

АЛЕКСАНДР. Как вы сказали? «Меланхолия и обшая потерянности?» Да. Точно отзывается.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ *(лукаво улыбаясь)*. Вы же спортом занялись и курить бросили, вам гипофиз должен энергичненько эндорфины в кровь выпускать.

АЛЕКСАНДР. Он и выпускает!

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Тогда вас не должно никуда ноябрьски звать.

АЛЕКСАНДР. А оно, тем не менее, зовет. *(Вынимает из кармана телефон, проверяет сообщения.)* Сергей, простите, а у вас телефон нормально тут ловит?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Да вроде не жалуясь. Вон пришло десять минут назад от дочери сообщение. Интересуется, уже сожрали мы с Лилей друг друга или еще только готовимся.

АЛЕКСАНДР. А-а-а. А то я тоже сообщения жду.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. По работе?

АЛЕКСАНДР. Скорее личное. Вот я и это... Жду, да.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ *(смотрит куда-то за деревья)*. А это не Коля ваш там вдалеке маячит? В желтой куртке?

АЛЕКСАНДР. Если в желтой, то Коля. Сергей, свернем тогда на секунду с маршрута, перехватим его, хорошо? Может, ему сообщение пришло... *(Быстро*

идет в ту сторону, где мелькает желтая куртка, кричит.) Коля! Коль! Ко-ля!

Зеленые

Коля и Арина молча подходят к дереву, обвязанному гирляндой с зелеными флажками. Они ищут подсказку вокруг дерева, каждый со своей стороны, потом Арина садится на корточки, начинает шарить в корнях.

КОЛЯ. Может, на ветках где-то, наверху?

АРИНА. Поверить не могу. Он заговорил!

КОЛЯ. Арин, ну чё ты...

АРИНА. Чё я? Я ничё! *(Молча ожесточенно отбрасывает от корней листья и сухие ветки.)* Нет тут ничего. Лезь наверх.

КОЛЯ. Ну, там тоже ничего вроде нет. Я отсюда не вижу, по крайней мере.

АРИНА. Значит я, что ли, залезть должна?

КОЛЯ. Что ты так со мной разговариваешь?

АРИНА. Ты со мной вообще не разговариваешь. Мы минут сорок уже тут болтаемся, ты тупо молчишь. Я когда к тебе на привале подошла, ты два слова из себя выдавил. А тут разговорился, значит. Снизошел. Спасибо тебе большое, Коль. Очень приятно.

Коля молча лезет на дерево, спрыгивает с конвертом в руках.

КОЛЯ. Вот. С обратной стороны приклеен был.

АРИНА. Ну классно, че.

КОЛЯ. Хочешь открыть?

АРИНА. Не хочу, Коль.

КОЛЯ. Ну, ладно. Я тоже не хочу. Пусть лежит, я не знаю.

АРИНА. Почему ты меня бросил?

КОЛЯ. Я не бросал.

АРИНА. А кто тогда? Пушкин мне звонить и писать перестал? Или Лермонтов?

КОЛЯ. Смешно.

АРИНА. Иди ты в жопу.

Оба молчат.

Я сама знаю, что несмешно.

КОЛЯ. Я просто решил... Ну, что мы друг другу не подходим.

АРИНА. Ты мне подходишь.

Коля смотрит на Арину. Потом вздыхает, переводит взгляд на свои ботинки.

(Тихо.) Ясно. А Лиля подходит?

КОЛЯ. При чем тут Лиля?

АРИНА. Вы с ней рядом всегда.

КОЛЯ. Мы дружим просто.

АРИНА. Так Лиля подходит?

Коля молчит, ковыряет носком ботинка землю.

Это потому, что я тупая?

КОЛЯ (искренне). Нет, ты что!

АРИНА. А я не тупая. Это все мама и эти ее блогеры сраные. Снимает всё постоянно. И меня снимает. Тик-токи. Танцы какие-то ушибленные. И что, она спрашивала у меня разрешения? Можно меня публиковать или нет? Не спрашивала! Она про меня все время в блоге этом своем пишет. Она про мои первые месячные написала. Про месячные, блин! С заголовком «Эти дни: Аришин дебют во взрослом мире». Да меня от каждого слова в этом предложении тошнит! А у меня даже Инстаграма нет. И тик-тока тоже нет. Мне это неинтересно совсем. *(Начинает реветь.)* Понимаешь?

КОЛЯ. Да понимаю, конечно. Ну, ты что, вообще...

Коля подходит, неловко обнимает Арину, та отталкивает его руки.

АРИНА. Лилю свою обнимай!

Коля быстро убирает руки.

122

Не надо меня жалеть! У меня все хорошо! Понял?

КОЛЯ. Я чего-то вообще уже ничего не понял. Но ты прости меня, ладно?

АРИНА. Что, на всякий случай?

КОЛЯ. Нет. Я... ну... как-то неправильно это все сделал, наверное.

АРИНА. Наверное?

КОЛЯ. Точно.

АРИНА. А как-то, я не знаю, словами вот это все сказать тогда можно было?

КОЛЯ. Можно. Но я просто... струсил. Я представил, что я тебе это все скажу, ну, про то, что мы друг другу не подходим, а ты плакать начнешь.

АРИНА. И что?

КОЛЯ. Ну... я не хочу, чтобы из-за меня плакали.

АРИНА. А, то есть я, по-твоему, не плакала? Дома у себя? Или имеет значение только когда это непосредственно в твоём царском присутствии происходит?

КОЛЯ. Арин, ну зачем ты? Я реально ступил. Мне просто... не знаю. Я как-то так это себе представил. Как будто что-то ужасное. Душераздирающее. Как будто конец света в кино. Такое какое-то. Это глупость, я понимаю, но мне реально так казалось!

АРИНА. Ну, вот я сейчас перед тобой ревела, и что, апокалипсис случился, что ли?

КОЛЯ. Нет. Но это я теперь понимаю. Так что прости. Реально. Что ты как будто подопытная свинка для моих эмоций. Это не круто.

АРИНА. Я что, еще и жирная?

КОЛЯ. В смысле?

АРИНА. Ну, ты меня свиньей только что обозвал.

КОЛЯ. Да я же... Да я морскую свинку имел в виду! Честно! Ну, как кролик, только свинка!

АРИНА. Да расслабься ты. Я шучу. *(Поднимает с земли конверт, открывает, читает.)* Поздравляем... та-та-та... остался последний рывок... туда, куда заходит солнце... Так. Нам по ходу туда.

КОЛЯ. Ты на меня не сердись больше?

АРИНА. Сержусь. Но это уже мои личные проблемы. Пошли!

Коля и Арина идут на запад. Слышны крики Александра. «Коля! Коля! Ко-оль!»

КОЛЯ. Да, бли-и-и-н!

АРИНА. Твой?

КОЛЯ. Может, он просто так кричит?

АЛЕКСАНДР (*появившись*). Ко-ля! Я тебя вижу! Голову поверни!

АРИНА. Без шансов.

Коля вздыхает, идет навстречу отцу.

Фиолетовые

Палка и Виктория у финальной точки.

Палка снимает видео, Виктория вещает.

ВИКТОРИЯ. Анечка, готовы? Пишем. «И, наконец, главный, десятый пункт моего знаменитого списка. Он довольно суровый, но что поделать? Успех не прощает полумер, а семейный успех тем более, ведь на кону не только ваша жизнь, но и будущее ваших детей. Итак, горькая правда жизни. Если вы видите, что ваш супруг тянет вас на дно, что он не может, а может, и не хочет расти, меняться, развиваться вместе с вами... бросайте его! Да-да, бросайте без сожалений. Возможно, то, что я сейчас сказала, вас шокирует, но давайте еще раз вспомним, как мы сравнивали путь к мечте с восхождением на Эверест. Разве вы потащите с собой тяжелый старый пыльный мешок? В рамках моего предстоящего марафона «На крыльях к мечте»

мы будем в деталях обсуждать эту тему, и я, дорогие мои, буду давать емкие, простые, одобренные целой командой психологов советы по тому, как быстро, радикально, а главное, очень успешно, меняться самим и менять Вселенную вокруг нас». Анечка, все, достаточно. Фух! Три года этим занимаюсь, только сейчас начало более-менее быстро получаться.

ПАЛКА. Это седьмой дубль.

ВИКТОРИЯ. А раньше было по пятнадцать. Вот он, профессионализм! Нормально я получилась? Дайте!

Виктория забирает у Палки свой телефон, придирчиво всматривается в запись.

Давайте-ка еще разок, а то тут тень от ветки мне лицо напополам режет.

ПАЛКА. Виктория, давайте уже, наверное, всё. А то команды скоро подтянутся.

ВИКТОРИЯ. Устали, Анечка? Во-о-о-т! А это мой ежедневный труд. Пашу как на галерах.

ПАЛКА. Ясно.

ВИКТОРИЯ. Ну что, еще дублик?

ПАЛКА. Вы знаете, нет. Мне кажется, я уже достаточно времени уделила вам и вашим видео. Хотя, вообще-то, это совершенно не входит в программу нашего похода.

ВИКТОРИЯ. Ну вам жалко, что ли?

ПАЛКА. Да при чем тут жалко? Просто остальные команды ходят по лесу, выполняют задания, ищут флажки, а вы, значит, с порога заявили, что все это

делать не будете, заставили меня привести вас к финальной базе, мы тут, извините, сорок минут торчим и записываем эти ваши псевдо-лекции!

ВИКТОРИЯ. И в чем проблема?

ПАЛКА *(срывается)*. У меня попа, между прочим, замерзла!

ВИКТОРИЯ. Я вам ссылочку на сайт с термобельем кину. У меня с ними рекламный контракт, я вам промокод на скидочку дам.

ПАЛКА. Да при чем тут ссылочка, скидочка? Вы, вообще, понимаете, что вы... *(Выдыхает, пытается успокоиться.)* Ой, ладно. Всё. Не будем. *(Раздраженно машет рукой и начинает кругами ходить по полянке.)*

ВИКТОРИЯ. Что я – что? Нет уж, Анна... как вас там?

ПАЛКА. Павловна.

ВИКТОРИЯ. Ну да, Павловна, раз начали, так договаривайте. Я вас просто попросила о маленькой услуге, как девушка девушку. А вам, оказывается, сложно телефон в руках подержать.

ПАЛКА. Да при чем тут телефон? Вы все врете!

ВИКТОРИЯ. То есть?

ПАЛКА. Да я видела же, как вы живете.

ВИКТОРИЯ. Где это?

ПАЛКА. В зуме.

ВИКТОРИЯ. Не может быть. Я всегда в зуме бэкграунд ставлю – красивый пейзаж, тропики, пальмы. Я за приватность, зачем это мне светить свой достаток?

ПАЛКА. Да слетел ваш бэкграунд, Вика. Слетел! Или вы его не так настроили. Вам он виден был, а мне нет. Зато ваш бабушкин ремонт, отходящие обои и чехословацкую стенку – мою ровесницу я прям отлично разглядела. Равно как и мужа, который на заднем фоне перед телеком, простите, яйца чесал. И что-то вот не выглядел он как, пользуясь вашей терминологией, добытчик и победитель.

ВИКТОРИЯ. А это всем так видно было? Или только вам?

ПАЛКА. Да откуда ж я знаю.

ВИКТОРИЯ. Ясно.

ПАЛКА. Так что вот эти ваши заявления про балласт на пути к Эвересту, это разводилово какое-то. Мне прямо даже стыдно, что я про вас такое знаю. Честно.

ВИКТОРИЯ. Замужем?

ПАЛКА. При чем тут это?

ВИКТОРИЯ. Не замужем, значит. И детей нет. А вот у Аринки подружки – Ксюша и Лиза.

ПАЛКА. Ну да, Захарова и Мироненко. И что?

ВИКТОРИЯ. Ксюша болеет часто, да?

ПАЛКА. Да, но со справками, все правильно оформлено.

ВИКТОРИЯ. Конечно правильно, у нее мать в областном минздраве, а папа по цветмету. Вот она и приходит после всех болезней загореленькая. То Мальдивы, то Сейшелы, то Милан.

ПАЛКА. Но... подождите. Надо завучу тогда сказать. Или директору...

ВИКТОРИЯ. Да все они знают. Но я же не об этом! Я, может, тоже хочу ребенка в Милан свозить. И шмотья ей там красивого закупить, чтобы не росла вот в этой нашей серости бесконечной, мира не зная.

ПАЛКА. Так заработайте!

ВИКТОРИЯ. Вот ты сколько получаешь?

ПАЛКА. Так я в Милан и не стремлюсь.

ВИКТОРИЯ. А я стремлюсь. И никто мне не помогает, никто мои хотелки не обеспечивает, так что кручусь, как могу. И никого, между прочим, не обманываю. Если советам в моем блоге следовать, то вполне можно действительно жизнь к лучшему поменять.

ПАЛКА. Если вы хотите, чтобы мне вас стало жалко, или я зауважала ваше стремление вывезти Арину за границу, то извините. Нет, не жалко, и нет, не уважаю. Лучше бы те же усилия в ее образование вложили, она девочка умная, голова светлая, может далеко пойти. Если ее правильно направить. А у вас, извините, вектор куда-то не туда устремлен. Потому что быть всегда важнее, чем казаться. Уж простите.

ВИКТОРИЯ. Да я-то прощу, что мне. Мне знаешь сколько хейтерских комментов в день пишут? По сорок штук. А восхищенных по двести. Вот и вся арифметика. А насчет быть и казаться поговорим лет через десять, ладно? Я специально в школу зайду, навещу.

ПАЛКА. Да, пожалуйста.

ВИКТОРИЯ. А Арину я все равно вывезу. Костьми лягу, но вывезу.

На поляну с разных сторон выходят две команды: Стася и Лиля и Жаба с Борцом.

ЖАБА (*разочарованно*). Ну вот. Говорил же, мы не первые.

ПАЛКА. Женя, мы с Викторией сошли с дистанции! Мы не считаемся!

Жаба моментально кидается к центру поляны, там на пенечке лежит золотой компас. Туда же бросается Лиля. Они достигают пенька одновременно и сцепляются в компас мертвой хваткой. К Лиле подбегает Стася, начинает помогать ей тянуть компас в свою сторону.

ЖАБА. Эй! Так не честно! Борис Петрович, давайте сюда!

БОРЩ (*свистит в свисток*). Брейк! Брейк! Никаких больше драк!

Стася отпускает руки, но Лилия и Жаба продолжают стоять, сцепившись в компас. Вдруг Лилия первой отпускает, за ней разжимает хватку и Жаба. Компас падает на землю. Подростки молча стоят и смотрят друг на друга. Жаба медленно протягивает Лиле руку, та смотрит на руку.

ЖАБА (*неуверенно*). Ничья?

ЛИЛИЯ (*искренне улыбается и жмет протянутую руку*). Ничья!

На поляну выходят Сергей Геннадьевич, Александр, Коля и Арина.

КОЛЯ. Пап, да задолбал ты! На! Держи!

Коля вытаскивает телефон из кармана, с силой пихает его Александру.

КОЛЯ. Надо тебе проверять каждую секунду, сам и проверяй.

Коля подходит к Лиле и Жабе.

Поздравляю.

ЖАБА. Спасибо.

ЛИЛЯ. Да, спасибо. А вы чего так поздно?

КОЛЯ. Да мы бодренько поначалу шли, а потом наткнулись на папу с твоим дедом, и всё.

ЛИЛЯ. А. Ну, клево. Что бодренько.

КОЛЯ. Бодренько в том плане, что шли быстро. С Ариной. Говорить-то нам особо не о чем, вот и... это... Не отвлекались от маршрута, короче.

Лиля не может скрыть улыбку облегчения.

ЖАБА. Я это... Мне у Борща спросить надо. Пойду я. *(Подходит к Борщу.)* Борис Петрович, а чё дальше?

БОРЩ *(громко)*. Пять минут на отдых. Потом идем к берегу реки. Переход ориентировочно сорок минут, то есть к восьми мы должны оказаться на месте. Там разбиваем палаточный лагерь и готовим ужин!

Раздается нестройное «Ура!»

Сцена 7

Берег реки. Палаточный лагерь. Огромный костер. Лиля отошла в сторонку и сидит под деревом. Она делает запись в дневнике.

ЛИЛЯ. Знаешь что, Зигги? Я хочу поговорить о счастье.

Появляются Зигги Стардаст и Зигмунд Фрейд.

СТАРДАСТ (*в ответ на Лилин удивленный взгляд*).
Что?

ФРЕЙД. Мы просто не смогли выбрать, кто лучше справится с твоим нынешним кризисом, так что решили объединить усилия.

ЛИЛЯ. А нет никакого кризиса.

ФРЕЙД. Божечки-кошечки! Поверить не могу. Дожили!

СТАРДАСТ. А кризисы, между прочим, двигают вперед искусство, науку и даже вселенную.

ФРЕЙД. Подтверждаю. И помогают каждому расти как личности!

ЛИЛЯ. А можно я сегодня просто так посижу? Без роста личности, а?

ФРЕЙД. И что же, что же? Что там насчет счастья?

ЛИЛЯ. Ну... вот оно. Я счастлива.

ФРЕЙД (*критически оглядывает Лилю*). Это ненадолго.

ЛИЛЯ. Это еще почему?

ФРЕЙД. Видишь ли... намерение осчастливить человека не входит в планы вселенной. То, что в строгом смысле слова называется счастьем, происходит из внезапного удовлетворения, разрядки достигшей высокого уровня напряженности потребности. По самой своей природе это возможно только как

эпизодическое явление. Так что, какую потребность ты разрядила?

ЛИЛЯ. Ну... Коля меня, пока мы до берега шли, за руку взял.

ФРЕЙД. Что и требовалось доказать. Это сейчас ты счастлива, потому что впечатление от этой прогулки свеженькое и искрящееся как летняя кола из холодильника. Но как только ситуация станет постоянной, газ из твоей газировки повыдохнется, и всё! Адъёс! Так что наслаждайся, пока оно длится.

ЛИЛЯ. То есть что, завтра, ты хочешь сказать, я опять стану несчастной? Ну или не несчастной, а... нормальной?

СТАРДАСТ. Паршива та планета, на которой несчастье – это нормально.

ФРЕЙД. Завтра, послезавтра, через месяц. Говорю же, лови момент!

СТАРДАСТ. Ага! Ты побольше этого старого пердуна слушай. Вот что, звезда моя! Лучшее, чему ты можешь научиться в этой жизни – любить и быть любимой!

ЛИЛЯ. Но, может, (к Фрейду) этот Зигги прав? И все это мимолетно? Ты же сам говорил, любовь часто кончается вместе с дождем.

СТАРДАСТ. Есть места, где дожди идут круглый год. К тому же, и мы об этом уже говорили, любовь бывает разная. Самых разных мер, весов и градаций. (Кивает в сторону подходящего к Лиле Сергея Геннадьевича.) Правда в том, что счастливой тебя может сделать даже самая крошечная, самая слабенькая и зябко трепещущая на тонких ножках любовь. И, по-

верь мне, ее можно отыскать вокруг себя в любую погоду. Было бы желание!

Сергей Геннадьевич подходит совсем близко, и Лиля быстро закрывает дневник. Оба Зигги исчезают.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Можно к тебе сесть?

Лиля подвигается, Сергей Геннадьевич опускается рядом с ней.

ЛИЛЯ. Слушай. Я это... сказать хотела. Ты был прав. Про Жабу и мимирию. Он же действительно просто притворяется ядовитым, чтобы его первым не съели. А так довольно безобидный. И про Стасю тоже... Ты ведь ей поможешь?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Постараюсь. Это не совсем моя специальность, но нужного врача я у вас найду. Если нет, в Москву поедет. Организуем. *(Вздыхает.)* Хотя против родителей, конечно, иногда очень сложно переть.

ЛИЛЯ *(улыбаясь)*. Да уж. Я вот, например, не очень хотела с тобой в поход идти.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ *(саркастически)*. Да что ты говоришь?

ЛИЛЯ. Но мама настояла. И... я, наверное, рада.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ *(смотрит Лиле в глаза)*. Спасибо. Я тоже рад.

ЛИЛЯ. А можно тебя спросить?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Конечно.

ЛИЛЯ. Почему ты приехал? Неужели по маме соскучился?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Я... был не самым лучшим отцом. И, наверное, продолжаю им оставаться, потому что приехал я не поэтому. Но... я попробую стать лучше. Возможно, с Леночкой уже поздно что-то менять, но хотя бы с тобой... В общем, я постараюсь.

ЛИЛЯ. Мне кажется, никогда не поздно что-то менять. Мама сама всегда так говорит. Мне кажется, она будет только рада.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Ну, дай бог, конечно.

ЛИЛЯ. Только ты мне не ответил. Почему ты приехал?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Честно?

ЛИЛЯ. Ну, вообще, желательно.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Ну, ладно. Ты взрослый человек, в конце концов. Я взял отпуск на работе.

ЛИЛЯ. В больнице?

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. И в институте. Точнее, меня попросили его взять. Видишь ли, произошел такой случай... Неприятный. Я был груб с одной студенткой. Она никак не могла сдать мой предмет, ходила, маялась, говорила, что не понимает. Я отправлял ее учить дома, отправлял на пересдачи. На третьей она расплакалась, сказала, что ее лишат стипендии, если она не сдаст, что она стеснена в средствах... Ну, денег у нее нет. Она... очень некрасивую сцену устроила. Хватала меня за пиджак, чуть не на коленях у меня эту тройку вымаливала, прямо-таки выла: «Что мне делать? Что мне делать?». Мое терпение лопнуло. Я,

ЛИЛЯ. Честно говоря, хоть и считаю, что ты не виноват, но как человек ты мне не очень нравишься. То есть, предыдущая твоя версия.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Как сказал бы Колин папа, «подождем обновления».

ЛИЛЯ. Ну да. Айтишный папский юмор.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Уж какой есть. Это ты еще моих врачебных шуточек не слышала. А вообще... Я хотел бы все сбросить к заводским настройкам. Вот где-то к твоему возрасту.

ЛИЛЯ. Ой, не. Не надо. Это самый адок! Дальше же только лучше будет!

Сергей Геннадьевич улыбается в усы и обнимает Лилю.

Жаба и Стася сидят вдалеке друг от друга. Жаба смотрит по сторонам, видит, что все остальные заняты своими разговорами и поворачивается к Стасе.

ЖАБА. Эй, Лапина!

Стася вздрагивает, инстинктивно отворачивается.

Стася!

Стася поворачивается, молча смотрит на Жабу.

А ты знаешь, что у Иисуса было дофига братьев и сестер?

СТАСЯ. Не было!

ЖАБА. Было!

СТАСЯ. Дева Мария же непорочная.

ЖАБА. Ну, это по одной версии. А так во всех этих книжках, вроде вашего Евангелия, говорится, что у него, вообще-то, большая семья была. Только ученые споры ведут – это родные или сводные, ну типа, от предыдущего брака Иосифа. Он же старикан, у него вполне там могло пять жен и десять детей до Марии быть. А принято считать, что он один был. Прикольнo, правда?

СТАСЯ. Откуда ты знаешь?

ЖАБА. Да в телеге прочитал. Но мне вообще про Иисуса интересно читать. Как про лидера мнений.

СТАСЯ. Это, вообще-то, кощунство.

ЖАБА. Здрасьти, Лапина. Живи он в наши дни, он из топа тик тока не выкисал бы.

СТАСЯ. Живи он в наши дни, у него бы какой-нибудь благотворительный фонд был.

ЖАБА. По воскрешению желающих за скромные донаты?

СТАСЯ *(улыбаясь)*. Да ну тебя!

ЖАБА. Не, Лапина, фонд – это мелко. Он же суперзвезда! Даже мюзикл такой есть. Слышала?

СТАСЯ. Мне папа не разрешает. Он говорит, кощунство.

ЖАБА. Так, я, кажется, понял, какое любимое слово в семействе Лапиных. И что вы слушаете? Радио Радонеж?

СТАСЯ. Ну...

ЖАБА. Лапина, это катастрофа! Так, все. Сейчас я буду проповедовать. (*Достает телефон, смотрит на экран.*) Ну, слава богу, интернет ловит.

Жаба подсаживается к Стасе, кладет телефон между ними, достает из кармана беспроводные наушники и дает один Стасе. Та вставляет его в ухо.

В начале, Лапина, было слово. И это слово сказал ЭЛВИС.

Жаба включает видео, они со Стасей склоняются над телефоном, смотрят.

Александр делает интервальную тренировку. Он приседает и подпрыгивает, приседает и подпрыгивает. К нему подходит Коля.

138

АЛЕКСАНДР (*продолжая приседать*). Ну что, еще кружочек, и к ужину готов! Appetit прямо зверский себе нагнал, я слона готов сожрать!

КОЛЯ. Пап...

АЛЕКСАНДР (*со сбитым дыханием, продолжая приседать*). В следующий раз можно вдвоем в поход пойти. Или поехать куда-нибудь. На Валдай, например. Никогда не был на Валдае, но мне всегда так нравилось, как звучит... Валдай!

КОЛЯ. Пап.

Сюжет

Александр останавливается. Поднимается, смотрит на Колю.

КОЛЯ. Мальчик. Три десять, пятьдесят два сантиметра.

АЛЕКСАНДР (*хрипло*). Мама?

КОЛЯ. Все хорошо. Фотку прислала. Улыбается. Хочешь посмотреть?

АЛЕКСАНДР (*яростно кивает головой, прокашливается*). Ну, что. Поздравляю. С рождением братика.

Коля подходит к Александру, обнимает его, утыкается носом в его ветровку.

Ты рад?

КОЛЯ (*молча пожимая плечами*). Ты же знаешь, что ты самый лучший, да?

Александр молча кивает.

Я никогда не назову его папой. Я обещаю.

АЛЕКСАНДР. Алексей хороший человек, твоя мама с ним очень счастлива.

КОЛЯ. Он нормальный. Но он не мой папа.

Александр и Коля обнимаются.

АЛЕКСАНДР. Как назвали?

КОЛЯ. Елисей. Дебильнейшее имя.

АЛЕКСАНДР (*улыбаясь сквозь слезы*). Коля, это твой братик. Имей совесть.

КОЛЯ. Ага. Коля и Еля. Я же говорю, два дебила — это сила!

Александр смеется и незаметно от сына вытирает слезы. Коля делает вид, что и правда этого не замечает.

Арина сидит, почти сложившись вдвое, прячет лицо в коленях. Рядом Виктория записывает очередную сториз.

ВИКТОРИЯ. Хочу с вами поделиться этим волшебным вечером, дорогие мои. Треск костра, искры, летящие в небо... Ведь мы сами творим волшебство, стоит только захо... Да ё!

Арина нехотя поворачивается к матери.

Зарядка закончилась.

АРИНА. Пауэрбанком заряди.

ВИКТОРИЯ. Да это уже после пауэрбанка. Пауэрбанк тоже сдох.

140

Повисает пауза.

Ариш...

АРИНА (*резко поворачивается к Виктории*). Тебе это правда надо? Правда-правда?

ВИКТОРИЯ. Не понимаю, о чем ты.

АРИНА. Это действительно так важно?

ВИКТОРИЯ. Арина, выражай свои мысли яснее, пожалуйста, а то, знаешь...

АРИНА. Это делает тебя счастливой?

ВИКТОРИЯ (*подумав*). Да. Это сделает меня счастливой. Когда у меня все получится.

АРИНА. Правда? Ты обещаешь?

ВИКТОРИЯ. Нет, ну я не могу тебе ничего гарантировать...

АРИНА. Ты обещаешь, что ты будешь счастливой?

ВИКТОРИЯ. Что ты пристала ко мне?

АРИНА. Мам...

ВИКТОРИЯ. Ладно. Хорошо. Я обещаю. Довольна?

АРИНА (*серьезно*). Да. Но ты обещала!

Арина достает телефон, протягивает его матери.

ВИКТОРИЯ. А ты?

АРИНА (*качает головой*). Не, мам. Мне не интересно.

ВИКТОРИЯ. Но...

АРИНА. Мне совсем не интересно.

Арина встает и отсаживается от Виктории. Виктория раздраженно передергивает плечами, хмыкает, и включает запись видео на телефоне Арины.

ВИКТОРИЯ. Хочу с вами поделиться моим волшебным вечером, дорогие мои. Треск костра, искры, летящие в небо...

Арина подсаживается поближе к костру, поднимает с земли палку, начинает шевелить угли

костра. По ее щекам бегут слезы, она хлюпает носом, но Виктории ее не слышно.

Учителя сидят на бревне с другой стороны большого костра, Борщ мешает в котелке тушенку на всех, Палка переворачивает пекущуюся на углях картошку в фольге.

БОРЩ. Ну что, Анечка? Будем завтра учиться бегу от зомби по пересеченной местности?

ПАЛКА. Спасибо, Борис Петрович, но я, вроде, уже научилась. Я сама теперь кому угодно мозги сожру.

БОРЩ. Во-от. А вы переживали. К маю вообще заматереее, не только ваших восьмиклашек, завуча в учительской «строить» начнете.

АЛЕКСАНДР (*подсаживаясь к учителям*). Можно к вам?

БОРЩ. Конечно можно, располагайтесь. Вон там у нас в пакете сосиски, можно уже, мне кажется, жарить начинать.

АЛЕКСАНДР (*нанизывает сосиску на палку, кладет палку так, чтобы сосиска жарилась на костре. Освободив руки, привычным движением лезет в карман куртки, достает пачку сигарет, встряхивает из неё зажигалку, закуривает. Протягивает пачку учителям*). Тут как раз две. Я бросил. Но пока ношу с собой. На всякий случай.

БОРЩ. А! Была не была. (*Палке*.) Ну, что вы на меня так смотрите? Я вам еще в поезде говорил, рука

сама тянется. И надо же... это... хоть немножко молодость вспомнить? (*Достает сигарету, закуривает, закашливается. Потом счастливо улыбается и с наслаждением затягивается*). Какая же все-таки отвратительная дрянь! (*Хочет вернуть пачку с последней сигаретой Александру, но её перехватывает Палка.*)
Анна Пална!

ПАЛКА (*закуривая*). А если все будут с крыши прыгать, я тоже прыгну. А потом еще и уши отморожу. Вам назло. Вы только меня от ребят прикройте. А то как-то, действительно...

Борщ закрывает Анну Палну могучей спиной так, чтобы ее не было видно.

АЛЕКСАНДР. Ну что? Как молодость? Вспоминается?

БОРЩ (*кидая окурок в огонь*). Да, в общем-то, и не забывалась!

ЖАБА (*Стасе*). Так, плавно переходим к семидесятым. И тут, конечно, сразу Дэвид Боуи и его великий альбом «Взлёт и падение Зигги Стардаста и пауков с Марса».

СТАСЯ. У тебя все великие.

ЖАБА. Потому что так оно и есть! Ты послушай!

Жаба включает трек, но почему-то музыка начинает играть не в наушниках, а громко льется через динамик на всю поляну.

Ой! Простите! Глюкануло. Я сейчас!

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ (*поворачиваясь к Жабке*). Женя, не надо. Оставь!

Сергей Геннадьевич поднимается, протягивает руку Лиле, приглашая ее потанцевать.

ЛИЛЯ. Не-е-ет.

Сергей Геннадьевич держит руку протянутой.

(*Улыбается, пожимает плечами.*) Ну, если ты настаиваешь...

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ. Без «ну».

Лиле поднимается, с ее колен падает дневник. Он лежит на земле, и ветер треплет раскрытые страницы.

Появляются оба Зигги – Стардаст и Фрейд – и начинают петь песню Боуи «Starman».

Лиле и Сергей Геннадьевич танцуют, и непонятно, кому из них четырнадцать, а кому семьдесят. Учителя тихонько курят как восьмиклассники, и никто из восьмиклассников этого не замечает. Или, по крайней мере, делают вид, что не замечают.

Арина уже вытерла слезы, она смотрит на костер, и если кто-то спросит, то глаза у нее красные из-за дыма.

Жаба и Стася сидят рядышком и просто слушают Боуи. Стася неловко кивает в такт музыке и не может сдержать улыбку – в трех километрах от станции «Кирпичные выемки» Жаба сочинил для нее чудо рок-н-ролла.

Коля подходит к танцующим Лиле и Сергею Геннадьевичу, становится в сторонке, неловко переминаясь с ноги на ногу. Сергей Геннадьевич оценивает ситуацию, быстро откланивается и уходит к учителям, а Коля медленно подходит к Лиле.

КОЛЯ. Можно?

ЛИЛЯ. Да.

И они начинают танцевать.

КОНЕЦ

Елена Ерпылева
ДЫШИ ГЛУБЖЕ, ПАША

Пьеса в двух частях

Действующие лица:

ПАША.

АЛЬБИНА.

АЙ-МАКС.

БАБКА.

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ.

БУЛАТ.

ЗАКИР.

УЧАСТНИК ПЕРВЫЙ } из группы
УЧАСТНИК ВТОРОЙ } «Дыши глубже»

УЧАСТНИКИ ГРУППЫ «ДЫШИ ГЛУБЖЕ» –
количество на усмотрение театра.

ПРОЛОГ

ПАША. Стремительно, как океанский лайнер, приближалась мечта, блистая и переливаясь прозрачной волной, под названием «фьючерс». «Фьючерс» – это словечко я ввел в свою жизнь, иронично и тонко посмеиваясь сам над собой. Жизнь осуществляется ради завтра, во имя перспективы. «Фьючерс» – это слово и все, что встает за ним, вызывает легкую, почти эротическую истому.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

ПАША. Моя любимая одежда – строгие деловые костюмы. Я всегда и везде в костюме от фирмы Cesare Attolini. Это очень удобно. Это как доспехи – всегда при тебе. У меня консьержки никогда не спрашивают паспорт. А у моего друга спрашивают. Я даже не могу придумать контекст, где бы деловой костюм был не к месту. Вот и сейчас я бегу марафон в своем деловом костюме. Это супер как удобно. И еще на мне очень дорогие ботинки фирмы Tods. Шикарные ботинки.

Появляется Альбина.

АЛЬБИНА. Паша, но у тебя никогда не было такого дорогого костюма и ботинок фирмы Tods. Зачем ты врешь? Да еще на камеру. Ты вообще все время врешь, Паша. Это как-то удручает и утомляет.

ПАША. Я не слышу тебя, Альбина. Я далеко от тебя! Я в Америке. Я залез на Статую Свободы и кричу всем, кто внизу: «Я люблю жизнь! Я люблю свободу! Я люблю жизнь! Я люблю свободу!»

АЛЬБИНА. Я тоже!

Паша просыпается.

2

ПАША. Что, «я тоже»?

АЛЬБИНА. Я тоже люблю свободу, Паша. И потому нам надо расстаться.

ПАША. В смысле? Расстаться?

АЛЬБИНА. Чем быстрее, тем лучше. Ты не мой мужчина.

ПАША. А раньше?

АЛЬБИНА. Что раньше?

ПАША. Раньше был твой?

АЛЬБИНА. Раньше тоже был чей-то. Ты случайно застрял в моей жизни.

ПАША. Ок.

АЛЬБИНА. Что значит «ок»?

ПАША. Просто «ок». И все. Хотя нет. Почему я застрял именно в твоей жизни?

АЛЬБИНА. Никакого смысла и логики в этом нет, поверь. Произошла ошибка. Так бывает. Шел человек мимо и заблудился. И ошибку надо исправлять.

ПАША. Как все это тупо и бесчеловечно! Как непредсказуемо!

АЛЬБИНА. Когда ты сказал просто «ок», было гораздо лучше.

ПАША. Слушай, Макс, когда в соцсетях я узнал о твоём проекте «Дыши чаще»...

АЙ-МАКС. Глубже.

ПАША. Что?

АЙ-МАКС. Проект называется «Дыши глубже».

ПАША. А! Ну да. Короче, когда я об этом прочитал, то подумал – вот Макс что-то в своей жизни нащупал, как-то задышал...

АЙ-МАКС. Зови меня Ай-Макс. Я занимался ай-ти проектами, и ко мне прилипло «ай». Хороший знак, между прочим. Меняешь имя – меняешь судьбу.

ПАША. Ок. Ай-Макс так Ай-Макс. Круто! Так вот, когда я прочитал о твоём проекте, то решил: а почему бы мне тоже не начать дышать чаще... в смысле, глубже... потому как, короче, я стал задыхаться по жизни.

АЙ-МАКС. Кто такой Джон Голт? Не в теме? Прочти книгу «Атлант расправил плечи». Я прочитал ее в 15 лет. Там про капитализм, про то, что нужно быть самостоятельным, а не жить за чей-то счет. Развивать в себе индивидуализм. Я уже тогда понял, что жить с родичами – для меня полный деструктив. Меня это в состояние комфорта вгоняло. А наша задача выйти из зоны комфорта.

ПАША. Видишь ли, я не родился с брендом на морде, но все же хочется чего-нибудь другого, особенного...

АЙ-МАКС. Бренд на морде, как и жизнь, надо лепить самому. По лекалу своей мечты. У тебя как с этим?

ПАША. С чем?

АЙ-МАКС. Мечта есть?

ПАША. Не поверишь, но я мечтаю пробежать марафон в дорогом костюме и туфлях за 300 фунтов стерлингов.

АЙ-МАКС. Ты спортсмен?

ПАША. Да нет. Скорее, наоборот. Ну, это вроде старта в большой бизнес. Такой вызов себе и другим. Моей женщине, например.

АЙ-МАКС. Ну вот, и новое имечко готово. Паша-Марафон. Меняешь жизнь – меняешь судьбу. Про технику «Чайка» слышал?

ПАША. Пьеса, что ли такая? Чехов?

АЙ-МАКС. Про чужие пьесы забудь. Свою начинай писать. Так вот, техника «Чайка». Представь, что ты сидишь на берегу, скажем, Финского залива. Светит солнышко, с залива дует ветерок. Вдруг видишь, что где-то вдалеке что-то летит. Тебе кажется, что это чайка. Она ближе, и ты видишь, что это никакая не чайка, а большая жопа. Огромная! Но поздно. Она уже села тебе прямо на голову. Как говорит Дан Продвинутый, нужно отрачивать широкие волевые плечи, чтобы не уйти в жопу полностью. Вопрос на засыпку: почему ты ничего не делал, пока она летела на тебя? Потому что тебе хотелось, чтобы это была чайка. Так вот, когда ты научишься отличать жопу от чайки, с этого момента можно начинать писать свою пьесу. В смысле, свою «Чайку». И запомни. В жизни успешных людей жопы летают стаями. Только самые успешные, в отличие от тебя, не думают, что это чайки. Так что тебе надо начать изучать наши техники.

А для начала познакомьтесь с Даном Продвинутым. Между прочим, самый крутой чувак, которого я знаю.

4

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Итак, друзья, рассмотрим, так сказать, колесо баланса нашей жизни. В колесе восемь секторов. Бизнес. Деньги. Личностный рост. Здоровье. Друзья и окружение. Яркость жизни. Отношения. Духовный рост и творчество. Баланс между ними – главный показатель вашего успеха. Не получилось, значит, перекосячили! Необходима жесткая подкачка. Наша задача определить все ваши косяки и исправить их. Начнем с сектора «Бизнес». У кого что есть?

Участники группы «Дыши глубже».

УЧАСТНИК ПЕРВЫЙ. В четырнадцать лет я увлекся баскетболом. А уже через год стал заниматься обувью больших размеров. Началось с того, что не мог найти себе кроссовки своего размера и привез через Ebay. Потом стал привозить партнерам по команде, потом всю команду обул. Сначала это были кроссовки баскетбольные, всякие кобибрайанты. Потом начал тимберленды привозить. В конце концов, оборот от продаж составил полмиллиона. Задыхал глубоко.

УЧАСТНИК ВТОРОЙ. Как-то я попал на одну тузовку, и так получилось, что по сравнению с другими парнями, был неплохо одет. Во время тренинга кто-то обратился проконсультировать его насчет шмоток. Помог. Потом одному парню помог зимнюю обувь выбрать, тот заплатил. Надо же! Первые деньги. И как бы ни за что! Понял, что могу запросто подрабатывать

на шмотках и обуви. Сейчас практикуюсь как мужской парикмахер и стилист. Мечтаю открыть свой салон. Дышу часто, стараюсь глубже!

АЙ-МАКС. Сначала занимался ай-ти проектами. Взял на вооружение несколько техник проекта «Дыши глубже». И недавно начал заниматься элитными часами. Куплей-продажей, обменом швейцарских часов. Работаю под заказ. Эксклюзивные модели Ролекс, Патек Филипп, Брегет, Аудемарс Пигет. Занимаюсь как частное лицо, но в будущем мечтаю открыть свой салон. Дышу глубоко и равномерно.

ПАША. Работаю копирайтером в рекламном агентстве. Однажды утром проснулся и понял: все, больше не могу! Не могу писать эти «продающие», «мотивирующие» тексты. Меня самого уже мало что мотивирует куда-то двигаться. Так что совсем не дышу. Тупо задыхаюсь!

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Ну что ж! Если вы попали сюда, значит у вас есть запрос двигаться к своей мечте. Все наши участники откалиброваны по запросу. Поэтому запомните, чтобы стать соленым огурцом, нужно просто залезть в банку с солеными огурцами! Что вы и сделали!

5

АЛЬБИНА. Мать из Башкирии звонила. Через неделю приезжает.

ПАША. С чего вдруг? Рассорилась с сыночками?

АЛЬБИНА. Типа того. Паш, ты ей пока ничего не говори.

ПАША. В смысле?

АЛЬБИНА. Ну, про нас. У нее главное, чтобы женщина за мужиком была. Она старых правил.

ПАША. Хочешь, чтобы я принял весь удар на себя?

АЛЬБИНА. Ну, так надо. Уедет – разбежимся. На работу не опоздаешь?

ПАША. Я уволился. Пока потакую. А в свободное время работа над техниками. Как стать успешным и богатым.

АЛЬБИНА. Ну, богатым ты уже почти был. И когда вяпался в покупку акций. И когда прогорел на покупке долларов. И что ты там последний раз приобрел? Криптовалюту? Четыре тысячи долларов коту под хвост!

ПАША. Тебе-то что? Я уже, кажется, не из твоей жизни. Ладно, мать надолго?

АЛЬБИНА. Не знаю. Она сроду никуда не ездила. И вообще, не удивляйся. Она немного со странностями. Так что будь готов ко всему.

6

АЛЬБИНА. Mam, ты надолго к нам?

БАБКА. Проститутка!

АЛЬБИНА. Что?!

БАБКА. Проститутка. Расплатиться хотела! За такси! Проститутка! Кто это? Кто этот мужик?

АЛЬБИНА. Как кто? Отец Айгуль.

БАБКА. Врешь! Отец Айгуль тебя бросил! А это таксист! Он меня с вокзала вез.

АЛЬБИНА. А разве отец Айгуль не может быть таксистом?

БАБКА. Врешь все, врешь! Завралась совсем! Проститутка.

АЛЬБИНА. Mam, сериалов насмотрелась? У нас с вокзала не так дорого, между прочим. Это мужчина, с которым я живу. Я думала, вы на вокзале познакомились.

БАБКА. Не было ничего такого. Подошел, погрузились, все молчком. Откуда знаю, кто такой?

АЛЬБИНА (*Паше*). Ты что? Вообще ничего не сказал?

ПАША. Меня зовут Паша. Я таксую. А в свободное время работаю над техниками как разбогатеть.

АЛЬБИНА. Паша, не надо. Для нее это хуже, чем проститутка.

7

154

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Сегодня мы изучим технику «Сто целей». Человек должен иметь в запасе сто целей. Не меньше! Сто целей – толчок найти в себе скрытую энергию. Цель – самое крутое, что тебя может мотивировать. Без цели ты работаешь и не понимаешь, что делаешь и для чего? Жизнь оборачивается неинтересным, скучным фильмом. Только свои цели надо перечислять так, будто ты их уже осуществил. Когда произносишь вслух, ты как бы материализуешь свои желания. Так легче с космосом договориться. Итак, ваши сто целей!

Сюжеты

Участники группы «Дыши глубже»:

– Вылечил аллергию на холод. Набрал семь килограммов веса. Изучил строение организма человека и возникновение болезней.

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Неплохо. Но надо играть по-крупному. Попробуйте самые сумасшедшие цели!

– Сделал пятьсот подписчиков на ютуб канале. Пять тысяч подписчиков в группе блога. Составил личный финансовый план на тридцать лет.

– Создал пассивный доход десять тысяч рублей в месяц. Прошел тренинг Академии раскрытия талантов и способностей Бернарда Перси!

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Ещё, ещё! Информация должна быть обработана космосом незамедлительно и идеально.

– Прожил три месяца зимой в теплой стране. Отдохнул две недели на острове без телефона и интернета!

– Купил квартиру. Купил камеру GoPro. Обновил гардероб со стилистом.

– Прошел курс Випассаны! Сделал брендованную футболку поло, кепку и чехол на телефон.

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Отлично! Ещё. Смелее!

– Снялся в передаче на Первом канале! Взобрался на одну из пяти вершин мира. Полетал на воздушном шаре!

– Сделал то, что никогда бы не сделал: спел песню и записал ее! Выложил в ютуб. Сыграл роль в кино! Научился показывать фокусы!

– Сделала публичный доклад!

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Ещё, ещё!

– Сфотографировался на обложку журнала «Форбс» в африканской стране на фоне гигантского льва.

– Покатался на машине Тесла, жонглируя тремя бутылками с огнем. Полетал на воздушном шаре!

ПАША. Пробежал марафон в деловом костюме и в оксфордах Tods. Только я так и не понял, откуда брать старт? Ну, с чего все начинать?

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Вообще-то начинать надо с детства. Поверьте, все говно тащится оттуда. В детстве нас часто прессуют. Отсюда обиды, комплексы, разочарования. Так вот, чтобы чего-то добиться в этой жизни, надо выжать и оставить в сухом остатке собственное детство. Отжать, как тряпку. Между прочим, классная техника! Называется «Сухой остаток». Начните этот процесс и увидите, из какого дерьма состоит ваша жизнь!

8

156

ПАША. В детстве у меня были страшные комплексы: прыщи, сальные волосы, вечный стыд непонятно за что и насмешки одноклассников. Всю жизнь я стараюсь избавиться от своих жутких комплексов. И теперь в моей жизни все очень быстро меняется. Просто с бешеной скоростью! Ведь я бегу марафон в оксфордах Tods. Это круто. И мне нельзя расслабляться. Ведь у меня есть сто целей, которые я обещал выполнить своей женщине.

Появляется Альбина.

Сюжет

АЛЬБИНА. Паша, но у тебя больше нет никакой женщины. Зачем ты врешь? Да еще на камеру. Ты, вообще, все время врешь, Паша. Это как-то удрячает и утомляет.

Звонит телефон. Паша просыпается.

9

АЛЬБИНА (*по телефону*). Еще не ушел? Мама что делает?

ПАША. Как обычно затаилась.

АЛЬБИНА. Будешь уходить, скажи ей: «Я пошел, до скорой встречи».

ПАША. Зачем?

АЛЬБИНА. Ну, так надо. Скажи. Трудно, что ли?

ПАША. Нетрудно. Но ни к чему. Ты же знаешь, я у нее во вражеском отсеке. Вы в башкирском, а я во вражеском.

АЛЬБИНА. Да, и спроси: «Вам что-нибудь купить?»

ПАША. Она не скажет.

АЛЬБИНА. А ты спроси.

ПАША. Зачем? Зачем мне все это!? Я ее никогда не знал и через несколько дней навсегда забуду! Это уже не из моей жизни!

АЛЬБИНА. Не кричи! Она видит плохо, а слышит хорошо.

ПАША. Ладно, что ещё ей сказать?

АЛЬБИНА. Для начала хватит.

ПАША. Смешно, но ржать нет сил, честно.

10

ПАША. Вам, может, что-то купить? Может, сладкого или там пирожок какой? С маком любите? Молчите. Хорошо. Только я не понимаю, за что вы меня так? Я ничего плохого вам не сделал.

БАБКА. А зачем дочь мою попортил?

ПАША. Как это попортил? Бред какой-то!

БАБКА. Попортил, а не женишься. В грехе оба. В блюде!

ПАША. А если я скажу, что она не хочет за меня замуж?

БАБКА. А звал? Как попортил, звал?

ПАША. Что за дурость! Никто никого не портил. И замуж я ее не звал. Потому что я для нее никто. Ничто. Меня вообще нет в ее жизни! Она меня выгнала! Вы это хотели знать? Так знайте! Пирог с маком покупать?!

БАБКА. Сама настряпаю. С морковью любишь?

ПАША. Не ел. То есть, ел, но давно, в детстве. Но оно у меня скоро будет в сухой остатке. Я его выжму из себя. И все остальное выжму. Все в сухой остаток!

11

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Итак, мы с вами говорили о том, что вы должны иметь сто целей. Но этого мало. У каждой цели должна быть своя цена. «Цена слова». Данного себе слова. И она должна быть самой жесткой, чтобы у тебя, как говорится, яйца были в тисках! И чем сильнее тиски, тем большая вероятность, что

ты добьешься цели. А теперь самые крутые истории про цену слова.

Участники группы «Дыши глубже».

УЧАСТНИК ПЕРВЫЙ. Я решил сдать на водительские права без всякой взятки. Причем с первого раза. А если не смогу, то вызову такси, узнаю телефон таксиста и отправлю ему прямо на телефон тысячу баксов. А лучше две. Пусть охренеет!

УЧАСТНИК ВТОРОЙ. Самая дорогая вещь, которая у меня была – часы Ролексы. Но у меня не было машины. Представьте себе картинку: еду в метро, а на мне Ролексы. Ну, прикольно, конечно, люди глазят: ничего себе, блин, Ролексы! Но у меня самого какое-то несоответствие: метро и Ролексы. Просто раздрай в душе! Пытка! Я только до метро дохожу, Ролексы прячу в карман, ну, чтобы... соответствовать, что ли. Потом я их все же продал. И дал себе слово, что если за три месяца не куплю машину, то переведу сто тысяч в благотворительный религиозный фонд.

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Хорошая цена слова. Только не очень крутая. В религиозный, да еще благотворительный, это почти прощение у Бога.

УЧАСТНИК ВТОРОЙ. Так в Бога-то я не верю! Для меня перевести туда деньги – удавиться и не встать. Но надо же, как ты говоришь, чтобы яйца были в тисках!

12

ПАША. Я в командировку. На неделю.

АЛЬБИНА. Что ещё за командировка?

159

ПАША. В Киргизию.

АЛЬБИНА. С чего вдруг в Киргизию?

ПАША. Решил запустить там масштабную смс кампанию.

АЛЬБИНА. А в Киргизии-то почему?

ПАША. Потому что один мой знакомый запустил такие же точно в Таджикистане и Узбекистане. Довольна?

АЛЬБИНА. И что за смс кампания, если не секрет?

ПАША. Секрет. Но тебе открою. Прихожу к генеральному директору МТС Киргизии. И говорю, хотите поднять средний чек абонента? Мы с ним все просчитываем, оказывается, выгодно. И мне, и ему. Запускаю розыгрыш-викторину и разыгрываю машину или телефон. Полтора миллиона ответили, и кампания не в проигрыше, и я. Причем я честно разыгрываю автомобиль и телефон. Честно! Понятно?

АЛЬБИНА. И какой, интересно, автомобиль ты разыгрываешь? Свою старую Дэу Нексию?

ПАША. Автомобиль и телефон мне одалживают партнеры. Я с ними познакомился в группе «Дыши глубже». И мне нельзя отступать. У меня цена слова.

АЛЬБИНА. Что?

ПАША. Цена слова. Я сказал себе, что если не запущу масштабную смс кампанию за три месяца, то куплю три айфона и подарю их трем киргизским проституткам.

АЛЬБИНА. Ну, что ж, хоть киргизских проституток осчастливишь!

ПАША. Ай-Макс, я неделю у тебя поторчу? Надоело у нее на глазах мелькать! Разъехаться с ней пока не можем – за квартиру на год вперед заплатили. А я сейчас, сам знаешь, на нулях. Наврал ей, что еду в Киргизию организовывать смс кампанию. Пусть думает, что у меня тоже свое дело. Вообще, когда ее вижу, со мной что-то делается. Все время стараюсь быть лучше, чем есть, вру ей бесконечно! Самого тошнит. Но самое поганое: она меня насквозь видит. Я и к вам в проект пошел, чтобы почувствовать, что я что-то могу. Из-за нее пошел. И тут она меня ба-бах и срезала! Она башкирка. Думал, башкирки такие тихие, смирные овечки, куда там! Отец ее дочки сбежал сразу после родов. И моя башкирка никак не может понять, почему ее, красотку с высшим образованием, бросили, как какую-то тряпку? Она от отчаяния со мной сошлась.

АЙ-МАКС. В личной жизни тоже нужна прокачка. Я сам только недавно мощно прокачал эту темку. Бабскую в смысле.

ПАША. Как? Как прокачал?

АЙ-МАКС. Очень просто. Рассказываю.

АЙ-МАКС. Одна из моих «ста целей» была поехать со своей девушкой на Кипр. Цена слова – сто тысяч рублей, которые я должен буду отдать первому встречному в случае, если поездка сорвется. Подтверждение – контрольный выстрел, то есть, фото с девушкой на Кипре. И вот накануне поездки мы с

моей девушкой разосрались в пух и прах. Куплены билеты и путевки, а моя девушка не хочет меня видеть. Ну что ж! Надо отдавать сто косарей первому встречному. Ведь все мои действия на контроле у моей группы. Я даже снял с карточки деньги, но как только увидел первого встречного, – какого-то прыщавого хмыря, идущего со школы и грызущего свой грязный ноготь, – все во мне перевернулось. Меня стала душить жаба. Но цена слова! Черт бы ее побрал! Я шел за этим хмырем квартал, пока он не заметил меня. После чего сорвался и побежал дворами. Я не стал догонять придурка, который только что просрал сто косарей. Более того, я не стал ждать второго встречного. Я наступил на собственную гордость, поломал всего себя изнутри и поехал к моей девушке мириться. Купил офигенный букет, ее любимые конфеты и какого-то плюшевого зайца с приплюснутым носом. Впервые за время нашего знакомства я попросил у своей девушки прощения. Боже! Как я ненавижу ее в этот момент! Но это ещё не все. Прокачка не в этом. А в том, чем все закончилось. Итак, были слезы, объятия, сэкономленные сто косарей за вычетом букета, конфет и зайца. Поездка на Кипр, «контрольный выстрел». Потом возвращение с Кипра. С каким наслаждением я послал эту идиотку в жопу прямо в аэропорту. Видел бы ты ее лицо, когда я оставил ее одну, садясь в такси, и ничего не объяснив.

ПАША. Может, лучше было отдать деньги прыщавому пацану? Тот хотя бы прыщи свои вылечил. *(Звонит телефон, смотрит на экран.)* О! Уже не выдержала! *(Отвечает.)* Да, Альбина, я тебя слушаю.

АЛЬБИНА. Паша, срочно приезжай!

ПАША. Альбина, но я ... я уже одной ногой почти в Киргизии.

АЛЬБИНА. Паша! Маму «скорая» увезла! Инсульт!

15

АЛЬБИНА. Паша! Она никого не узнает. Руки не двигаются. Ноги отнялись. Боже, Паша, что мы с ней будем делать?

ПАША. Зря ты ее так рано забрала из больницы.

АЛЬБИНА. Там таких долго не держат. Паша, я рассчитываю на тебя. Мне одной не справиться.

ПАША. Можно нанять сиделку.

АЛЬБИНА. Сиделке ее доверить пока нельзя.

ПАША. Сиделке нельзя, а проходимцу, вроде меня, можно?

АЛЬБИНА. Надеюсь, это ненадолго. И ты сразу же поедешь в Киргизию дарить айфоны проституткам.

ПАША. А без этого ты никак не могла.

АЛЬБИНА. Прости. Нервы совсем сдали.

163

16

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Сегодня мы поговорим о технике, которая называется «Сэндвич моего дня». Чтобы начать двигаться к успеху, надо научиться собирать свой день. Что это значит? И как собрать свой день? Как сэндвич в фастфуде! Так вот. В этот сэндвич входят Отписка, цель дня – Мантра, и осознание прошедшего дня – Инсайт. Не итог дня, а его осозна-

ние. Делайте отписки так, как будто вы ведете дневник. Кто готов озвучить свои мантры и инсайты?

Участники группы «Дыши глубже»:

– Мантра прошедшего дня. Я на волне удачи. Мое благополучие растет в геометрической пропорции.

– Инсайт. Усталость берет верх. Но усталость приятная. Нужно отдыхать и перезарядиться.

– Мантра дня. Сегодня дохера энергии. Начинаю работать по второй корзине с удвоенной силой.

– Инсайт. Деньги липнут ко мне как магнит. Вчерашняя «кукуруза» ушла.

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Для неопытных «кукуруза» – это самое поганое состояние, когда вы как бы находитесь в поле, заросшем кукурузой, и не видите, что происходит вокруг вас.

ПАША. А если я весь день хочу есть и спать. Что писать?

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Пишешь: восстанавливаю энергию для будущих грандиозных целей. У тебя есть грандиозная цель?

ПАША. Самая ближайшая и грандиозная – залезть подальше в кукурузу и как можно дольше не вылезать!

17

ПАША. Я бегу марафон в оксфордах Tods. Это круто. Многие марафонцы натерли ноги своей неудобной обувью, а я в своих ботинках фирмы Tods произвожу фурор. Скоро финиш, я бегу в первых рядах, и все потому, что на моих ногах ботинки знаменитой

фирмы. Скоро, очень скоро вы увидите результат работы фирмы Tods. У меня нет ни одной мозоли! Многие спрашивают, где я купил такие ботинки? Но я не скажу, потому что собираюсь делать хорошие заказы. В общем, я еще и заработаю на этом марафоне!

Появляется Альбина.

АЛЬБИНА. Паша, смотри, что я решила тебе подарить. Деловой костюм от фирмы Cesare Attolini и ботинки фирмы Tods.

ПАША. Альбина, я прошу, засунь в жопу свой костюм от фирмы Cesare Attolini. И выйди из моей жизни! Выпрыгни! Прямо на ходу! И захвати с собой ботинки фирмы Tods.

АЛЬБИНА. Паша, проснись! Паша!

18

АЛЬБИНА. Паша! Она заговорила. Мама назвала тебя по имени. Она сказала: «Паша!»

БАБКА. Па-а-шшш-а-а!

АЛЬБИНА. Ты слышал? Слава Богу! Стала узнавать. Мама! Мамочка, дорогая! Заговорила! Мама, это я. Ты меня узнаешь? Это я, твоя дочь Альбина. Паша, она к тебе тянется. Наклонись. Она что-то хочет тебе сказать.

БАБА. Паша!

АЛЬБИНА. Наклонись, наклонись к ней! Ну, что ты стоишь как истукан?

БАБКА. Паша! Сынок!

АЛЬБИНА. Паша, она сказала «сыннок». Господи, заговорила! Паша, скажи ей что-нибудь, скажи ей «мама»!

ПАША. Нет, Альбина, я не буду это говорить!

АЛЬБИНА. Ну, может, она ждет что-то от нас. Какой-то знак, слово. Ну, подыграй. Скажи «мама». И все. Просто «мама».

ПАША. Ну, зачем, Альбина? Для чего?

АЛЬБИНА. Ну, трудно, что ли? Она просто «сыннок». А ты просто «мама».

ПАША. М-м-м. Ма... м-м-м...

АЛЬБИНА. Ну, что ты мычишь, Паша? Наклонись и скажи: «Мы здесь, с вами! Мама!»

ПАША. Ма-ма.. мы здесь. Я и Альбина... мы с вами...

БАБКА. Паша! Это кто с тобой такая?

АЛЬБИНА. Ма-а-а-ма!

ПАША. Опс! Приехали.

АЛЬБИНА. Паша! Почему ты? Почему не я? Почему, Паша?! Почему именно ты, черт возьми?!

ПАША. Ещё скажи, что я тебе назло сделал, что она меня из всех узнала!

АЛЬБИНА. Нет, я понимаю, она может меня не узнать. Но она не может на меня так смотреть. Как на врага. Как на самого лютого врага! Что я ей сделала? Скажи ей. Скажи, Паша.

ПАША. Хорошо. Скажу.

АЛЬБИНА. Нет, ты, правда, скажи. Ты ведь можешь ей сказать, она тебя слушает. Почему ты не хочешь сказать?!

ПАША. Хорошо. Я скажу. Скажу, чтоб смотрела на тебя нормально. По-человечески. Чтобы называла тебя дочерью и по имени. А потом, чтоб встала и пошла. Или даже побежала! Или села на поезд и уехала в Башкирию. Подальше от наших глаз. Что еще сказать?!

АЛЬБИНА. Паша, не кричи, у меня самой уже нет сил.

ПАША. Я у нее, вообще-то, во вражеском отсеке сидел. И она мне все будущее перечеркнула. А я должен ее кормить. Из ложечки. Так что заткнись, Альбина! Заткнись, умоляю! И ищи сиделку. Сиделку надо искать. Срочно!

Слышен голос Дана Продвинутого: «Итак, в колесе баланса жизни есть сектор «Друзья и окружение». Наше окружение – это не только наши потенциальные заказчики и клиенты. Этот круг гораздо шире. Туда входят и наши друзья, наши близкие. Есть ли у вас перекося в этом секторе? И если есть, то, как его исправить?»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

АЙ-МАКС. Ну, что у тебя? Рассказывай. Куда пропал?

ПАША. Муть какая-то... Помнишь, я говорил про бабку, которую свалил insult и прочее? Короче у

нее после инсульта та часть мозга, где родня сидела, напрочь отключилась. А там, где я, включилась. Я в другом отсеке был. Во вражеском. Так вот она признала из всех одного меня. Прикинь, никого больше к себе не подпускает. Ни дочь, ни внучку, ни соседей. Теперь я вроде няньки. В общем, оказался в какой-то жопе...

АЙ-МАКС. Читал Фомина? Нет? Прочти. Там как раз о теории трех жоп. У каждого человека на самом деле три жопы. Жопа умная, жопа хитрая и жопа депрессивная.

ПАША. Да причем тут это?

АЙ-МАКС. Нет, ты послушай! Тебе полезно. Так вот, жопа умная – это которая считает, что «я все знаю, ты меня ничему не научишь. Вот что ты вообще можешь мне дать?» И так далее. Мол, пошел в жопу. Жопа хитрая – это «типа я всех обману, всех кидану. Найду лазейку».

ПАША. Да ну, Ай-Макс, что ты несешь?

АЙ-МАКС. Ну, так вот, а третья жопа – депрессивная. «Жизнь – говно. Все у меня не так. У всех все есть, а у меня ничего нет. И я всем должен. А мне никто!». Короче плакса, жалкий человек, нытик. Вот эти три жопы есть у каждого. И все наши проблемы от того, что эти жопы никак не могут договориться между собой, в смысле кто из них главный. На работе, в личных отношениях, в бизнесе. Кто главнее?

ПАША. А твои, что? Договорились?

АЙ-МАКС. У меня все в процессе. А у тебя в лидерах, похоже, жопа депрессивная. С ней надо договориться, дружище. Тупо пойти на контакт.

ПАША. Как?! Как с ней договориться? Если в конце всех нас ждет вот это, то зачем все... для чего? Вот для чего она живет, зачем?

АЙ-МАКС. Хер знает. Но запомни: в нашем деле, если ты думаешь о других, ты не думаешь ни о ком. Если ты думаешь о себе, ты думаешь обо всех. Эгоизм в его чистом без примесей виде спасет нас от соплевыделения. Предлагаю сваливать из этой семейки, пока не поздно. Баба твоя, сам говоришь, ни во что тебя не ставит: ни жена тебе, никто. Понадобился – использует по полной, а как не нужен станешь – опять по загровку? Дочке ее ты тоже, похоже, похрену.

ПАША. Она сейчас временно у другой бабки живет.

АЙ-МАКС. Тем более. А тут ещё и несостоявшуюся тещу взвалили. Нашли козла отпущения! Ты им кто? Чужой дядя. Как она там про тебя говорила: шел мимо и застрял? Вражеский отсек. Вот и веди себя как «вражеский отсек», или просто отсек.

2

169

АЛЬБИНА. Паша, я пробовала ее раздеть, чтобы искупать, а она не дается. Рычит! Тебя зовет. Я не могу больше, Паша! Ее ведь купать пора.

ПАША. Надо, значит купай! Бери, связывай и купай! Я тут, вообще, причем? Я вам тут кто?!

АЛЬБИНА. Паш, ты чего? Какая муха укусила?

ПАША. Альбина, ну, не надо, не надо. Я не твой мужчина и не надо говорить со мной, как со своим близким родственником. Я не из вашего семейства,

оставьте меня в покое, выбросьте за борт. Я теперь знаю, что если ты думаешь о других, ты не думаешь ни о ком. Если ты думаешь о себе, ты думаешь обо всех. Эгоизм в его чистом без примесей виде спасет нас от соплевыделения.

АЛЬБИНА. Красивая теория. От нее, правда, гнильцой прет.

ПАША. У тебя киношное представление о жизни.

АЛЬБИНА. А у тебя? Какое у тебя? Как это ты так быстро переобулся? Пытаешься стать другим, у тебя не получается, и ты злишься. На кого?

ПАША. Потому что тому, кем я был, прежняя жизнь не принесла ровным счетом ничего. Я постоянно попадал в ситуации, что кому-то что-то должен. А мне никто и ничего. И если я буду жить твоей жизнью, то дождусь, когда моя собственная пройдет мимо меня... ты этого хочешь?

АЛЬБИНА. А! Понятно. Ты просто струсил. Я так и знала, что ты струсишь.

ПАША. Думай, что хочешь! Но я уйду.

АЛЬБИНА. Ты не уйдешь.

БАБКА (*голос*). Па-а-ша. Паша!

ПАША. Уйду.

АЛЬБИНА. Ты не сделаешь этого.

БАБКА (*голос*). Па-а-ша!

ПАША. Сделаю. Прямо сегодня. Сейчас. Я тебя просил: ищи сиделку. Я тебя по-человечески просил: ищи сиделку!!

БАБКА (*голос*). Па-а-ша. Паша!

ПАША. Бл...дь!! Ладно... Готовь полотенце, простыню и что там еще надо?! И ванну нагрей, не в холодную же я ее потащу!!

3

ПАША. Ты можешь не поверить, но я сделал пятьсот подписчиков на ютуб канале. Пять тысяч подписчиков в группе блога! И уже составил личный финансовый план на тридцать лет. И у меня должно хватить времени все это осуществить. А сейчас я онлайн прохожу тренинг Академии раскрытия талантов и способностей Бернарда Перси! Ты не знаешь кто такой Бернард Перси? Я тебе сочувствую, Альбина. Ты многого в этой жизни не знаешь. Ты немного отстала от жизни, хотя и не понимаешь этого. Но у тебя еще есть время развить себя. И если надо, я тебе помогу. Нет, не так. И если надо, я к твоим услугам. Нет. Лучше: и если надо, можешь рассчитывать на меня. Да, вот так лучше.

АЛЬБИНА. Паш, что ты там шепчешь? Иди вынеси судно и помоги мне. Сейчас она проснется, будешь массажировать левую руку, я правую. И делать это одновременно.

ПАША. Зачем одновременно?

АЛЬБИНА. Так надо. Паша, она что-то говорит, я никак не пойму. Мама, я Альбина. Твоя дочь. Паш, может ты...

ПАША. Нет, я ничего не слышу.

АЛЬБИНА. Совсем ничего?

ПАША. Нет, не совсем. Просто я не могу это вслух сказать.

АЛЬБИНА. Как не можешь? Почему?

ПАША. Ты определись: мне говорить или судно выносить?

АЛЬБИНА. То есть, подожди, ты понял, что она сказала?

ПАША. Да, я понял. Но могу ошибиться.

АЛЬБИНА. Ну, скажи, что ты понял?

ПАША. Подожди, сейчас, ещё послушаю. Точно, теперь уже не ошибусь.

АЛЬБИНА. Ну?

ПАША. Она говорит: «Пусть эта ведьма уйдет». Правда, я не понял, кто из нас ведьма.

4

АЛЬБИНА. Паша, это ужасно! Это невыносимо! Ну, как так можно? Ведьма! Господи! Я ведь я у нее любимицей была. Она для меня свои старые платья перешивала, я самая модная была. Сладости припрятывала, чтоб братья не слопали, они такие пролоты были. Песенки мне пела на башкирском! Колыбельные, сейчас вспомню.... Нет! Забыла! Ничего не помню!

ПАША. Альбина, прости, она ничего такого не сказала, про ведьму ничего. Я пошутил.

АЛЬБИНА. Ты пошутил? Ты вот так пошутил?!

ПАША. Ну, больной человек, что ты хочешь? Просто шамкает губами. Я хотел посмешить, не получилось. Прости.

АЛЬБИНА. Ты мне мстишь, да? Ты вот так мне мстишь?! Ты идиот, понял? Дегенерат! Понятно!? А!

Я кажется, поняла. Ты хочешь, чтобы я с тобой спала за то, что ты с моей матерью возишься? Так? Что ж, тогда она права, когда назвала меня проституткой!

ПАША. Смешно, но ржать нет сил, честно.

5

ПАША. Мантра дня. Иду к своим целям! Влажные салфетки. Яйца. Хлеб. Молоко. Подгузоны. Помидоры черри. Деньги дадут возможность и свободу! Салат. Черешня. Йогурты Эпика. С ананасом. Она ест только с ананасом. Скоро финиш, я бегу в первых рядах, и все потому, что на моих ногах ботинки знаменитой фирмы. Сырки с молочным суфле в шоколадной глазури, трехпроцентный кефир и легкий творожок. Глазные капли. Многие марафонцы натерли ноги своей неудобной обувью, а я в своих ботинках фирмы Tods произвожу фураж.

АЛЬБИНА. Паша! Я позвонила братьям в Башкирию. Они приедут и заберут ее. Тем более, мне скоро в командировку.

ПАША. Что за командировка?

АЛЬБИНА. В Израиль.

ПАША. Да ну? Круто!

6

ПАША. Ну да, Альбина! Ты нужный специалист! Дизайнер. Профи. У тебя есть цель в жизни. И, знаешь, я рад за тебя. Ты молодчина... правда... Но, видишь ли, у меня... короче я тоже время зря не терял. В общем, я выиграл Грант на развитие бизнеса. Только

вчера узнал. Ты, конечно, не веришь. Но это твое дело. Кроме того, у меня ближайший план побывать в Мачу Пикчу. Не знаю, что такое, но моя девушка очень хочет, да, кстати, я познакомился с девушкой, она мне иногда будет звонить, прости, что не сказал раньше. В общем, у меня своя жизнь, в том числе, личная. И свои планы на эту жизнь! И поэтому сидеть здесь с тобой, у меня нет времени.

АЛЬБИНА. Паш, ты чего нахохлился? Тебе плохо? Думай о чем-нибудь хорошем, позитивном. О киргизских проститутках там. О своем марафоне в ботинках Tods. О чем еще ты можешь думать? О том, как стать богатым и счастливым. Только не сиди вот так, мне становится не по себе!

7

Паша бежит марафон в костюме от фирмы Cesare Attolini. На ногах ботинки от фирмы Tods. Появляются Дан Продвинутый и Ай-Макс. У Дана в руке табличка «Я – Печалька». У Ай-Макса – «Я – Приятка». Болельщики радостно приветствуют обоих.

174

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Познакомьтесь, друзья! Я – Печалька.

АЙ-МАКС. А я – Приятка. Вы знаете, как с нами договориться?

ПАША. С вами нельзя договориться!

АЙ-МАКС. Ты прав, чувак! С нами никогда нельзя договориться.

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Нас нельзя уломать.

Сюжет

АЙ-МАКС. Потому что мы либо очень хорошо, это я, Приятка. Заработал деньги – отблагодари себя! Сделай себе Приятку.

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Либо очень плохо, это я, Печалька. Например, Тойота – это, согласитесь, я – Печалька.

АЙ-МАКС. А вот уж Мерседес – это я, Приятка. Я вижу, у тебя не самый крутой телефон, чувак. А тебе хотелось бы круче, так?

ПАША. Было бы неплохо.

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Так вот я – твоя Печалька.

АЙ-МАКС. Но ты можешь купить крутой телефон. И я стану твоей Прияткой.

ДАН ПРОДВИНУТЫЙ. Но для этого надо много пахать, братан. И это Печалька.

АЙ-МАКС. Ничего страшного. Замути какое-нибудь дельце прямо сейчас, и начни зарабатывать на крутой телефон. Чтобы у тебя появилась я – Приятка.

АЙ-МАКС. А скажи, Паша, где твои Печальки и Приятки?

ПАША. Моя Печалька та, что я в отсеке. Я пожизненно в отсеке в костюме от фирмы Cesare Attolini. И в шикарных ботинках от фирмы Tod's. И даже пробую бежать марафон без мозолей. Но у меня ничего, ничего не получается!

АЙ-МАКС. А Приятка? Есть же у тебя хоть какая-то Приятка?

ПАША. Моя Приятка только та, что братья скоро увезут ее в Башкирию и все кончится. Я отдохну. По-

тому что я устал. Я очень сильно устал. И я должен, должен пробежать этот чертов марафон! А потом все остальное, вся остальная жизнь потом, после марафона. После этого марафона наступит лучшее время моей жизни!

Появляется Альбина.

АЛЬБИНА. Паша, ну зачем ты опять врешь? Ведь ты сам в это не веришь.

ПАША. Альбина! Заткнись! Заткнись! И выйди, выйди из моей жизни! *(Просыпается.)*

8

АЙ-МАКС. Братан, ты чего? Неужели все ещё в отсеке?

ПАША. Прикинь.

АЙ-МАКС. О! Нехило тебя засосало. Есть в тебе какая-то придурь.

ПАША. Придурь одиночки.

АЙ-МАКС. Ну, типа того. А знаешь, что есть лю-тый эгоизм, есть медиум и есть лайтовый? Все, что я сейчас делаю, я делаю для себя, потому что я от этого кайфую. Чужой негатив хуже, чем геморрой у дракона. Бойтесь людей, которые вам его несут. Понимаешь, о чем я?

ПАША. Не совсем. Я как-то отупел за эти дни. Бабка – единственное существо, с кем я могу погово-рить. Правда, она ни черта не понимает. Но иногда делает вид.

АЙ-МАКС. «Четыре вида любви» Литвака не читал? Прочти. Оказывается, если ты полностью отдаешься человеку, то это никакая не любовь. Это она-низм. Ведь человек по своей сути эгоист. И он должен им оставаться. И жить, в первую очередь, для себя. Ни для родителей, ни для детей, ни для кого-то, – только для себя. Если ты ни хрена не живешь для себя, то что ты сможешь отдать другим?

ПАША. Ты не понимаешь. Я к ней прицеплен наречество. И уже ничего не могу сделать. Ничего! Последний раз я даже марафон бежал вместе с ней. Прикинь? Мы оба были в ботинках фирмы Tods! Это был тот ещё финиш.

АЙ-МАКС. А если она будет жить еще тридцать лет? Так и будешь всю жизнь топтаться с судномazole бабки?

ПАША. Но ведь ее живьем не закопаешь! У моей тетки в деревне был злоющий кот, его прозвали Фашистом. Он никогда ни к кому не шел на руки, кусал всех подряд. И только меня почему-то признал. Издалека увидит и мчится, что есть духу. Прыг на ноги и урчит. И я один знал, что никакой он не фашист. И когда его разорвали соседские собаки, я рыдал. Мне казалось, что никто уже ко мне не будет так привязан.

АЙ-МАКС. И причем тут кот?

ПАША. Иногда мне кажется, что бабка вроде того кота. Прыг на руки и урчит. И согнать ее не вариант.

АЙ-МАКС. Ладно, так и быть! На всякий случай, дарю одну мантру. Спасает в самых предсмертных ситуациях. «Мои нервы стабильны, чувства замурованы. Проблемы, неприятности, плохое настроение, все не-

правильности, морщины, наросты, не стандарт – все свидетельства живого – упакованы и законсервированы. На все насрать». Утром скажешь – весь день как огурец на грядке. Бабка сама тихо выпадет из твоей жизни, даже не заметишь.

ПАША. Смешно. Но ржать нет сил, честно.

9

ПАША. Так, бабуль, давай правую конечность. Она у нас ещё пока не отсохла? Тогда бум оживлять. Применим собачий массаж. Не слышала о таком? То-то. И не грусти. Поменяй физиономию. Сделай позитивчик. Поверь, у меня гораздо больше поводов грустить. Мечта моя под названием «Фьючерс» приближалась стремительно, как океанский лайнер, блистая и переливаясь прозрачной волной. И что же, бабуль? А то, что ты всю мечту мне похерила! А ведь для мечты что надо? В первую очередь, научиться легко и безболезненно вычеркивать ненужных особей из своей жизни. Чик – и в моей жизни нет ещё одного. Чик – и нет ещё одной овечки. Я, например, лев, и понимаю, что не могу быть с овцами. Превратиться в овцу – это остановиться и сказать: «Всё, моя жизнь закончилась». А я хочу развиваться и идти вперед. Мне интереснее со львами. Хотя, понятно, что без стада никак. Эти овечки, в своем большинстве, хорошие покупатели, клиенты. Их надо уметь приручить. Вот взять такую овцу, как ты. Зачем ты мне нужна, ну, по жизни, для чего? Молчишь. Правильно делаешь. Потому что сказать тебе нечего.

БАБКА. Паша, ты мне седня киселек не давал.

ПАША. А сейчас ложимся на спину и пробуем шевелить задними конечностями. Киселька ей захотелось! А груши в винном соусе не померещились? А устрицы с лимончиком? А вот прихлопнуть бы тебя подушкой, и еще одной бесполезной овцы нема. Чо разулыбалась? Щупальцами давай шевели.

10

ПАША. Да, кстати, Альбина, помнишь, ты говорила, что я вляпался в криптовалюту? Дескать, четыре тысячи долларов коту под хвост! Так вот, год назад я покупал один биткоин за пятьсот баксов, а теперь он стоит девятнадцать тысяч долларов. Так что хвост того кота оказался золотым! Не веришь? Можешь проверить. Часть валюты я уже продал. Небольшую. Но основную оставил, обещают ещё рост. Хочу себе квартирку прикупить, когда от тебя свалю. Приличную тачку. На Мачу Пикчу сгонять надо. Со своей девушкой. Я тебе говорил, что у меня есть девушка? Так что, Альбина, я теперь миллионер. И у меня нет времени растрчивать себя. И ты постарайся беречь свою энергию для более существенных целей. Постарайся, Альбина! Поверь, что-то когда-нибудь выстрелит и у тебя. Ты найдешь, наконец, главное, ради чего живешь...

АЛЬБИНА. Паш, чего опять бормочем? Ну-ка, поверни голову.

ПАША. Зачем?

АЛЬБИНА. Ты так оброс. Давай я тебя подстригу.

ПАША. Не надо.

АЛЬБИНА. О! Да еще закучерявился. С чего это ты вдруг закучерявился? Вот здесь на затылке.

ПАША. Не трогай меня.

АЛЬБИНА. Никогда не видела, чтоб ты кучерявился.

ПАША. Альбина, ты что-то хотела?

АЛЬБИНА. Братья звонили. На следующей неделе приезжают. Скоро закончится твой марафон.

11

БУЛАТ. Мать, ну ты чего? Ты чего, мать? Вот те раз! Вот, блин, съездила, называется, в гости... погостила, называется... Я сын твой старший, Булат. Помнишь? Ты меня еще звала Булатик-косолапик. Шлепала по затылку, когда не слушался, помнишь?

ЗАКИР. А я Закир, маманя. Твой средний. Мы приехали за тобой. Скоро домой поедем, ту-ту! В Башкирию.

БАБКА. Паша! Они нас не убьют?

БУЛАТ. Ну, мать, ты даешь! Видать тебя и впрямь нехило придавило.

ЗАКИР. Да, похоже вдавило на всю голову. Подожди мы тебя быстро на ноги... На козьем молоке... враз... встанешь... побежишь...

БУЛАТ. А руки? У нее что? Руки заработали? Сеструха говорила, у нее руки напрочь отсохли.

ПАША. Пока заработала только правая. Собачий массаж. Сосед своей собаке делал массаж в горячей воде с солью. У его псины ноги отказали, он чего толь-

ко не пробовал, а потом где-то услышал, что надо и горячей воде и с большой концентрацией соли – массаж.

БУЛАТ. Короче так. Мать будет жить у меня. Хватит. Настрадалась! Завтра выезжаем.

ПАША. Она никого, кроме меня, не признает.

БУЛАТ. А ты кто? Сожитель, сосед, друг?

ПАША. Альбина не сказала вам, кто я?

БУЛАТ. Сказала, что какой-то Паша встретит. А кто такой – ни слова.

ПАША. Ну, тогда я сиделка. Сиделка Паша.

БУЛАТ. Ты не злись, сиделка Паша. Сестра с тобой не рассчиталась, что ли?

ПАША. Да нет, рассчиталась. По полной.

БУЛАТ. Ну, а чего тогда? Какие возражения? Она сама-то куда свалила?

ПАША. У нее командировка. Срочная.

БУЛАТ. В общем, так. Решаю все я. А не сиделка Паша. Поставим успокоительное – доведем.

12

Слышен голос Дана Продвинутого: «Напомним, зона комфорта – это та зона, в которой тебе хорошо и удобно. Зона комфорта может быть финансовая, общественная, личная. Но ничего хуже зоны комфорта для тебя нет. Что нужно делать, если ты попал в зону комфорта?»

ПАША. Выйти из нее! И как можно быстрее!
(Пауза.) Я бегу марафон в костюме от фирмы Cesare

Attolini и в оксфордах Tods. Я бегу с огромным количеством людей. Но ни у одного из них нет ботинок фирмы Tods! Я бегу марафон и вдруг понимаю, что отсека больше нет. Он рухнул. И я должен быть счастлив. Я уже почти счастлив. Ещё немного и я буду счастлив как никогда! Но что это? Меня больше нет. Нет нигде и ни с кем. Я очутился в пустоте и бессмысленности. В костюме Cesare Attolini. И в оксфордах Tods. *(Просыпается.)*

13

АЙ-МАКС. Ну, что? Поздравляю. Бабку куда дел?

ПАША. Братья в Башкирию увезли.

АЙ-МАКС. Я же говорил. Не заметишь, как тихо вывалится из твоей жизни. Мантра сработала! А чего такой вялый?

ПАША. С непривычки. Еще не понял, что произошло.

АЙ-МАКС. Ну-ну, встряхнись. Займись прокачкой. Застрял в своем отсеке.

ПАША. Ну, да. Погрузился малость.

АЙ-МАКС. Это норм. Наши враги ассоциируют нас с неживыми роботами. Тогда как нам вовсе не чуждо все людское, в смысле, человеческое. И на это у нас есть техника, которая называется «Наша боль». Мы говорим на тему чужой боли через призму собственной. Это один из важных факторов нашего проекта. Ты должен уметь открыто говорить о своей боли. Попробуй описать, что ты чувствуешь? В каком месте

боль? Боль от того, что бабки нет, или боль от того, что ты профукал часть жизни?

ПАША. Однозначно, профукал. Вся жизнь проплывает где-то рядом, но мимо, мимо...

АЙ-МАКС. А ты научись выводить все на нейтраль. Мусульмане говорят, на все воля Аллаха, и все в нейтраль переводят. Все в нейтраль!

ПАША. Это новая мантра, что ли?

АЙ-МАКС. Ну, типа того.

14

БАБКА. Паша!

БУЛАТ. О! Проснулась маманя. С добрым утром. А я сын твой старший Булат, помнишь меня? Ты ещё звала меня Булатик-косолапик. А это твой средний Закир. Ты ему в детстве поджопники давала, когда он курил. Закир, помнишь, как мама тебе поджопники давала? Закир, подай маме голос.

ЗАКИР. Я здесь, маманя. Мы здесь все свои. Твои сыновья! Мы едем в Башкирию. Ту-ту! Ту-ту!

БАБКА. Паша!

БУЛАТ. Маманя, Пашу забудь. Навсегда.

ЗАКИР. Да и кто он тебе? Никто. Сиделка с улицы.

БАБКА. Паш-а-а!

ЗАКИР. Скоро будет твой дом, твоя родина. Ты же хотела в Башкирию, вот скоро в Башкирию и приедем.

БАБКА. Паша. Паша. Паша.

БУЛАТ. Вот язвы ее возьми! Мама! Паши нет, Паша фьют, исчез Паша. Испарился.

БАБКА. Паша! Где Паша? Паша! Где Паша?

ЗАКИР. Приворожил он ее, что ли?

БАБКА. Паша! Где Паша? Паша! Где Паша? Паша!

ЗАКИР. Может, ещё успокоительное вколоть?

БУЛАТ. А как проснется? Снова начнет сиделку Пашу звать? А домой приедем, она нам весь мозг вынесет? Да и вопрос: довезем ли?

15

БУЛАТ. Странный ты тип. Мать нашу присвоил. Альбинку сплавил куда-то. Ты кто, вообще, есть? Только не говори, что сиделка. Альбинкин хахаль, признавайся?

ПАША. Бывший.

БУЛАТ. Во как! А чего здесь застрял?

ПАША. Альбина попросила помочь.

БУЛАТ. А сама, знач, умотала. Молодец сеструха. Короче, сиделка Паша, что делать будем?

ПАША. Не знаю.

ЗАКИР. Ты дурку-то не пори. Мать наша, а не твоя. А то, что признала тебя, просто моча не туда ударила. Ударит куда надо – все вспомнит.

ПАША. А не ударит?

ЗАКИР. Слушай. Если бы не мать, я бы тебе тупо набил морду. И выкинул тебя нахер, сиделка Паша. И не спрашивай за что. За все!

БУЛАТ. Ладно, Закир, остановись! *(Паузе.)* Слушай, Паш, ты нас тоже пойми. Мать какого-то чувака за сына держит. А мы вроде как никто. Вот возьми на расходы. И если что – на связи. Ну, и с собачьим массажем поосторожнее, а то как залает, чо с ней делать будешь?

16

ПАША. Бабуль, чего не спим?

БАБКА. Они на меня гавчут.

ПАША. Кто ещё?

БАБКА. Деньги.

ПАША. Ну, эти всегда гавчут. Что касается денег, бабуль, то писатель один сказал, что деньги – это шестое чувство, без которого остальные пять бесполезны. А что такое для нас с тобой деньги? Сырьё для жизни! Топливо! Отчеканенная свобода! В отношении денег надо запомнить несколько правил, бабуль. Первое. Деньги приходят под запрос. Второе. Деньги нельзя сгибать, потому что деньги – это энергия! Третье. Любое дело начинается с просчета денег! Ну что? Больше не гавчут?

БАБКА. Не гавчут.

ПАША. Тогда чего? Спим?

БАБКА. А они больше не будут?

ПАША. Спи давай. Ты еще марафон должна пробежать в фирменных ботиночках. И не опозорить фирму Tods, между прочим.

АЛЬБИНА. Паша, я все видела.

ПАША. Что ты видела?

АЛЬБИНА. Как вы с ней лаяли на деньги. А она смеялась. И хлопала в ладоши.

ПАША. А, это. Ну, да. Это наш способ засыпать, если хочешь. Последнее время она плохо засыпала. Говорит, что какие-то деньги на нее гавчут. Я сказал, что надо тоже на них полаять, и они перестанут. Кстати, у нас заработала и левая рука. Мы научились хлопать в ладоши.

АЛЬБИНА. Это хорошо, Паша. Просто отлично. Я тебе очень благодарна. Только не надо ей подыгрывать. С этим нельзя шутить. Это передается.

ПАША. Что передается? Инсульт? Или собачий массаж?

АЛЬБИНА. Сумасшествие. Разве ты не видишь, она ненормальная?

ПАША. В чем-то она нормальнее нас. По крайней мере, не притворяется.

АЛЬБИНА. Ты знаешь, как я тебе обязана. Но ты не должен ей потакать, играть в эти дурацкие игры. Потому что это все на грани безумия. Эта грань очень тонкая. Паша, поверь, я знаю, о чем говорю.

ПАША. Ты что, не можешь ей простить, что она тебя не узнала?

АЛЬБИНА. Ну вот, ты уже втягиваешься в этот маразм.

ПАША. А мне иногда хочется впадать в маразм. Чтобы ни о чем таком не думать. Потому что

иногда я не знаю, что делать со своей жизнью. Не знаю, зачем живу! Живу и не знаю, зачем я это делаю? Для чего? Мы с ней в этом похожи. Она тоже этого не знает. У нас с ней как будто нет будущего. Только настоящее. Только «здесь и сейчас». И, может, поэтому мне с ней легче, чем, например, с тобой. Чем с другими нормальными, которые, якобы все знают про эту жизнь! Про то, как все оставить в сухом остатке и замуровать все нервы и чувства! Все нахер замуровать! Чтобы не дай Бог что-то не просочилось наружу и не испортило их гармонию мира!

АЛЬБИНА. Паш, ты раньше никогда так не говорил. Таким вот голосом. Никогда!

ПАША. Каким ещё голосом?

АЛЬБИНА. Не знаю, таким... низким... У тебя в голосе что-то появилось, что-то новое. Металл. Да, металл.

ПАША. Какой ещё металл?

АЛЬБИНА. Просто металл и все. Таким голосом говорят, ну, не знаю... наверное, главные герои крутых сериалов! Супер-герои! Кто там ещё? Мачо. Да, наверное, мачо говорят именно таким голосом.

ПАША. Альбин, ну, не надо, а? Я прошу тебя: не надо!

АЛЬБИНА. Нет, Паш, мне, правда, вдруг показалось, что мужчину с таким голосом я раньше никогда не знала. Маму кормил?

ПАША. Так, бабуль, рот шире открываем! Сегодня у нас с тобой пшенная каша. И киселек твой люби-

мый. Только не говори потом, что я тебе его не давал. Фиксируй в мозгах подробности жизни. И верь в себя. И в меня заодно. Вот твоя дочь, бабуль, в меня не верит. Да что говорить? Я сам в себя не верю. А вот Норман Дойдж поверил. Он даже в тебя, бабуль, взял и поверил. Как в живую. Этот Дойдж доказал, что мозг способен восстанавливаться даже после тяжелого инсульта. Прикинь? Не веришь? Дойджу не веришь? Он, знаешь, как назвал свою книгу – «Пластичность мозга». Да, так и назвал. То есть, мозг наш как пластилин, что хочешь из него, то и лепи. Вот завтра мы с тобой и начнем лепить твои мозги по Дойджу. Будешь делать ленивые восьмерки и зрочками ворочать как лучшая ученица Дойджа. А есть упражнение «Крюк», не слышала? Вот-вот! Я тоже не слышал. Не знаю пока как, но поскрючиваться придется. Потому как Дойдж утверждает, что маразма можно избежать. Но даже если не избежал, а мы с тобой, бабуль, похоже, не избежали, то можно догнать его и уничтожить. Вот мы с тобой побегим марафон в ботинках фирмы Tods и напрямиком от маразма. Что моргаешь? Челюстями шевели живей. Каша стынет. *(Звонит телефон.)*

АЙ-МАКС *(по телефону)*. Паш, поговорить надо. Просто шум в башке и по жизни. Ты где? Я примчусь? Я мигом. Не ослабевай, жди!

19

АЙ-МАКС. Помнишь, я говорил про свою девушку, которую я якобы отправил в жопу прямо в аэропорту сразу после Кипра? Так вот, Паш. Это не я, это она послала меня прямо в аэропорту! Прямо

в жопу! И сразу после Кипра! А теперь она нашла себе какого-то френда, выложила фотки, Паш! Меня адски кроет!

ПАША. Так ты ж вроде прокачал бабскую тему?

АЙ-МАКС. Какое нахер прокачал? Меня самого прокачали по полной. Большим насосом. Чувствую, что на грани... вот-вот разорвет! Боль адская! Я теперь с этой болью засыпаю, с этой болью просыпаюсь...

ПАША. Постой! Но есть же разные техники... можно отжать там, оставить в сухом остатке, выйти из «кукурузы», глубже задышать, блин, ну, что там ещё?

АЙ-МАКС. Какие бл...дь техники?! Я теперь вообще не могу дышать, я задыхаюсь! Я одновременно в «кукурузе» и в говне по уши!

ПАША. Не, но у тебя есть хотя бы дело. Уткнись в него.

АЙ-МАКС. Какое дело? Какое, блин, дело?

ПАША. Ну, как же? Ты же занимаешься элитными часами, куплей-продажей, обменом швейцарских часов. Это же круто!

АЙ-МАКС. Все вранье!

ПАША. То есть, как? Вранье?

АЙ-МАКС. У Дана все привирают, чтобы казаться хоть на немного лучше. Когда я только приехал в этот город и попал в медиа-тусовку, чтобы быть на равных со всеми, что ли, то начал немного привирать. Говорил, что у меня есть тачка. Мне почему-то казалось, что это как-то не очень, если ее нет, а у самого даже прав не было. Врал, что на велосипеде умею катать-

ся. Мне казалось, что не уметь, это как-то социально неадекватно. Короче, надевал на себя разные маски. Как мы носим разную одежду, так я начал пробовать разные маски. И у Дана тоже нацепил какую-то маску. А потом понял, что-то жмет.

ПАША. То есть, ты хочешь сказать, что... А как же эксклюзивные модели Ролекс, Патек Филипп, Брегет...

АЙ-МАКС. На самом деле мы с одним парнем решили сделать интернет-журнал о спортивной моде. Ну, там, что носят жены футболистов, кто где должен играть, кто с кем спит, кто какие шмотки носит, часы у кого какие и тачки, ну, всем же все это интересно, так? И все вроде шло классно, а инвестор – гнида, вдруг отказался инвестировать наш проект. На нервной почве мы с моим партнером по бизнесу разосрались, потому как были задолженности, которые должен был закрывать мой партнер и не закрывал, тоже сука ещё та. И сейчас я в такой жопе!

ПАША. Но подожди, ведь ты говорил, что Дан всегда поможет вырулить, что знает в этой жизни все...

АЙ-МАКС. Что знает? Что чужой негатив хуже, чем геморрой у дракона? Что от соплевыделения спасет только эгоизм в чистом виде без примесей? Что прошлое – говно, и его надо оставить в сухом остатке вместе со своим гнусным детством? Что на все насрать? Это он знает? Это и я знаю, и что с того? Если я оглох, ослеп, онемел! Я почти сдох!

ПАША. Может, сделать пирсинг на соске? Говорят, так кроет – все перебивает.

АЙ-МАКС. Какой пирсинг? Какой там пирсинг.. Э! Там кто у тебя мычит?

ПАША. Так бабка же.

АЙ-МАКС. Опять бабка? Она ж вроде вывалилась?

ПАША. Не поверишь, утром забыл прочитать мантру, и ее тут же назад принесло. Через окно восьмого этажа.

АЙ-МАКС. Как там у тебя: смешно, но ржать нет сил.

20

АЛЬБИНА. Паша, она меня узнала! Мама узнала меня! Она позвала меня. Назвала по имени. И посмотрела на меня так... так... Она на меня посмотрела совсем по-другому. Паша! Паша!!

ПАША. Ну вот, все-таки этот Дойдж – не дурак.

АЛЬБИНА. Паша! Ты не знаешь! Ты ничего не знаешь! Это ведь я ее убила!

ПАША. Что?

АЛЬБИНА. Вот почему она меня не узнавала. Я не говорила тебе. Я сама себе боялась признаться. В тот день она узнала, что я тебя выгнала. Стала ругаться, кричала на меня, и я кричала на нее, мы чуть не убили друг друга, а потом она упала и потеряла сознание. Она тебе в тот день пироги с морковью настряпала, ждала. Паша, Пашенька! Пашка! Я поняла, почему все это случилось! Почему ты, а не я. Все это не случайно. Я кое-что важное поняла... Я не всегда могу сказать, Паша! Но я люблю вас! Маму! Айгуль! Тебя! И тебя, да, я очень люблю тебя, Паша! Раньше я думала, что

любовь – это что-то одно, а это совсем другое, это не то, что я думала... Если ты уйдешь, я сойду с ума!

21

ПАША. Мантра дня. День огненный! Энергии до-хера! Начинаю работать по второй корзине с удвоенной силой. Мир заботится обо мне. Мысли, которые прошивают мозг, через три месяца будут для меня пылью!

КОНЕЦ

Ярослава Пулинович
ЖИТИЕ ФЕДОРА
МИХАЙЛОВИЧА И
АЛЕВТИНЫ ПАВЛОВНЫ
ИЛИ ЖАРКОЕ
КОВИДНОЕ ЛЕТО

Действующие лица:

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ, 17 лет.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА, 60 лет.

МАША, ее дочь, 36 лет.

ДАША, дочь Маши, 13 лет.

САША, 40 лет.

СТЕПА, 15 лет.

ВРАЧ.

СТУДЕНТКА.

СРЕДСТВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ВЫПОЛНЯЮЩЕЕ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО
АГЕНТА.

ВРАЧ. Вы знаете, все не так уж плохо.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Это не рак?

ВРАЧ. Это рак, но он не так агрессивен, как это обычно бывает. Давайте еще раз десны посмотрим? Перестали воспаляться?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я мазала, как вы говорили.

ВРАЧ. Ну, неплохие у нас десны! Очень даже хорошо. И зубки еще крепкие.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Потерпи, Федор Михайлович. И что теперь?

ВРАЧ. Что теперь?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Как лечить этот рак?

ВРАЧ. Вы знаете, ему годков-то уже немало. Он ведь у нас уже дедуля.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Может быть, есть операции для таких случаев?

ВРАЧ. Ну, вы знаете – это очень дорого.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Сколько?

ВРАЧ. Ой, это надо звонить, узнавать. Да еще и возьмется ли кто в таком возрасте...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Он сильный у меня. Мы до сих пор по три стадиона бегаем... Правда, сейчас такая жара, такое жаркое лето. Он вот сейчас только стал лежать, а до этого всю весну пробегал...

ВРАЧ. У нас в городе есть один специалист... Хирург.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Он возьмется?

ВРАЧ. Я перешлю ему все анализы. Но про деньги вы уже сами договаривайтесь.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Конечно, конечно...

ВРАЧ. Тогда сегодня отправлю.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Не забудьте, прошу. Федор Михайлович, пошли!

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Наконец-то... Пахнет трамваем, дождем и мускусом. Этот запах появился в нашем районе недавно. Он приходит из того большого дома напротив нашего. Его построили недавно и там живет одна молодежь. Где я поранил лапу? Как будто заноза... Сирень. Странно кружится голова...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Отдышался? Федор Михайлович, пойдем помаленьку.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Сегодня она стояла утром в ванной – ярко-белая, как большой поток света. Расчесывала волосы. Я подошел к ней и сел рядом. Она положила мне руку на голову.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович, зайдём в магазин? Ряженки нам с тобой купим.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Нет, не буду ей уступать... Ладно, пошли. Сегодня ночью мне опять снилось, что я бегал. В моих кровях определенно были лайки... Мать была сорвавшейся из дворовых. Она была пегой, низенькой, неказистой. А я родился уже на воле. Мы с двумя сестрами появились на свет крупными лохматыми щенками. Нет, определенно, он был лайкой...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Да, это лайка...

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Она всегда говорит, что я – лайка. Раньше я не думал об этом, а теперь я тоже думаю, как она. Я – лайка. Наверняка, лайка.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович, уже идем на кассу!

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. И снова этот запах... Какие удивительные ребята! Так непонятно говорят, и все время смеются... Очень странный запах. Как будто намешали плов и варенье.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович, отойди от ребят!

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Это был просто интерес. Просто внезапный интерес.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович, давай, проходи, я сейчас расплачусь и пойдем...

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Не обязательно все время напоминать, что мы скоро пойдем. Ты знаешь, я готов идти с тобой всегда. А ночью мне снилось огромное поле, по которому мы с сёстрами бежали вместе. Была зима, и наши шкуры блестели на солнце. Так иней блестит ранней осенью на лужах. Мы бежали по заснеженному полю. Я бежал быстрее всех. Я родился самым сильным из помёта. И с самого раннего детства мечтал только об одном – бежать, бежать, бежать... Напрячь все мускулы, превратиться в стрелу и лететь над землей – туда, дальше, по снежному полю, за горизонт. И этот бег мне снова приснился. Теперь он снится мне почти каждую ночь.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович, пописаешь? А то опять как в прошлый раз...

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Я помню о своей оплошности. Я уже тысячу раз попросил за нее прощения!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович, давай, делай, и пойдем.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Делаю.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Вот умница... заходи... Лапки... Молодец. Давай, корм поедим. Там все витаминки для тебя. Там все минералы. Давай, давай... Это вкусно.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. У нее очень красивые руки. Как молодая древесная кора – еще мягкая, но уже начинающая прорастать в толщину, и пускать свои первые паутинки узоров вверх по стволу.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Совсем ты у меня плохо стал есть... Давай, поешь. Ведь вкусно же? Вкусно?

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Я ем. Ем. Видишь, я ем. Мне вкусно.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Совсем плохо стал есть... Может быть, яичко съешь, Федор Михайлович? Или попьешь хотя бы ряженки? Вот, попей...

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Почему так кружится голова?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ну, давай пару глоточков? Вот, молодец... Молодец.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Ты как хочешь, Алевтина Павловна, а я иду спать.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Мальчик мой хороший. Славный мой мальчик. Любимый мой. Я тебе завтра в магазине то лакомство куплю. Помнишь, я тебе покупала и ты все съел? Ну, пойдем, пойдем, Федор Михайлович, вместе полежим...

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Помню, как в поле на нас напала чужая стая. Мы с сестрами кинулись врассыпную. Так я перебежал черту и оказался на том перекрестке. Пахло сигаретами, трамваем, дорогой, дождем, грязью, машинами, светофором, шоколадными обертками, булкой, нераспустившимися почками, талым снегом, собачьим дерьмом и еще чем-то вкусным, но этого слова тогда я не знал. Потом я узнал, что это слово было Ив Сен Лоран. Это была бутылочка с запахом, которым ты дорожила. Ты шла в ярко-черном пальто, белая и большая. Ты несла в руках бутылку вина с серой наклейкой. Я пошел за тобой на запах Лорана. Мне нравилось идти за тобой. И ты вдруг обернулась и посмотрела на меня. И тогда я понял, что мы всегда будем вместе. Потому что нельзя не быть с тобой. Потому что это выше моих сил – не быть с тобой. И ты не стала мне противоречить. Ты позвала меня. И я пошел. Ты дала мне подстилку и миску с едой. И назвала Федором Михайловичем. Федор Михайлович – это ведь твоя диссертация, правильно? Странно, меня еще не было в твоей жизни, а я уже все равно в ней был твоей диссертацией.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Вот так, укладывайся. Сюда, сюда, на одеялко. Молодец.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. А потом мы легли спать. Ты положила меня к себе в ноги. Ноги пахли капроном, свиной кожей и сухими ромашками. Ты говорила, что это полезно перед сном – засунуть ноги в воду с ромашками. Волосы у тебя тогда были черно-белые. А теперь совсем белые. Но я люблю, когда белые. Мне нравится белое... Я и сам весь белый.

Абонент «Мурочка» вызывает абонента «Мама».

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Да? Алло? Ты меня видишь? А вот так?

МАША. Что случилось, мама?!!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Мурочка, плохо... Очень плохо.

МАША. Кто?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович заболел. У него рак.

МАША. Уфф... Ну, надо полагать, это должно было случиться. Он и так у тебя долгожитель.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Мура, я знаю...

МАША. Мама! Не надо называть меня Мурой!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Почему? Такое твое милое детское прозвище.

МАША. Оно мне не нравится.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Странно. А мне всегда казалось, что нравилось. Помнишь, я читала тебе Чуковского про Мурочку?

МАША. Mam, ты сейчас нарушаешь мои границы.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Что, прости?

МАША. Мама. Извини, но я чувствую, что когда ты называешь меня Мурой против моей воли, ты даешь мне понять, что не воспринимаешь меня как взрослого человека.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Почему? Я воспринимаю. Если тебе так хочется, я буду называть тебя, как ты скажешь... Мурочка! Все плохо. Просто ужасно.

МАША. Мама, ты так переживаешь из-за собаки?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Он почти ничего не ест. И еле ходит. Еще и погода... Я стелю ему холодное полотенце на пол. Не знаю, помогает, нет... У вас в Москве тоже жара?

МАША. Чем я могу помочь?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я никогда не просила... Маша, мне нужны деньги. Есть ветеринар, лучший в городе хирург по собакам, он возьмется за операцию, но только нужны деньги.

МАША. Сколько?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я не знаю, мне только завтра или послезавтра дадут ответ. Сказали, много. Маша, приезжай, пожалуйста. Пожалуйста, приезжай.

МАША. Мама, смерть – это нормально. Тем более животные, они ведь не умирают. Они уходят на радугу.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Какая же ты все-таки дура.

МАША. Что?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Он умирает.

МАША. Mam... Просто прими это. Принятие – первый шаг к исцелению.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А как принять?

МАША. Тебе нужно заняться йогой. В вашем районе есть йога? Если нет, то я скину ссылку на одного коуча, она ведет занятия дистанционно...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я так устала от этого дистанта...

МАША. Я понимаю твои чувства. Видеть умирание своего любимого питомца – это всегда очень боль-

но. Это забирает ресурс. Мама, ты знаешь, по-моему, у тебя тревожная депрессия. Давай я узнаю через фейсбук – есть ли у вас в городе хорошие психотерапевты?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Маша, я, если что, дачу продам? Ты же не будешь против? Все равно она вся уже заросла травой.

МАША. Ты меня совсем не слушаешь?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я устала, Маш.

МАША. Mam, ничего ужасного в психотерапии нет, ты просто пропьешь курс антидепрессантов, поработаешь свои травмы и тебе полегчает. Пить антидепрессанты сегодня нормально. Я тоже их пила.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты пила таблетки? Я не знала.

МАША. Я тебе говорила.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Мне сегодня приснился сон. На меня смотрел Иисус. Так долго, так внимательно. Как будто хотел поцеловать меня. Но не поцеловал.

МАША. Странный сон.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Татьяна Викторовна умерла. От ковида. И всего-то шестьдесят три года. Я сейчас ее курс взяла...

МАША. Мама, по-моему, ты слишком сконцентрирована не негативе.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. У нашего ректора ковид.

МАША. Мама, тебе нужно проработать свою заикленность на плохих новостях!

Пауза.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ну, а ты как?

МАША. Нормально.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Готовишься к тесту?

МАША. Стараюсь... Только...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Что случилось?

МАША. Mam... Ты, главное, не тревожься.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Уже. Что?

МАША. У Даши нервный срыв.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Из-за чего?

МАША. Ну, помнишь, в прошлом году, когда ты ее у себя в языковой лагерь отдала, она там со Степой дружила?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Помню. Прекрасный молодой человек, мне понравился.

МАША. Мама, ему пятнадцать лет!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Да, что-то вроде того...

МАША. А Даше тринадцать.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Так из-за чего срыв?

МАША. Этот Степа хочет опять ехать в этот ваш лагерь. Ну, и она намылилась...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Мурочка, конечно, конечно, пусть Дашенька приезжает. Я все устрою. У нас и с ковидом получше...

МАША. Мама! Ты серьезно?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Вполне... А что?

МАША. Мама, ему пятнадцать лет, он из неблагополучной семьи. Ты хочешь, чтобы Даша потом до конца своих дней ходила к психотерапевту?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А мне он понравился. Интересный парень. И путевкой в лагерь его за хорошую учёбу наградили...

МАША. Скажи, а если они переспят без защиты, ты готова нести ответственность за то, что твоя внучка заболит сифилисом, гонореей, ВИЧ, получит ПТСР на всю оставшуюся жизнь?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Их вроде перед отправкой в лагерь на сифилис проверяют.

МАША. Мама!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. То есть, ты ее ко мне не отпустила – я правильно поняла?

МАША. Да. И теперь у нас селфхарм...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Что, прости?

МАША. Вены себе режет.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Прямо до крови?

МАША. Мама!!!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Отправляй ко мне Дашу и не дури.

МАША. Не надо на меня давить! Я ее мать, и я несу ответственность за свою дочь!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Маша, послушай меня внимательно – не строй из себя идиотку, ты никогда ею не была. Все, я покупаю Даше билеты...

МАША. Мама, ты сейчас нарушаешь мои границы. Ты ведешь себя токсично. Я считаю, что нам обеим не повредит сепарация друг от друга на неделю.

Абонент «Мурочка» заблокировал абонента «Мама».

СРЕДСТВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩЕЕ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА. Он сообщил, что к нему поступила информация о том, что его могут арестовать, если он останется в стране. «Если останусь, дана санкция решить вопрос по поводу меня «любым способом», — написал оппозиционер. Он выехал на территорию соседнего государства. И о других новостях. За последние сутки от коронавируса в России умерло семьсот девяносто пять человек. Уже почти месяц в тридцати шести регионах нашей страны наблюдается аномальная жара. Так, прошедшие выходные в столице стали самыми жаркими за всю историю метеонаблюдений — температура воздуха достигла 34,3 градуса по Цельсию.

2

МАША. Здравствуйте, мои дорогие согруппники! Нашу группу «Токсичные матери» читаю давно, но все не решалась здесь написать. Вот сегодня опять заблочила мать, меня всю трясет, решила высказаться в нашем сообществе. Сразу начну с того, что у меня не было той жести, которая приключилась со многими из участников. Так сказать, версия-лайт... Но травма до сих пор осталась нехилая. Моя мать, как вы уже все догадались, нарцисс и абьюзер. Началось все с того, что я родилась в тот момент, когда она готовилась к защите диссертации. И, как вы понимаете, как настоящий токс, моя мать выбрала диссертацию, а не меня. То есть, в возрасте четырех месяцев она отдала меня в ясли. Кто не в курсе, может погуглить, как это было в СССР. Одна нянечка на двадцать несчастных орущих

детей. Думаю, у меня до сих пор из-за этого проблемы с чувством базовой безопасности.

Далее к нам переехала бабушка из деревни, папина мама и я росла с ней до семи лет. То есть, мать с отцом жили в этой же квартире, но я их почти не видела. К отцу у меня претензий нет, он был достаточно ресурсным человеком – ученым, писал книги и монографии. В целом, я думаю, что отец меня любил, хотя почти не уделял никакого внимания. Но, по-крайней мере, травмы не нанес, и на том спасибо.

Итак, мне семь лет. Умирает бабушка, к которой я очень была привязана. Я тяжело переживала эту травму. Мне даже кажется, что моя первая депрессия началась именно с того случая. И вот тогда я впервые столкнулась с токсичностью своей матери. Я поняла, что оказалась один на один с абсолютно эмоционально холодной нарциссической женщиной. «Период гонимости» – нет, не слышали...

Мать сразу перевела меня в языковую школу. Она грезилась, что я буду жить за границей или хотя бы работать переводчиком. Она считала, что переводчики достойно живут. Я до сих пор страдаю от ее навязанных мне ожиданий, и меня начинает триггерить каждый раз, когда мне приходится читать что-то по-немецки.

Мама всегда нарушала мои границы. Она проверяла мои карманы, отпускала гулять только до восьми вечера, хотя моим одноклассникам разрешали до десяти. А если я задерживалась, дома меня ждала истерика. Она, видите ли, боялась, что меня убьют или посадят на наркотики.

С тех пор, как я все про нее узнала, я возненавидела ее ханжество. Но об этом дальше.

Абонент «Малая» вызывает абонента «Мой краш».

ДАША. Привет. Ты здесь? Я в метро еду.

СТЕПА. Закончилась треня?

ДАША. Ага. Капец, я устала... У всех каникулы, а я как рыжая...

СТЕПА. Сейчас домой?

ДАША. Не, еще реп. Так неохота.

СТЕПА. К хипстеру своему опять едешь?

ДАША. Чё сразу к моему?

СТЕПА. А разве нет?

ДАША. Нет.

СТЕПА. А на фига ты его лайкешь тогда?

ДАША. А чё такого?

СТЕПА. Да ничего. Всю стену ему сердечками облайкала.

ДАША. Чё ты гонишь? Я только лекции его два раза лайкнула и все.

СТЕПА. Лекции у него отстой.

ДАША. Норм лекции.

СТЕПА. И сам он – душнила.

ДАША. Ты чё, ревнуешь?

СТЕПА. Да не, просто лекции – отстой. И жена у него страшенькая. И фотки из Таиланда ни о чем.

ДАША. Степа, я как бы не виновата, что ма отдала меня к нему. Это типа лучший реп по английшу, у меня

с ним больше шансов. У меня щас такая запара по учебе, я вообще х/з, как буду это ОГЭ сдавать. Писали пробник – у меня шестьдесят пять.

СТЕПА. Тебе ОГЭ сдавать только через два года.

ДАША. Ну, так тренироваться надо уже сейчас начинать.

СТЕПА. Капец, ты загоняешься.

ДАША. А тебе типа совсем не страшно?

СТЕПА. А что страшного?

ДАША. У тебя ОГЭ через две недели!!!

СТЕПА. Да и пофиг.

ДАША. А если не сдашь, что будешь делать?

СТЕПА. На «свободную кассу» пойду. И?

ДАША. Мой парень будет работать в Маке. Кринжовенько...

СТЕПА. Ага. Твой краш тебе этого не простит. Удачно позаниматься.

Абонент «Мой краш» вышел из чата. Абонент «Малая» набрала абонент «Мой краш».

ДАША. Степа... Да блин! Я не это хотела сказать! Алло! Степ? Давай поговорим? Ну, плииз! Зайди в чат!

Абонент «Мой краш» зашел в чат.

СТЕПА. Я здесь.

ДАША. Ты все не так понял.

СТЕПА. Да проехали.

ДАША. Не проехали. Я тебе десять раз писала, что ты – мой краш.

СТЕПА. И какой в этом смысл? Тебя все равно ко мне не отпустят.

ДАША. Приезжай в Москву.

СТЕПА. Ага! И твоя мама встретит меня с распротертыми объятиями и поселит у вас!

ДАША. Можно хостел снять.

СТЕПА. А бабки взять где?

ДАША. Я про бабки у ба попрошу. Она у меня норм вообще.

СТЕПА. Не, не получится.

ДАША. Почему?

СТЕПА. У меня тут свои мутки.

ДАША. Какие?

СТЕПА. Ну, короче, её Оля зовут.

ДАША. Чё за Оля?

СТЕПА. Так, из универа одна. Со второго курса биофака.

ДАША. И нафига ты мне про нее говоришь?

СТЕПА. Мы с ней в поход собрались. В горы.

ДАША. В смысле? Ты с какой-то телкой в поход идешь?

СТЕПА. Она инструктором по трекингу подрабатывает. Позвала с собой. Ну, я и согласился. Там маршрут офигенный... А чё такого-то?

ДАША. И ты мне только сейчас решил про это рассказать?

СТЕПА. Не хотел тебя расстраивать.

ДАША. Степ, это чё за дела? Чё еще за Оля, блин?!? Когда ты с ней успел познакомиться?

СТЕПА. На вписке одной. Я просто сейчас с такими ребятами общаюсь.

ДАША. С какими???

СТЕПА. У нас универовские теперь из новой общаги на сквере собираются. У них там вообще особый вайб. И ребята все такие тусовые.

ДАША. Зашибись! Ну ок, иди тогда, тусуйся с ребятами, лови свой вайб!

СТЕПА. Просто я подумал, раз ты со мной в лагерь не едешь, что мне в городе ловить?

ДАША. Покемонов, блин!

СТЕПА. Обиделась?

ДАША. Обрадовалась.

СТЕПА. Даш, просто пойми... Ты еще маленькая девочка такая, у тебя там свои цели, мама опять же наседает. Тебя никуда не отпускают, а ты и ведешься.

ДАША. А что ты мне предлагаешь?

СТЕПА. Да не, ты все правильно делаешь. Надо учиться.

ДАША. Спасибо за совет. Буду учиться не пускать в свою жизнь таких дебилов, как ты.

Абонент «Малая» вышла из чата.

Абонент «Малая» зашла в чат.

ДАША. Ну, посмотрела я на твою Олю. Это же она, да? Вот эта тупая блогерша?

СТЕПА. Ну, типа да.

ДАША. Выглядит максимально кринжово. И та-тушки отстой.

СТЕПА. Норм татушки.

ДАША. Норм так норм, удачи! Если тебе нравится созерцать на теле любимой женщины крокодилов – твое право!

СТЕПА. Это тритоны!

ДАША. Да пох вообще.

СТЕПА. Ты просто злишься, что она такая крутая. А у тебя, кстати, есть все шансы стать такой же кавальной тян, как она.

ДАША. Очень надо подражать всяким шлюшкам.

СТЕПА. Рррр... Не злись, моя хорошая правильная девочка.

ДАША. А ты любишь неправильных?

СТЕПА. Жалко, что ты этим летом не приедешь.

ДАША. А мне жалко, что я девять месяцев потратила на такого урода, как ты. Всё, моя станция, пошел в жопу.

Абонент «Малая» заблокировала абонента «Мой краш».

210

4

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович, еще немножко...

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Я вижу. Я знаю. Серо-белое солнце опускается на ярко-черную траву. Сегодня оно не такое белое, как обычно. Не так спит. Раньше я любил, когда слепило. В той жизни, где я был лайкой, я мог бежать на белизну солнца сколько угодно. Иду, иду...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Давай, мой хороший, мой родной... Вот молодец.

ВРАЧ. А кто к нам пришел? Феня пришел? Федор Михайлович пришел?

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Здравствуйте, здравствуйте, и мы вас давно не видали.

ВРАЧ. Ну, как дела?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Очень плохо ест. Со всем плохо.

ВРАЧ. Корм поменяли?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Да, на тот самый, какой вы сказали. Этот, на би...

ВРАЧ. Я поняла. Стул?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Стул ничего. Если только поест...

ВРАЧ. Ну, давайте посмотрим.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А что тот ваш хирург сказал?

ВРАЧ. Я ему все анализы отправила. Он в отпуске сейчас. Приедет – посмотрит.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А сейчас не может?

ВРАЧ. Я не могу на него так наседать. Но он мельком глянул, сказал – все возможно.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А сколько возьмет – не сказал?

ВРАЧ. Нет, нет... Это вы уже лично договаривайтесь. Но вы рассчитывайте, что там вместе с анализами десятки тысяч.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Десятки – это сколько?

ВРАЧ. Я не знаю. Ну, семьдесят, ну, сто... Это же от его состояния будет зависеть.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Может, вы все-таки дадите мне его телефон?

ВРАЧ. Алевтина Павловна, человек в Турции!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ее разве не закрыли?

ВРАЧ. Ее недавно открыли. Ну что, давайте смотреть? Анализ крови возьмем?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Да, конечно...

ВРАЧ. Кожные покровы хорошие.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Вот бы тебя!..

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович!!!
Извините.

ВРАЧ. Смотри-ка, умирающий наш! Феня, Фенечка, давай, давай, сейчас укольчик сделаем.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. У тебя новый кобель?

ВРАЧ. Ну все, все... Витаминки те же принимаем, жирным не кормим...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Да он и так ничего...

ВРАЧ. Только корм.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Карта. Идем, идем, мой хороший.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Они только что были здесь. Пили пиво. Была девушка. Пила вино. Болела месячными.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Фу! Фу, идем...

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Вчера ночью вода потекла из ее глаз. Я хотел попробовать ее на вкус, но она не

разрешила. Она никогда не разрешает лизать ее лицо. Она считает, что там микробы. Когда я пришел к ней, она пахла Ив Сен Лораном. И точно такая же вода текла по ее щекам. Она положила меня в свои ноги. Она сказала – будь со мной, маленький. И я остался.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Давай, лапки вытрем... лапки вытрем.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Пожалуйста.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Вот молодец, мой мальчик. Лакомство хочешь? Я купила. Мне сказали, вы такое очень любите. Сто пятьдесят рублей отдала за две штуки...

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Давай, что ж с тобой поделаться...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Вот молодец! А силы-то еще есть! Есть!

СРЕДСТВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩЕЕ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА. ...задержанный оппозиционер и сооснователь известного Telegram-канала сообщил, что находится в СИЗО и сотрудничает со следствием. Его видеообращение распространили провластные телеканалы. За последние сутки от коронавируса умерло восемьсот два человека. И о погоде. Экстремальная жара охватила уже тридцать девять регионов России...

«Неизвестный абонент» вызывает абонента «Саша».

САША. Слушаю.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Саша, привет.

САША. Извините, не слышу! У меня номер не определяется! Кто это?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Саша, это я.

САША. Аня, забери их! У меня важный звонок. Подождите, я сейчас переключусь на видео...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Лучше не надо.

САША. Я уже.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Тогда я включу тебе вид из окна.

САША. Хороший вид. Вы переехали?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Уже давно.

САША. Сирень красивая.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. «Космос».

САША. Что-то общее есть.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Это сорт сирени. Называется «Космос».

САША. Алевтина Павловна, что-то случилось?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Саша, ты же сейчас риэлтор?

САША. Вроде того.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Видишь ли... Мне очень нужны деньги. Срочно. Я хочу продать свою дачу. Помнишь ее?

САША. Да.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Там прекрасное место. Сосновый бор, озеро...

САША. Только березовая роща.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Нет. Там всегда были сосны. Восемь соток.

САША. Восемь?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А ты думал сколько?

САША. Я об этом никогда не думал. Но странно, что восемь. Восемь – это же мало. А там было... А дом? Он еще жив?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Стоит еще, скворечник... Я совсем ничего не понимаю в этом, Саша. Мне нужно все это продать...

САША. Алевтина Павловна, что? Рак?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Не совсем у меня...

САША. Дочка?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. У моего близкого друга. Саша, ты возьмешься? Я, конечно, оплачу всю комиссию...

САША. Подождите...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Что такое?

САША. Просто... Это все очень странно.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Хорошо. Я позвоню другому риэлтору.

САША. Блин! Нет! Вы серьезно? Кто вам дал мой номер?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Городской сайт риэлторов.

САША. И вы решили обратиться ко мне?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Что не так? Тебя я знаю.

САША. Хорошо. Алевтина Павловна, что вы хотели продать?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Дачу. Участок. Восемь соток. С домом. Тридцать два квадрата.

САША. ИЖС?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Что?

САША. Пригоден под жилое строительство?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я... Не знаю...

САША. Мне нужно будет уточнить по кадастру. Назовите адрес.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Адрес? У меня он где-то записан... Ну, ты же помнишь, там дачный сектор... Вот, нашла...

САША. Я продам вашу дачу, Алевтина Павловна... Скажите, что случилось?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ничего. Правда ничего. Я увидела твою фотографию на сайте и решила позвонить. Другим придется объяснять, что это за дача, где она, а ты все понимаешь.

САША. Аня, я не могу! Объясни ему сама! Семью восемь пятьдесят шесть! Извините... Может, хватит уже смотреть на сирень?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А, по-моему, она прекрасна...

САША. Вы же меня видите.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. И ты прекрасен.

САША. Спасибо. Я не знаю, о чем нам разговаривать, правда... Если у вас проблемы, я готов включиться.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. У меня нет проблем.

САША. Тогда что происходит?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я хочу через тебя продать свою дачу.

САША. Я понял. Восемь соток.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Может, и десять. Я не помню.

САША. Мне нужно ее оценить. Мы должны вместе туда поехать.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я не могу ехать.

САША. Или может поехать кто-то, кто имеет доверенность от вас.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Никто...

САША. Может быть, есть кто-то, на кого вы можете оформить такую доверенность?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Хорошо. Я поеду.

САША. Когда?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. В пятницу устроит?

САША. Да. Во сколько?

Пауза.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ну?

САША. Вы не изменились.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Брось!

САША. У меня тоже десять лишних килограмм. А еще собака и двое детей.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я в тебе никогда не сомневалась.

САША. Аня, пожалуйста, покорми ее сама! Тогда я за вами заеду? У меня тоже переговоры!!! Котик, там

сырники в холодильнике, разогрей их в микроволновке. Во сколько?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Саша, извини, у меня второй вызов, напишу в WhatsApp.

САША. Подождите!

МАША. Мам...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты меня разблокировала? За что такие почести?

МАША. Я еще даже ничего не сказала, а ты уже выстроила отношения «сверху вниз».

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Машенька-доченька, что же тебе нужно? Какие эмоциональные травмы ты испытала на этот раз?

МАША. Еще слово, и я заблокирую тебя навсегда. Мама, мне кажется, у Даши биполярка. По всем признакам это мания.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Мне радоваться или горевать?

МАША. Она начала мной манипулировать.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Прекрасно.

МАША. Прекрасно? А ты не хочешь спросить, что я чувствую по этому поводу?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Что ты чувствуешь?

МАША. Я чувствую себя маленькой растерянной девочкой. Я не знаю, что мне делать. Она обещает уйти из дома, если я не отпущу ее к тебе. Я не могу на нее давить – это с одной стороны, а с другой... Я же просто хочу уберечь ее от тех травм, которые мне пришлось пережить самой... Я не хочу переносить

на нее свой опыт травматика, я хочу... Мама, мне страшно.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Успокойся. Я прослежу, чтобы она не забеременела.

МАША. При чем здесь это?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Маш, а тебе не приходило в голову, что жизнь сложнее, чем твои учебники?

МАША. Но она получит травму, он ее бросит, она забросит английский, подсядет на наркотики...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Маша, приди в себя!

МАША. У нас новая волна. А я совершенно не в ресурсе. Готовлюсь к тесту. Хочу перезагрузить себя. Читаю всякие полезные лайфхаки... Думаю о ретрите. Но пока ничего не выходит. Ходила вчера к своей психотерапевтке. Она выписала мне новый антидепрессант. Говорит, очень хороший, лучше, чем предыдущий...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Так я посмотрю билет для Даши?

МАША. А как же английский? Ей через два года сдавать экзамены в языковой лицей... Это такой шанс, я не могу лишиться ее будущего.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Она поедет в тот лагерь, с ней будут заниматься...

МАША. Вы все мной манипулируете. Почему я это терплю?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Вот, есть как раз в пятницу на семь двадцать утра. Федор Михайлович? Все хорошо? Все в порядке?

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Да что с тобой, мать?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Подавился? Водички? Давай, из поилочки попей... Вот, молодец, вот хороший мальчик. Дай глазки посмотри. Ясные глазки... Ясные глазки у мальчика...

МАША. Mam, я тебе с Дашей пришлю эти антидепрессанты? Мне кажется, у тебя повышенная тревожность.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я покупаю?

МАША. Ты их пропей. Антидепрессанты – это путь к счастью для всего человечества.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Купила. И вышло совсем недорого. Только я не смогу ее встретить, такси закажу...

5

МАША. Про то, что мама изменяет папе, я впервые узнала лет в тринадцать. Помню, тогда еще не было сотовых, и мама не пришла домой. Я пошла в университет ее искать. Вахтер сказал, что в триста четвертой день рождения у Татьяны Викторовны. Я, ни о чем не думая, чистая нецелованная девочка, пошла туда. А когда вошла, то увидела, что там стояла моя мама со своим студентом. Они целовались. В тот вечер я впервые попыталась порезать себе вены.

Я никому ничего не сказала. Я просто стала жить с этим.

Знание об этих изменах переменяло мое отношение к матери. Наверное, тогда ко мне пришло первое осознание того, что моя мать – токс. Конечно, слово

«токсичность» я тогда не знала, но было какое-то внутреннее понимание, что все это ужасно неправильно. Мы стали часто ругаться. Она пыталась со мной разговаривать, но все мы знаем, как наши токссы разговаривают...

Я видела этого парня, я даже с ним познакомилась. Он играл в КВН. Однажды во время его выступления я прошла за кулисы. Он хорошо выступал. Смешно. Потом я услышала, что про него говорят однокурсники. Они над ним угорали или, по-научному, буллили его. Про маму тогда никто ничего не сказал, но я поняла, что в этом причина. А когда он вернулся со сцены, никто его не поздравил. Он ушел куда-то на лестницу, я пошла за ним, и увидела, что у него носом пошла кровь. Он стоял и втягивал ее, как соплю, так – ырр, ыrrr... Но она все равно капала ему на брюки и рубашку. Я дала ему свой платок. И он стал вертеть его в руках, как будто не понимал, что с ним делать. А потом спросил у меня, с какого я курса. И тогда я убежала вниз по лестнице.

Примерно тогда же начал сильно болеть папа. Что-то с сердцем. Моя токсиха таскалась с ним по больницам, купила даже медицинскую энциклопедию, чтобы изучать его болезнь. Но приходиться с работы раньше она не стала. А в мои пятнадцать она поехала на конференцию в Париж. Надо ли говорить – с кем она туда поехала.

Я помню, за те две недели я позвонила ей один раз, тогда еще звонить по сотовому за границу было очень дорого... Чтобы вы понимали, на тот момент я уже десять дней провела рядом с тяжелобольным отцом. Он, конечно, старался не показывать. Но я все виде-

ла и чувствовала. У меня в отличие от ма, с эмпатией все хорошо. Я ей позвонила, чтобы попросить ее приехать, я так надеялась, что она поймет... И знаете, какой была ее первая фраза? «Мурочка, я была в Лувре. Я видела Микеланджело». После этого говорить с ней мне стало не о чем.

6

Квартира Алевтины Павловны.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. О, господи, кто тебя так покрасил?

ДАША. Сама.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Молодец, хоть деньги не потратила... Мама-то разрешает?

ДАША. Мама мне все разрешает.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Вообще, цвет хороший... Да, неплохой.

ДАША. Ба...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Дарья Алексеевна...

ДАША. Федор Михайлович!

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Ну, здравствуй, здравствуй, чудовище...

ДАША. Ба!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Твоя комната. Я говорила насчет путевки – будет.

ДАША. Ба, я в этом году в лагерь не поеду. Я в горы пойду. Одна!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Одна?

ДАША. В группе. Я уже инструктора нашла, он как раз новый набор выложил. Смотри, классный? Брутальчик такой. Как с рекламы, скажи?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Бородатый какой-то. У него еда там не застревает?

ДАША. Ба! Это лучший инструктор в городе. Он такие маршруты мутит! Ты же меня отпустишь? Отпустишь?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А что мы скажем твоей маме?

ДАША. Скажем, что я в лагере.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я не могу ей врать.

ДАША. Это и так лагерь. Только без углубленного изучения английского. Просто лагерь. Но мы же ей не скажем, что это просто лагерь. Скажем, что углубленный.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Дашунь, а как же Степа? Ты же хотела с ним в этом году увидеться.

ДАША. Перехотела.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Поссорились?

ДАША. Так...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Нет, Даша, я не могу, извини. Если мама разрешит, то пожалуйста... Тебе тринадцать лет, как ты там будешь одна?

ДАША. Ба! Со мной пойдут взрослые! Маршрут несложный. Ба! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Нет...

ДАША. Федор Михайлович, ну скажи ей! Федор Михайлович!

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Лапа! Лапа! Осторожнее!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Отойди от него!

ДАША. Ты чё орешь?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Извини, котик. Федор Михайлович у нас болеет. Ты просто не трогай его, ладно?

ДАША. Ладно...

Стеллаж падает на Дашу. Книги летят вниз.

ДАША. Ай, блин!!!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Не ушиблась?

ДАША. Ну, такое...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Полгода собиралась мастера вызвать – ножку починить.

ДАША. Смотри, писателя как нашего дедушку звали...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Это и есть книга дедушки.

ДАША. Да ладно?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я же тебе рассказывала. Деда Леня был историком, писал книги.

ДАША. «История Соловков – от средневековья до наших дней».

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Соловков. Это хорошая книга. Хоть и страшная. Хочешь прочесть?

ДАША. Это что-то про птиц?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Почему про птиц?

ДАША. Соловки – это же дети соловьев?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Обязательно прочти.
Отложи на столик.

ДАША. А в аудиоверсии она есть, не знаешь?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Да вот же книга, ее дедушка твой написал, зачем тебе версия?

ДАША. Ба, я – аудиал. И у меня дислексия. Разве тебе мама не говорила?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ладно. Дай. Я как раз хотела перечитать.

ДАША. «Разбойники из Кардамона». Что это за страна такая?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. О! Это же любимая Мурочкина книга! Ну-ка, дай посмотреть... Узнаю Мурочку... Вареньем заляпала... И тут жирное пятно... Она обожала читать за столом. Невозможно было отучить.

ДАША. А мне ютуб смотреть запрещает. Ой, а это что?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Это? Яйцо.

ДАША. Фаберже?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Нет. Обыкновенно стеклянное яйцо. Не знаю, сколько ему лет, наверное, лет сто, может, двести... Твой дедушка привез его из первой загранки во Францию. Он там читал доклад где-то. А где? Там в названии был какой-то «салон»... В последний день он пошел на блошинный рынок – просто поглазеть. Зашел в первый попавшийся подвал. Зашел и обомлел. Подвал от пола до потолка был набит всякими древностями. Продавцом там сидела древняя

старуха. Леня шутил, что на вид она была ровесницей Тиресия.

ДАША. Кого?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Очень старой она была. И вот Леня стал живо интересоваться у этой старухи вещами. Старуха удивилась, что он, иностранец, так хорошо разбирается в наполеонике, а твой дедушка и вправду прекрасно разбирался... Стала ему рассказывать-показывать, глаза загорелись... Понятно, что все это стоило запредельных денег, а у Лени в кармане была лишь какая-то мелочь, остатки командировочных. Но это же Леня, ему было неловко уходить от старухи без покупки, вот он и купил это яйцо – единственное, на что ему хватило...

ДАША. Просто стеклянное яйцо?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Да. Просто яйцо.

ДАША. Как-то глупо покупать лишь бы купить.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Он ведь не яйцо купил, ДАША. А память о том дне. О той старухе. О солнце, прыгающем по брусчатке. О своей молодости. Собрание сочинений Андерсена, первый том... Оно еще живо? Удивительно. «Русалочка»...

ДАША. Ужасная сказка.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Почему?

ДАША. Потому что она про гендерное неравенство.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Странно. А я думала про силу любви.

ДАША. Ба! Но вся любовь Русалочки – это всего лишь плод ее стигматизации по половому признаку.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Правда?

ДАША. Почему она мечтает выйти замуж за принца? Она поинтереснее мечту не могла себе придумать? О чем нам говорит эта сказка?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. О том, что надо любить?

ДАША. О том, что штаны в жизни женщины дороже ее собственной жизни!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты как-то прямолинейно обо всем судишь... Вот послушай: «У русалки нет бессмертной души, и она не может приобрести ее иначе, как благодаря любви к ней человека. Ее вечное существование зависит от чужой воли...»

ДАША. Ба! Она на сквере стримит!!!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Что делает?

ДАША. Оля!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Какая Оля?

ДАША. Короче, это все прикольно, я все поняла, но можно мне на сквер, пожалуйста?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Зачем?

ДАША. Ба... Все потом. Я пошла, ладно?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Нет, подожди, объясни мне, куда ты идешь?

ДАША. Я же сказала – на сквер.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А книги убрать ты не хочешь мне помочь?

ДАША. Ба, я норм выгляжу? От футболки потом не воняет?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Даша, но ведь пандемия. А в этом сквере всегда толпа. И все без масок.

ДАША. Ба, это вам нельзя без масок. Вы от этого умираете. А мы нет. Нам можно.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Кто это мы? И кто это вы?

ДАША. Ты поняла...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Даша, но ты же обещала мне посидеть с Федором Михайловичем сегодня. Ты мне это пообещала! Твоя мама – свидетель!

ДАША. Ба, он один прекрасно посидит. А у нее сейчас стрим закончится, и где я ее потом найду? Пусти!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Нет!

ДАША. Пусти.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты мне обещала... Объяснись!

ДАША. Пусти! Ой, блин... Прости...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты его разбила.

ДАША. Оно дешевое, ты сама сказала...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты его разбила.

ДАША. Я тебе потом на «ебау» такое же найду.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Такое не найдешь.

ДАША. Другое найду.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович, иди сюда. Иди ко мне. А то лапку поранишь. Поранишь и будет болеть. Вот тут нет стекла. Вот сюда, на островок...

ДАША. Я, вообще-то, тоже голыми ногами на полу стою!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Иди, я тебя отпускаю.

ДАША. Знаешь, вот с этой интонацией сейчас прозвучало максимально токсично...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Убирайся!!!

ДАША. Тут мама тебе таблетки передала. Попей, может на людей меньше орать будешь.

СРЕДСТВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩЕЕ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА. Аномальная жара, распространившаяся за этот месяц по всей России, привела за собой лесные пожары. На сегодняшний день в одной Якутии сгорело уже больше четырех миллионов гектаров леса, что сопоставимо с территорией Нидерландов. И о других новостях. За последние сутки от коронавируса умерло восемьсот двадцать человек, что стало абсолютным рекордом с начала пандемии. Также задержано и доставлено в СИЗО четырнадцать граждан, в связи с их деятельностью, что заставляет подозревать российские власти в политических репрессиях, еще у семнадцати прошли обыски. Мы зачитаем их фамилии списком...

7

МАША. Когда я только закончила школу, мать буквально вытолкала меня из дома в Москву. Несовершеннолетнего ребенка! В том возрасте я еще не могла осознанно подойти к выбору профессии. Смутно чувствовала, что хочу заниматься каким-нибудь твор-

чеством. Но мать засунула меня на факультет романо-германской филологии. То есть, так сказать, через меня решила удовлетворить свои родительские амбиции. Ни о какой безусловной любви и принятии речи, конечно, не шло. Я должна была поступить в МГУ, потому что мама так решила. У нее тогда были связи в этом мире, не удивлюсь, если не только деловые.

В тот же год умер папа. На похоронах ма как будто не замечала меня. Стояла в гордом одиночестве, типа вся такая страдалица. После похорон я не выдержала. Я начала на нее просто орать. Не помню, что я ей кричала, но в целом мой спич сводился к тому, что так нельзя, что я не вижу ее любви, что надо уже наконец-то учиться выстраивать экологичные отношения. Я думала, что после такого эмоционального выплеска у нее что-то повернется в голове, она посмотрит как-то иначе на всю эту ситуацию. Но, как известно, наши токсины не меняются. Она изобразила вселенскую усталость на лице и спросила: «Мурочка, чего ты от меня хочешь?» На следующий день я попросила ее купить мне билет в Москву.

230

Далее я встретила отца своего ребёнка. Он оказался токсичным человеком, перверзным нарциссом и абьюзером, но когда я это поняла, было поздно – я стала мамочкой. Моя мать помогала мне первое время – забирала внучку к себе, чтобы я смогла устроиться на работу. Спасибо ей, конечно, за это... Хотя от послеродовой депрессии меня это не уберегло.

Но потом, когда моей дочке было семь лет – самый соблазнительный возраст для педофилов – мать выставила в фейсбук фото моего ребенка с детской площадки, не спросив у меня на то разрешения, за что и

Сюжет

улетела в блок на полгода. Она, кстати, так до сих пор и не поняла, почему я так бурно отреагировала на тот случай. У нее вообще проблемы с осознанием личных границ, как мне кажется.

Сейчас у меня все неплохо. Я хожу к психотерапевтке, прорабатываю свои травмы. Благодаря работе с ней мне удалось выстроить определенные границы с моей родительницей. Но до полной осознанности еще далеко.

С работой пока не очень ладится, занимаюсь копирайтом на фрилансе, но это, конечно, для Москвы не деньги, а слезы. Помогают бывший муж и немного мама. В начале пандемии ходила на сценарные курсы в одну онлайн-школу, думала, что это поможет мне разбудить наконец-то свое творческое начало. Но, видимо, родительские негативные установки еще слишком сильны во мне, потому что раскрыть свой потенциал и войти в творческий поток у меня так и не получилось. Свой «сценарий на миллион» я пока не написала, хотя коуч говорил, что у меня большой потенциал.

Сейчас готовлюсь к собеседованию на вакансию в одну международную компанию. Там все по-серьезному, сначала тест, потом личная встреча. Мне очень нравится эта компания: их экологичный подход ко всему, их зарплаты, их опенспейс, их тимбилдинг. Мне нравится, что они как в Европе. Что они не такие как мы. Моя психотерапевтка убеждает меня, что все получится, что мне нужно просто поверить в себя и убедить своего внутреннего ребенка, что он сильный и талантливый. Каждый вечер я визуализирую свою работу в этой компании, и мне кажется, что я почти у цели.

А мать – что мать? Заболела собачка вот у нее. Героические усилия, рывки к врачу, куча денег, вся в переживаниях....

Мне уже четвертый десяток, а я что-то не припомню, чтобы аналогичная забота была по отношению ко мне с ее стороны. Собачке, конечно, желаю только добра, собачка-то никому ничего плохого не сделала, но мать... Да... Печальная картинка. И менять в наших отношениях она ничего не хочет.

Я всегда говорю, говорила и буду говорить, что за то, как складываются отношения с собственным ребенком, ответственность всегда лежит на родителе и только на нем, а дети — это всего лишь «зеркала». Родители должны стремиться к общению и выстраивать отношения, а не дети.

Люди, которые нашли смелость сепарироваться от матери окончательно, как у вас это получилось? И что делать, если сама превращаешься в токсичную мать? Куда бежать от себя и от всех токсичных семейных установок, которые преследуют, как их ни прорабатывай, и выплёскиваются на моего ребенка? Устала и вымотана страшно, но дочь тут при чём... Как перезагрузить себя? Можно лайфхаки, ссылки на полезные ресурсы.

232

8

Дача Алевтины Павловны.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Как все позаросло! Так... Вот этот вроде ключ от калитки. Не идет. Сможешь?

Сюжет

САША. Да, давайте... Давно здесь не были?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Лет пять, что ли... За-
ело?

САША. Нет... Уже...

Саша открывает калитку. Заходят на участок.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Мама дорогая! Везде
трава!

САША. Ну, а что вы хотели? Дача требует ухода.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Все живое чего-нибудь
да требует... А все равно хороший участок, правда?
Тут земля хорошая... Озеро опять же. Видишь, через
две дачи люди строятся?

САША. Да, сейчас очень многие за город переез-
жают...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Это наша соседка им
продала. Молодая семья купила. Вот и сюда хорошо
бы, если молодые... Посносят тут все, построят новое,
добротное, а не как мы в свое время – из говна и па-
лок. Пovyдирают сорняки...

САША. Не трогайте. Это борщевик.

Пауза.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я документы на землю
привезла. Вот тут какие-то... Посмотри сам. На дом
документов нет.

САША. Там стояла беседка. Где она?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Бомжи на дрова разо-
брали. Присмотрись – там за малиной и забора нет.

САША. А-а-а... Ясно.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. В дом будем заходить?

САША. Нужно зайти.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Вот этот, кажется, ключ.

САША. Да, это он, я его помню.

Саша пытается открыть дверь.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А я все забыла.

САША. У меня уже сын в шестом, а дочка только пойдет. Представляете, как оно, да? Мы ипотеку за два года выплатили. Три месяца назад щенка завели. Дочка уговорила. Фокстерьера с родословной. Бету, девочку. Она такая смешная, спит только со мной на подушке...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ну, открывай, чего стоишь?

САША. Я же потом, ну, когда все это, то есть, уже после, в колледж устроился... А потом ушел. И вот в бизнес закрутился. Агентство свое открыл.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Саша, я тебе говорила – у меня мало времени, я буквально на два часа вырвалась из дома...

САША. У меня, кстати, лучшие показатели по городу. Я на фитнес хожу, кубиков еще нет, но пресс уже вырисовывается...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты откроешь эту чертову дверь или нет?!

САША (*открывает дверь*). Не кричите.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты первый.

Саша заходит в дом. Чихает. Алевтина Павловна заходит в дом. Чихает. Оба стоят, чихают.

Удивительно! Они ничего здесь не взяли... Хотя что тут брать? О, Господи! Тут мышьяная мумия...

САША. Я ее сейчас вынесу.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Бедная мышка – забралась в тепленькое местечко, а выбраться не сумела.

САША. Сейчас перчатки из машины принесу.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Пусть лежит. Ну, вот он дом. Везде пыль, все прогнило, так что смотреть особо не на что.

САША. Я зайду в ту комнату?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Саша, у меня мало времени...

САША. Алевтина Павловна, для того, чтобы оценить строение, мне нужно его осмотреть.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Оценивай. Только недолго.

Саша уходит в «ту комнату». Возвращается.

Оценил?

САША. Это совсем не похоже...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. На что?

САША. Я тут вина принес. Каберне сухое. Я не нашел то самое. Ну, которое... Я такое искал, но нигде его нет. Это российское, мне сказали – хорошее... Я

не разбираюсь теперь уже давно, я больше по пиву теперь... Может быть, это даже лучше, чем то. Помните, с алой картинкой?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я не помню никаких картинок, САША.

САША. Вы говорили, что там нарисован «каменный цветок»...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Может быть.

САША. Я подумал, что вдруг вы захотите за удачную сделку...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты за рулем.

САША. Ну, да...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Выпейте его с женой за здоровье Федора Михайловича.

САША. Это ваш новый муж?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Это Достоевский.

САША. Точно. Просто вы сказали, что у вас кто-то болеет...

236

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я сейчас не хотела бы...

САША. Да, я понимаю. А как Маша?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Маша? А что Маша? Маша – хорошо.

САША. Я знаю, у вас уже внучка взрослая.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Сегодня в гости прилетела.

САША. Здорово! И как она?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Внучка как внучка. Незнакомая мне девочка.

САША. А-а-а... Ну, понятно... А у меня дочка на фортепиано играет. Ее Алиса зовут. Нам сказали, что у нее способности большие. У нее мама тоже в детстве играла, но в музыку не пошла потом. Алиса играет, а Бета, ну, которая собачка наша, ей подвывает. Как будто подпевает, получается. Сын записал видео, выложил в Тик-Ток, говорит, у него там больше тысячи просмотров...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Какой ты стал скучный, САША.

САША. Я?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Или это я стала скучной. Ты все посмотрел?

САША. Подождите!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Чего ждать?

САША. Нам нужно еще подписать договор.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Хорошо. Давай, я подпишу...

САША. Он в машине...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Тогда пошли в машину.

САША. Алевтина Павловна, подождите...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Саша, чего ты от меня хочешь?

САША. А вы от меня чего?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я хочу, чтобы ты нашел покупателя на мою дачу! Мне просто срочно нужны деньги...

САША. Просто деньги?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Просто деньги.

САША. Я сам куплю у вас дачу.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Саша, что за безумие? Зачем тебе дача?

САША. А мы с женой давно хотели купить что-то за городом. Дети, собака, много хлопот, знаете ли. Такие скучные маленькие хлопоты обычной скучной семьи на карантине. Детям нужен воздух, вода, лес, собаке нужно где-то бегать. Я вот еще ребенка хочу... И жена не против.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Хочешь – покупай.

САША. Назовите свою цену.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Сто тысяч.

САША. Вы смеетесь? Она гораздо больше стоит.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Мне больше не надо.

САША. Назовите цену.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Саша, ты издеваешься надо мной? Я тебе все сказала.

238

САША. Хорошо. Тогда нам сейчас нужно поехать в МФЦ и зарегистрировать договор купли-продажи. Я договорюсь без очереди.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я не могу сейчас никуда ехать.

САША. А когда сможете?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я теперь совсем никуда не могу...

САША. Может быть, у кого-то есть доверенность от вашего имени? Или есть кто-то, на кого вы можете оформить такую доверенность?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Нет. У меня никого нет!
Никого!

САША. Вы можете оформить ее на меня.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Это долго?

САША. Это две минуты.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Поехали.

САША. Алевтина Павловна, я из-за вас в психушке лежал. Я думал, вы хотя бы сейчас что-то мне скажете. А вы так ничего и не сказали.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Что тебе сказать?

САША. Почему вы тогда все равно, что умерли для меня?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Мне кажется, это было очевидно...

САША. Но вы же его не любили! Вы сами говорили, что он в своей комнате сидит и пишет как крот. И на вас никакого внимания! Что он не хочет идти к зубному. Я же готов был ждать. И сорок дней, и год, если надо! Я столько всего вытерпел из-за вас, и потом, и вообще, видите белый шрам, он уже не болит, только чешется иногда, но я же, правда, любил, надо мной все смеялись, а я любил, я на войну хотел из-за вас уйти, но войны тогда никакой не было...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Знаешь, я тоже часто об этом думаю. Зачем я все время гнала его к зубному? У него же были нормальные зубы, абсолютно нормальные. Ну, не такие белые, допустим, но это от курения... А в остальном, прекрасные зубы, он никогда на них не жаловался.

САША. Помните, в Париже вы предложили мне прыгнуть с моста в Сену, вдвоем за руки?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. И?

САША. Почему мы тогда не спрыгнули?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты не захотел.

САША. Я знаю. Я испугался. Я думал там, в жизни, дальше будет еще много всего интересного...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Не жалеешь?

САША. Подождите...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Что еще?

САША. Там, за той маленькой боковой калиткой, если выйти, будет березовая роща...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Сосновый бор.

САША. Роща.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Бор.

САША. До нее ровно пятьдесят шагов.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Хочешь, проверим?

Оба выходят за калитку.

240

САША. Если я буду здесь жить, я заново поставлю здесь беседку. Проведу сюда свет. Буду сидеть в ней и читать. Я десять лет ничего не читал, кроме договоров и фейсбука. Я найду свои конспекты со списками литературы и начну все по-новой. Закажу у букинистов старые книги, пусть они будут специально старые, чтобы страницы были истертыми-исписанными чьим-то чужим карандашом, и тогда мне не будет одиноко, тогда я буду знать, что кто-то уже думал то же, что и я, или другое, но, самое главное, что этот кто-то тоже думал о чем-то таком, отстраненном, отвлеченном, не имеющим ничего общего с жизнью, в общем, о всякой

Сюжеты

такой ерунде, о которой не надо думать, но она лезет в голову и... И, может быть, этот кто-то, тот, кто был раньше, поможет мне сегодняшнему перестать думать о собственном ничтожестве и о том, что все это не имеет никакого смысла...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А у меня собака умирает...

САША. Говорят, они уходят от нас на радугу...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Это осиновый лес. Пошли.

9

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. В первую ночь мы почти не спали. Ты сжимала мою морду и говорила про какие-то сорок дней. Ты говорила, что Лоран – это последний его тебе подарок. Я не знал про что ты говоришь. Сначала я думал, что про другую собаку, которая от тебя убежала. Но нет – все углы были чистыми, никакой собакой здесь и не пахло. Ты доставала вещи из шкафа. Вещи пахли грустным человеком.

Я никогда его не знал, но ты сказала, что у меня его глаза. Я не мог понять, как же так может быть, чтобы мои глаза принадлежали кому-то еще. Но я был рад, что эти глаза видели тебя еще до тех пор, как стали моими.

ВРАЧ. Фенечка пришел... Проходите, Алевтина Павловна. Давай, давай, сюда, на стол... Сам запрыгнешь? Феня, ап!

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. К черту твой стол!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович, ударился? Что, лапка?

ВРАЧ. Тихо-тихо-тихо... Все, Фенечка, не вставай. Не вставай. Давайте вдвоем его поднимаем... Вот здесь, за таз, придерживайте его... Вот так... Ой, как мне твои глазки не нравятся... Сейчас найду его анализы... Где-то я их прямо себе отложила... Ага, вижу.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ну, что?

ВРАЧ. Ну, что? АЛТ, АСТ высокие... Лейкоциты ничего... Гемоглобин...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Это что значит?

ВРАЧ. Печень, сердце...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Хирург приехал?

ВРАЧ. Так Турцию снова закрыли, вы не слышали? Люди уже неделю не могут улететь...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Он что-то вам сказал? Когда он вернется?

ВРАЧ. Как прилетит наш самолет – так и вернется.

242

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. А нам что же делать? Я нашла деньги, у меня есть... Мы готовы на операцию хоть сейчас. Там даже если больше ста выйдет, если дополнительные анализы – ничего страшного, я дачу продала, мне покупатель очень хорошо за нее заплатил...

ВРАЧ. Алевтина Павловна, да не нужна ему операция! Я без хирурга вижу – он у вас не переживет наркоз!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Нет.

ВРАЧ. Это собака, Алевтина Павловна. Это не человек, это пес. Он свое прожил.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Нет.

ВРАЧ. Алевтина Павловна, послушайте. Всем так будет легче. И ему, и вам, если...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Если что?

ВРАЧ. Если мы его усыпим. Ну, посмотрите, он уже еле ходит.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Сколько ему осталось?

ВРАЧ. Не знаю... Может быть, неделя. Может быть, меньше... Я такие прогнозы делать не могу.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Давайте анализ крови возьмем?

ВРАЧ. Какой в этом смысл? Он у вас заваливается на бок, вы что, сами не видите? Ему семнадцать лет!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Может, капельницу? Вы ему тогда ставили капельницу – ему потом легче было.

ВРАЧ. Капельницу сейчас поставлю...

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Я почти никогда в своей жизни не знал, что такое бежать. Но бежать было надо... Я чувствовал это. Я был странным щенком. Я первый выбежал на дорогу. Я первый перебежал черту. Я первый из моих вошел туда, где ты шла с бутылкой вина в руках. В детстве я думал, что рожден только для того, чтобы бежать. Ты навсегда сделала меня обреченным «сидеть на месте». Ты ходила со мной на заброшенный стадион: обычно там гуляли две овчарки, три борзых, семь дворовых, пять шпицев, три терьера

и я. Ты хотела, чтобы я бежал вместе с терьерами. А я сидел на месте...

ВРАЧ. Феня, дай лапку. Дай лапку, да, да, молодец, мы же где-то брили уже... Вообще вену не вижу.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Иногда ты бежала, и я бежал вместе с тобой. Ты говорила, что мы бегаем, а я никогда не хотел тебя обижать. Однажды мы поехали на электричке. Ты повела меня за черту. Я думал, там будет то самое поле, но оно не было тем самым. Оно было другое, не то, которое я знал до каждой кочки, до каждой изнаночки, каждой мышшиной горки... Ты сказала: «Федор Михайлович, вот тебе твое поле». Пахло водой, бензином, трассой, луной, лисами, спящими ежами, остановкой, человечьей ссакой, машинами, чьей-то усталостью, потными руками на руле, мышами, замерзшей морошкой, а чуть дальше – соломой, бедностью, темнотой, духами, кассетами, книгами, синим светом, ламповым телевизором, запертыми животными, прелой травой, небом наизнанку... И я побежал.

244

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Скажите, а он очень похудел?

ВРАЧ. Вы знаете, у меня у подруги тоже умерла собака, а она ее с детства знала... И подруга потом на йогу записалась. И знаете, ей очень помогло... Там одна ее другая подруга по инсте организовала им курс на Бали – на какой-то там марафон. Типа в природных условиях! Подруга взяла кредит и таки поехала, представляете?! На Бали! И там такой эффект, я хочу сказать, там прямо вау-эффект, она все осознала, она все поняла, и сейчас тоже хочет свой инстаграмм продви-

Сюжет

гать! А собака... Ну, что собака? Они ведь не умирают, они убегают на радугу!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Федор Михайлович, пошли. Пошли! Давай, вниз, вниз! Спрыгивай! Вставай, ну же!

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ. Ты закричала почти сразу. Ты испугалась, что я не вернусь. Что так и останусь в том поле. Но я вернулся. Разве я мог не вернуться к тебе?

ВРАЧ. Не кричите на него, у него капельница в вене...

10

На сквере.

ДАША. И чё, норм тебе с малолетками тусоваться? Я тебя в «стоп-педофил» сдам, поняла, курица?

СТУДЕНТКА. Котик, ты о чем? Я не понимаю.

ДАША. О Степе.

Студентке. Кто такой Степа?

ДАША. Степан.

СТУДЕНТКА. Какой Степан?

ДАША. Вот этот... Узнаешь своего дружка?

СТУДЕНТКА. Котик, ты что-то перепутала... Я его не знаю.

ДАША. Но он у тебя в друзьях.

СТУДЕНТКА. У меня много кто в друзьях. Я же блогер!

ДАША. Блин...

СТУДЕНТКА. Что он тебе наговорил?

ДАША. Что я... Что ты...

СТУДЕНТКА. Коотик, ты чего? Ну, не плачь, мой маленький... Да он по ходу токсик у тебя. Давай, успокаиваемся. Держи платочки. Мы с тобой, знаешь, что сделаем? Мы сейчас заселфимся, и я в своей инсте нашу фотку выложу. Типа мы с тобой подруги. Пусть он увидит, и у него пукан взорвется! Идет?

ДАША. Идет.

СТУДЕНТКА. Как тебя зовут?

ДАША. ДАША.

СТУДЕНТКА. Найди меня в инсте...

ДАША. Я уже. У тебя реально больше ста тыщ подписоты!

СТУДЕНТКА. Я – стотысячница, да...

ДАША. Клевый блог... Вообще. И тритоны классные!

СТУДЕНТКА. Спасибо. А мне твой цвет нравится... Кавайный.

ДАША. Спасиибки. А можно тебя попросить подписаться в ответ?

СТУДЕНТКА. Да запросто... Есть. Ну чё, селфимся? Давай вот так, ты немножко вперед... Чтобы я на твоём фоне толстой не выглядела...

ДАША. У меня сильно лицо зареванное?

СТУДЕНТКА. Да норм, не парься... Зато губы пухлые.

Девушки селфятся.

СТУДЕНТКА. Смотри – норм?

ДАША. Зачет!

СТУДЕНТКА. Выкладываю. Что написать?

ДАША. Не знаю...

СТУДЕНТКА. Напишу: только что познакомилась на сквере с прекрасной Дашей, современные подростки – май лав, будем дружить. Норм?

ДАША. Норм. Вообще норм.

СТУДЕНТКА. Отмечаю тебя. Есть!

ДАША. Класс! Спасииибки.

СТУДЕНТКА. Не за что.

ДАША. А вы что снимаете сейчас?

СТУДЕНТКА. В Тик-Ток. Ну и в инсту само собой. Видела, леса в России горят?

ДАША. Что-то такое...

СТУДЕНТКА. Мы, короче, контент снимаем в поддержку горящих лесов.

ДАША. Это как?

СТУДЕНТКА. Ну так, чтобы люди обратили внимание на эту проблему вообще...

ДАША. А что вы делаете?

СТУДЕНТКА. Ну, мы в своем видео призываем людей спасти леса.

ДАША. И они потом спасают?

СТУДЕНТКА. Они потом делятся нашим контентом и призывают других людей спасти... Такая цепочка добра, понимаешь?

ДАША. Цепочка добра?

СТУДЕНТКА. Да! Цепочка добра!

ДАША. Круто. Я тоже хочу свой блог! Давно уже о таком думаю.

СТУДЕНТКА. Ну, это же очень сложно, Даша. Ты готова работать по двадцать часов в сутки? Блогер – он же, если не спит и не ест, он что делает? Правильно – он снимает. А если не снимает, то думает о годном контенте...

ДАША. А как понять, годный у тебя контент или нет?

СТУДЕНТКА. Ну, как понять... Так и понять. Если есть подписчики, значит годный, что тут понимать вообще. Я вот танцую, и на меня подписываются.

СТЕПА. Даша, это чё за приколы? Ты чё, в городе? А чё молчишь? Ты с Олей познакомилась? Вы на сквере? Я сейчас к вам приеду?

ДАША (*студентке*). Подожди...

Даша посылает Степе картинку с надписью «Fisk». Даша блокирует абонента «Мой краш».

248

А я тоже спортивными танцами занимаюсь! Как думаешь, у меня получится, как у тебя?!

СТУДЕНТКА. И ты прямо норм танцуешь?

ДАША. Была второе место по Москве.

СТУДЕНТКА. А для Тик-Тока сможешь со мной станцевать?

ДАША. Да запросто... А подо что?

СТУДЕНТКА. А ты подо что хочешь?

ДАША. Под этого! Нет, под того! Щас! Я найду! У меня есть!

СТУДЕНТКА. Ты волну умеешь делать? А змейку?
ДАША. Да! Конечно! Я вообще! Меня ма еще в шесть лет туда засунула! Я все по спортивке могу!

11

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Пей, Федор Михайлович... Пей... Горько? Ну, а с ряженой? А с ряженкой будешь? Я тоже выпью. Давай, ты – ложечку, а потом я ложечку... Вот, молодец. Вот, умница. Теперь ложись рядом, будем спать... Сейчас я тоже выпью. Нет, не в ноги... Иди сюда, иди ко мне... Сегодня можно, сегодня все можно... Можно, можно...

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ (*лижет лицо Алевтине Павловне*). Вода соленая...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я прожила огромную жизнь, Федор Михайлович. И она была немножко красивой. Немножко странной. Немножко глупой. Я в детстве плавала в Аральском море, представляешь? Молилась в Нотр-Даме. Читала Пушкина, читала Набокова... Только это все неважно. Я видела, как вылупляется птенец из яйца. Если человек хоть раз в жизни видел, как из яйца вылупляется птенец, разве может он говорить, что прожил эту жизнь зря? Вот и все, Федор Михайлович... Вот и все. Спи, спи, засыпай, я тоже сейчас и будем спать вместе.

Абонент «Мурочка» вызывает абонента «Мама».

МАША. Мама...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Да, Маша?

МАША. Что-то случилось?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ничего.

МАША. А почему ты говоришь Маша, а не Мурочка?

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ты, кажется, запретила называть себя этим именем.

МАША. Я провалила тест, мама...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Жаль. Ты же так готовилась. Много сделала ошибок?

МАША. Я не знаю. Они ничего не сказали.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Ничего страшного. Найдешь что-то другое.

МАША. Я не знаю, что я сделала не так. Меня даже не позвали на собеседование.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Бывает.

МАША. Я не знаю, как мне жить... Мама... Я не знаю, кто я есть... Я так долго занималась саморазвитием и теперь я не знаю – что мне еще сделать, чтобы меня наконец-то взяли на нормальную гребанную работу!

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Мурочка...

МАША. Мама, я стою ногами на табуретке у окна, на двадцать первом этаже ипотечной квартиры, слава богу, за которую платит Дашин папа, ты же была здесь, это не квартира, это клеть, студия, а за окном высятся десятки таких же человекников, и я стою ногами на двадцать первом этаже и думаю – сигануть мне сейчас или еще подождать?! И что будет с Дашей? И на хрена все это, на хрена...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА. Я не знаю, что тебе сказать, доченька. Я, правда, не знаю... Я совсем перестала понимать жизнь... Знаешь, у нас с тобой было одно лето... Тебе было пять лет. Стоял июнь. Мы сбежали всей семьей на лето в деревню к двоюродной тетке. Сбежали от бабы Кати, твоей бабушки. Она меня доводила временами. Долго собирались, ругались, мирились, составляли списки. И вот мы в деревне. И вдруг пошел такой дождь. Он лил и лил. Лил и лил. И ему не было конца. Ты у меня развлекалась тем, что в куртке с капюшоном выбегала под дождь, и давила резиновыми сапогами пузыри на лужах. Я так хотела убежать с тобой. Только куда? В городе шел точно такой же дождь. А мы с Леней были такие бедные, что не могли не то, что в Крым, а даже где-то за городом снять дачу. И вот мне стало так тошно, так жалко тебя, твое детство, себя, что я решила Лене все это предъявить. И я целых два дня готовила речь. О том, что не надо кобениться, и надо брать репетиторство, и те идиотские курсы, и доп. нагрузку, и почему мы должны с ребенком сидеть в этой гнилостной яме и дышать сыростью. А он сидел на чердаке, он там себе оборудовал что-то вроде мансарды, разобрал вещи, скототил стол и писал... Я поднялась на этот чердак, вошла к нему. Я начала говорить: «Леня, извини, но почему все так...» Я пыталась распалить себя, я копила всю эту злость много дней – на непогоду, на жизнь, на себя. Но вдруг все выветрилось. И не осталось ничего. Только удивление, что я могла быть такой. А Леня мне сказал тогда: «Ты знаешь, я вдруг понял. Иуда – предатель не потому, что сдал Христа фарисеям. У них могли быть

свои договоренности на этот счет. Он не дождался воскресения». Он, наверное, что-то писал про это тогда. Но я забыла – что. А на следующий день была хорошая погода, и я тебя научила плавать.

МАША. Я никогда не сдам этот гребанный жизненный тест...

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА.

Дали Мурочке тетрадь,
Стала Мура рисовать.
«Это – елочка мохнатая.
Это – козочка рогатая.
Это – дядя с бородой.
Это – дом с трубой».
Ну, а это что такое,
Непонятное, чудное,
С десятью ногами,
С десятью рогами?»
«Это Бяка-Закаляка
Кусачая,
Я сама из головы её выдумала».
«Что ж ты бросила тетрадь,
Перестала рисовать?»
«Я её боюсь!»

СРЕДСТВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ВЫПОЛНЯЮЩЕЕ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО
АГЕНТА. На сегодняшний день количество политических заключенных в России, находящихся в колониях и следственных изоляторах, достигло полутора

тысяч человек. От коронавируса с начала пандемии умерло более ста восьмидесяти тысяч граждан. Сто-рело шестнадцать миллионов гектаров леса. И мы завершаем нашу программу бодрой песней, которая, наверняка, поднимет вам настроение в это жаркое ко-видное лето. Оставайтесь с нами.

Маша удаляет пост в группе «Токсичные мате-ри».

Даша танцует на сквере.

Федор Михайлович бежит по Радуге.

КОНЕЦ

Александра Фомина
И СВИТЕР
ТАКОЙ БЫЛ СИНИЙ

Действующие лица:

НАТАША, 29 лет. *(Наташины мысли «про себя» и
вслух выделены курсивом).*

ОНА, 23 года.

ЖАБА – нереальное существо.

Действие происходит в съемной квартире Наташи.

1

Наташа бесцельно ходит по квартире. Садится за стол. Кладет голову на руки. Через некоторое время ворошит волосы руками, как бы стряхивая с себя наваждение и грусть.

НАТАША. Надо что-то предпринять. (Задумывается. Потом берет телефон и фотографирует квартиру в разных ракурсах. Ложится на диван, сосредоточенно печатая что-то в телефоне. Проговаривает про себя отрывки текста, рассматривает фотографии, которые только что сделала. Встает с дивана и читает вслух объявление, чтобы проверить, все ли правильно она написала.)

«Ищу девушку – соседку для совместного съема двухкомнатной квартиры. Дом находится в пешей доступности от метро (девять минут в среднем темпе). Очень зелёный район. Рядом все необходимое: продуктовые магазины, рестораны быстрого питания и приличные кофейни. В квартире: холодильник, чайник, блендер, стиральная машина, уют, гладильная доска, посуда. Хороший ремонт. Адекватная хозяйка.

О себе. Мне двадцать девять лет. Контент – аналитик. У меня плавающий график, иногда работаю из дома. Люблю личное пространство и уважаю чужое. Не откажусь от душевных посиделок на кухне за бокалом вина, если будет желание. Гости, курение и животные в квартире ЗАПРЕЩЕНЫ. Соблюдение чистоты и порядка, своевременная оплата – ОБЯЗАТЕЛЬНЫ.

Цена вопроса двадцать тысяч плюс счетчики. Половина залога. Писать строго в личку». Нормально. *(Медлит несколько секунд, снова просматривая текст, потом загружает объявление на сайт по аренде жилья.)*

2

ОНА. Мне нравится. А кто такой контент – аналитик?

НАТАША. Планирую контент маркетинговую деятельность.

ОНА. Поняла. То есть, ничего не поняла. У тебя так смешно в объявлении: «запрещено» и «обязательно» капслоком. Я сразу заметила.

НАТАША. Для этого и сделано.

ОНА. Какой вид из окна! Хозяйка часто приходит?

НАТАША. Нет.

ОНА. Ей на карту деньги?

НАТАША. Деньги мне, я перевозжу всю сумму.

ОНА. Ничего себе ванна! Я б не вылезала отсюда.

НАТАША. Надо сразу договориться...

ОНА. Да я пошутила!

Глупо.

НАТАША. Ты где работаешь?

ОНА. Пока нигде. Не бойся, у меня на первый месяц есть. Я всегда быстро устраиваюсь.

Наивная дурочка.

ОНА. Ну, ты меня берешь?

Нет.

НАТАША. Давай так. Месяц поживи, а дальше посмотрим.

ОНА. Легко.

НАТАША. Вот договор.

ОНА. Это за первый месяц.

НАТАША. Еще половина залога.

ОНА. На залог сейчас нет.

Надо ей отказать.

НАТАША. Ладно. Потом отдашь. Договор будешь читать?

ОНА. Я тебе верю.

Что я делаю?

НАТАША. Когда заселяешься?

ОНА. Уже.

НАТАША. В смысле?

ОНА. Чемодан на лестнице стоит.

НАТАША. Так прямо сразу и привезла? А если б я не согласилась?

ОНА. Я как-то не подумала. Мне так твоё объявление понравилось!

Я могу оплачивать квартиру одна. Я дала это объявление, потому что хочу завести подругу.

НАТАША. Вот ключи от твоей комнаты.

ОНА. Господи, Боженька, спасибо тебе!

Еще и это. Я приняла неправильное решение. Придется месяц ее потерпеть. Я всегда соблюдаю договор.

ОНА. Смотри, мы сидим на кухне с бутылкой вина. На душевных посиделках. Прямо как в твоём объявлении.

Формально она права.

НАТАША. Я прохожу курс Agile. На английском. Я – Product owner.

Зачем я это сказала?

ОНА. Ты крутая! А что это?

НАТАША. Это методология. В общем, буду отвечать за правильную постановку задач и коммуникацию с заказчиком.

Ей это не понять.

НАТАША. Там ещё есть другие роли.

Зачем я рассуждаю про Developer и Scrum master? Она слушает? Вроде, да. Неужели ей интересно?

ОНА. А я не хочу учиться. Знаю, что надо и всё такое. Но для меня не, как школу закончила, так и выдохнула. Не хочу.

НАТАША. А чего хочешь?

ОНА. Не знаю. Просто живу. Может, замуж выйду.

НАТАША. Уже есть кто-то?

ОНА. Нет.

НАТАША. Это не так легко, как кажется.

ОНА. Почему?

НАТАША. Тут мужики капризные. Им надо, чтоб у девушки своё жильё было.

ОНА. Ну, не знаю... Мне предлагали уже несколько раз.

Ей предлагали. Ха-ха. Я коплю деньги на первоначальный взнос ипотеки. Или на переезд за границу. Не решила еще.

НАТАША. Тебе сколько лет?

ОНА. Двадцать три.

Как же раздражают звуки сообщений на ее телефон! Она не знает элементарных правил приличия.

НАТАША. Поставь на беззвучный, если не хочешь отвечать.

ОНА. Ты не обидишься, если я уйду? Коллеги по работе приглашают в баре посидеть.

Она уже устроилась на работу?

НАТАША. Нашла работу?

ОНА. Да. Администратором в фитнес центр. Рядом с нашим домом. Они по пятницам всегда ходят.

Я работаю в своей компании уже три года. Не знаю, может, у нас тоже кто-то ходит в бар по пятницам.

ОНА. Завтра еще посидим.

НАТАША. Да, конечно.

Я занимаюсь йогой. У меня есть канал на ютубе. Я прохожу Agile Product owner. Мне не нужна такая подруга.

4

НАТАША. Смотри, вот так я снимаю. Потом накладываю музыку и текст. Вот мои костюмы для йоги, я меняю для съемок. Ремни. Блоки.

ОНА. У тебя даже коврики разные! Здорово!

Да, я осознанно отношусь к таким вещам.

НАТАША. Вот ссылка на мой канал. Я его веду уже лет пять.

У меня сто семьдесят четыре подписчика. Я просто не занимаюсь его продвижением.

ОНА. Давай снимем мастер-класс! Ты меня будешь учить.

Неплохая идея. Я даже дам ей мой лучший костюм Original ECO.

.....
Мы снимали видео три часа. Я пропустила PI planning meeting для моего проекта в курсе Agile! Кошмар! Почему у меня хорошее настроение?

5

ОНА. Маме так понравилось! Смотри, что она мне пишет!

Я не переносу смайлики.

ОНА. Вообще, всем-всем понравилось. А ты видела сколько просмотров!

Не верю глазам! У меня плюс двести сорок три подписчика.

ОНА. Ой, я ж торт купила! Мне сегодня премию на работе дали.

НАТАША. За что?

ОНА. Мужика одного утихомирила. У нас бассейн только по общему абонементу, а он уперся, мол, раз бассейн есть, значит разовые билеты должны продавать на поплавать просто. Ужас. Матом ругался.

А наши все стоят, молчат. Нам, знаешь, как: с клиентами вообще ругаться нельзя. А я с обеда как раз пришла. Подхожу к ним, ну так, мол, и так, у нас такие правила. В общем, успокоила его. Он извинился, а потом вдруг раз, и купил годовой абонемент.

НАТАША. Ты что ж, психолог?

ОНА. Да нет. Просто меня все любят.

Что значит «все любят?». Торт вкусный. У нее хватило ума купить дорогой. Опять ее телефон.

ОНА. Извини, я знаю, что это невежливо. Но если он на беззвучном, я замучаюсь потом отвечать.

На мой телефон сообщения приходят только в рабочие часы. Не каждый день. Ведь есть e-mail.

НАТАША. Коллеги приглашают?

ОНА. Нет. Мой МЧ. Ну, молодой человек.

Ужасная аббревиатура.

НАТАША. Быстро ты. Две недели как приехала и уже МЧ.

ОНА. К себе жить зовет.

НАТАША. Свое жильё?

ОНА. Ипотека.

НАТАША. Переедешь?

ОНА. Пока не решила.

Зачем я сижу на кухне с этой дурой?

НАТАША. Сообщи заранее, если надумаешь. Я объявление снова дам.

ОНА. Хорошо. Ты извини, если я сейчас не отвечу, он обидится.

Дура целый день в своем телефоне. Какая премия? Ее увольнять надо.

НАТАША. Да мне тоже некогда. На работе завал.

Я, наверно, сейчас заплачу. Что же это такое... Как кружится голова...

ОНА. Ты что, плачешь? Что случилось?

НАТАША. Ничего страшного. Просто... Жаба пришла.

ОНА. Жаба?

НАТАША. Ну...Что-то вроде панической атаки. Я это так называю. Жаба.

ОНА. Не поняла.

НАТАША. Что непонятного? Я называю определенным термином состояние панической атаки. Или сильного стресса, страха. Чтобы его персонализировать как конкретного врага. Чтобы было легче потом прорабатывать. Мне так легче, понимаешь? Пришла Жаба. Причиняет мне боль. Значит, надо ее прогнать. Принеси аптечку! В моей комнате в левом шкафу. На средней полке. Нет, стой! В том же шкафу справа наверху коньяк.

Зачем я так раздраженно кричу?

ОНА. Мы сейчас и без коньяка эту Жабу прогоним.

Что она делает? Просто обнимает меня. Тактильная психотерапия? Напевает вполголоса какую-то попсовую дрянь. Где я это слышала? Я начинаю нормально дышать.

ОНА. Ну как, полегчало?

Да. Жаба ушла. Опять ее чертов телефон. Ответит или нет?

ОНА. Достали меня. Всё. Ставлю на беззвучный. Будет вот так лежать: экраном вниз.

Я выдыхаю.

ОНА. Послушай, а ты знаешь, от чего у тебя так начинается? Ну, Жаба эта приходит?

НАТАША. Не всегда. Иногда на сильный стресс, иногда просто так.

ОНА. Ну, вроде, стресса никакого не было.

Не было. Но в этот раз я точно знаю, почему Жаба приходила. Я испугалась, что она от меня переедет.

НАТАША. Вдруг я лесбиянка?

Я произнесла это вслух? Что за странные мысли лезут мне в голову.

ОНА. Почему? А-а-а, тебе понравилось, как я тебя гладила? Не бойся, это всем нравится. Я ведь тебе говорила.

НАТАША. Что говорила?

ОНА. Что меня все любят.

Ну это уже совсем смешно.

ОНА. Не веришь? Да вот ты сама: ты ведь не такую соседку хотела, я сразу поняла.

НАТАША. А какую?

ОНА. Ну, что б хоть английский знала.

НАТАША. Я не писала этого в объявлении.

ОНА. Не писала, а хотела. Но я знала, если ты меня увидишь, то возьмешь. Так всегда. С детства. Меня

все любят. И мужчины, и женщины. Старые и молодые. Дети тоже.

НАТАША. Ты поэтому сразу с чемоданом приехала?

ОНА. Да.

НАТАША. А за что тебя любят?

ОНА. Просто так.

Просто так любят только детей. А нас всегда за что-то.

ОНА. Я посмотрю телефон? Ладно? Ты не обидишься?

НАТАША. Да мне то что, смотри.

Я испытываю чувство досады?? Из-за того, что она променяла меня на телефон... Надо больше заниматься медитацией.

6

Сегодня заканчивается месяц нашего совместного проживания. Мне нужна другая подруга. Надо было хоть дня за три ее предупредить.

ОНА. Вот за следующий месяц. Только у меня пятнадцать. А пять я через неделю отдам, ОК?

НАТАША. Еще половина залога, помнишь?

ОНА. Ой... В следующем месяце, ладно?

Я не люблю таких, финансово непутевых.

НАТАША. Ладно. Переезжать к МЧ не будешь?

ОНА. Нет.

НАТАША. Почему?

ОНА. Разонравился.

НАТАША. Ищешь более выгодную партию?

ОНА. Да нет. Просто надоел.

НАТАША. Ты любила кого-нибудь?

ОНА. Конечно.

НАТАША. Серьезно?

ОНА. Ну, а как еще любят?

НАТАША. Расстались легко?

ОНА. Как обычно.

Я сидела на таблетках год после расставания с Алексеем.

НАТАША. То есть, ты любила по-настоящему и рассталась легко?

ОНА. Наташ, ну хватит меня допрашивать. Ты умная, серьезная. Ну все, я побежала. Я уже на час опаздываю. Меня подруги ждут. Буду поздно! Пока!

Ее ждут уже час. На прошлой неделе коллега по работе не дождалась меня в кафе и ушла. Я опоздала на пять минут. Мы собирались попить кофе.

265

7

Любят всегда за что-то. За красоту. Хороший характер. Ум. Доброту. Смелость. Всегда есть причина. И если этих качеств нет, их можно развить.

.....

Sprint демо прошел успешно. Мы опережаем график. Это очень круто. Это реально круто. Почему меня это не радует?

У нее неплохая внешность. Особенно красивы ноги, когда она сидит у окна, положив их на подоконник.

НАТАША. Медитируешь?

ОНА. Нет. А что?

НАТАША. Ты целый час смотришь в окно.

ОНА. Там красиво.

НАТАША. И все?

ОНА. Да.

Она смотрит на меня. Что это? Во мне разливается приятное тепло хорошего настроения. После трех дней безуспешных медитаций.

НАТАША. Ты слышишь? Твой телефон звонит в комнате.

ОНА. Слышу. Не хочу общаться. Устала.

НАТАША. Если я тебе мешаю...

ОНА. Нет, все нормально. Мне с тобой хорошо. Тебе не нужно столько внимания, как дружим.

Я чувствую дыхание Жабы.

НАТАША. Я пойду к себе. Проект.

«Тебе не нужно внимание». Еще как нужно. Я давно научилась не врать себе. Внимание и любовь людей. Почему их нет? У меня высшее образование. Я успешный Product owner в команде Agile. Я красивый, организованный, добрый, порядочный человек. Здравствуй, Жаба. Это ты стучишь в мою дверь? Я не

буду тебя прогонять. Я буду тебя терпеть, раз меня никто не любит кроме тебя.

НАТАША. Заходи.

ОНА. Ты спишь?

НАТАША. Нет, просто голова разболелась. Выпила цитрамон. Сейчас буду заниматься.

ОНА. А... А я хотела тебя пригласить.

НАТАША. Куда?

ОНА. Там наши все в кафе. Ну, с моей работы и еще там. Потом гулять пойдем.

Мне надо заниматься.

НАТАША. Ну... Хорошо.

ОНА. А твой проект, ничего?

НАТАША. Мы идем с опережением графика.

ОНА. Круто!

Меня сто лет никто никуда не звал. Наверно, я зря согласилась.

10

267

Я зря согласилась.

Её действительно все любят. Я прочитала столько книжек по психологии коммуникации. Она ничего не говорит. Только слушает. Неужели я одна понимаю, что ей просто нечего сказать? Что она и не слушает, просто бездумно смотрит на собеседника, как у нас на кухне в окно.

НАТАША. А ты популярна. Не думала о карьере? Ну, продвигаться куда-то? С людьми хорошо ладишь. Может, тебе корочки получить, какой-нибудь пиар?

ОНА. Я тебе говорила, не хочу больше учиться.

НАТАША. Ну какую-то цель в жизни надо иметь. С твоими способностями.

ОНА. С какими?

НАТАША. Тебя все любят. Это дорогого стоит.

ОНА. Не, я просто жить хочу.

Она не замечает иронии в моих словах. Это ж надо быть такой.... Стоп. Я приняла решение не использовать грубых слов даже в разговорах с самой собой.

НАТАША. Мне такое непонятно.

ОНА. Да, ты тяжело живешь.

НАТАША. В каком смысле?

ОНА. Все время думаешь о чём-то. Переживаешь. Планируешь. Жаба вот к тебе приходит.

НАТАША. Ну так, научи как жить. Что б тебя все любили.

ОНА. Я сама не знаю. Бабушка в детстве мне говорила, что во мне любвеоля много.

НАТАША. Чего?

ОНА. Люб-ве-о-ля.

НАТАША. Что за дурацкое слово?

ОНА. Так его бабушка придумала. Она как говорила: любят то не за красоту или там ум, образование, качества всякие хорошие, нет. Это всё любвеоль. Ну, вещество такое. В крови или в теле где-нибудь. Вот сколько его есть у человека, настолько его и любят. А нет его, так всё, как ни старайся. У меня его много. Просто повезло.

НАТАША. Глупость какая.

ОНА. А у тебя его, наверно, мало.

НАТАША. Ну, ты же со мной живешь. Может, и не любишь, но хорошо, значит, относишься.

ОНА. Я ко всем хорошо отношусь.

НАТАША. Прямо ко всем-всем?

ОНА. Да.

НАТАША. Что ж, тебя никто никогда не обижал? Ни с кем не ссорилась? В школе, например. Никогда не бросали? Не обманывали?

ОНА. Нет.

НАТАША. Ах, вот оно как. Все вокруг, значит, хорошие?

ОНА. У меня так.

НАТАША. А как же мне быть? Тем, у кого этого любящего мало?

ОНА. Любящего.

НАТАША. Какая разница как назвать.

ОНА. Ничего. Ничего уже не сделать.

НАТАША. То есть, меня никто никогда не будет любить? Ну, спасибо. Похоронила заживо.

ОНА. Ну, я ж не нарочно. Ты не обижайся. Я, правда, верю в это.

НАТАША. В любящего?

ОНА. Да. Я же вижу, как тебе одиноко.

НАТАША. Ты ошибаешься. Я абсолютно самостоятельный человек.

Я верю в то, что сейчас говорю!

ОНА. Да, да. Наташ, давай закончим. Дурацкий какой-то разговор.

Наконец, дельная мысль пришла ей в голову.

ОНА. Ты меня не прогонишь?

НАТАША. А что, это проблема? Ты ж новое жильё за один день найдешь. Вот также с чемоданом сразу и переедешь.

ОНА. Я не люблю переезжать.

НАТАША. Ладно. Не прогоню. Ты мои правила соблюдаешь, те, которые капслоком. А больше мне ничего не нужно от соседки. А этот твой любвеоль – такая галиматья.

Черт. Черт. Черт.

11

НАТАША (*курьеру с цветами за дверь*). Она болеет. Сейчас спит. Давайте я распишусь. Как проснет, передам ей. Какая у вас приятная работа.

270

Я всегда стараюсь говорить людям что-то хорошее. Даже курьерам. Это правильно.

«От коллег по работе. Нам тебя не хватает». Когда я болела ковидом плюс две недели карантина, интересно, кто-нибудь заметил мое отсутствие на работе? Начальнику я, конечно, сама сообщила.

О, вроде, проснулась. Говорит с матерью по телефону. Они перезваниваются каждый день. Я тоже разговариваю с моей мамой. Иногда. Раз в месяц. У нас классика по Петрушевской: «отношения между матерью и дочерью – это ад».

НАТАША. Смотри, тебе цветы прислали с работы. Красивые.

ОНА. У тебя есть во что поставить?

НАТАША. Есть.

У меня есть ваза. Два года назад купила дурацкий хэнд-мейд на какой-то выставке. Пригодилась, наконец. Черт, этикетку насмерть приклеили.

ОНА. Красивая ваза. Давай чай попьем, а?

НАТАША. Тебе лучше?

ОНА. Да.

Какой уродский у нее свитер. Ярко-синий. Я не покупаю такие вещи.

НАТАША. Что смотришь?

ОНА. Новости на районе. Девушка пропала. Пошла в парк и не вернулась.

Ее интересуют вещи локального масштаба: аренда жилья, обмен вещами, день открытых дверей в собачьем приюте, цены на секонд хенд в подвале соседней пятиэтажки. За что ее любить? Поверить в этот дурацкий любвеоль?

271

12

Что сделать, чтобы изменить существующее положение дел? Может, попробовать что-то иррациональное?

13

ОНА. Ой! У тебя свитер такой же синий!

Не только свитер. Я поменяла цвет волос и прическу. Мы теперь выглядим как сестры, если стоим, обнявшись у зеркала.

ОНА. Ты медитируешь?

НАТАША. Нет, просто сижу.

Интересно, как я выгляжу со стороны, сидя у окна, положив ноги на подоконник?

НАТАША. Сфоткай меня!

ОНА. У тебя красивые ноги.

Да, ноги у меня красивые. И настроение хорошее.

НАТАША. Скинешь свой плейлист?

Как это можно слушать? Может, вместе с этими ужасными звуками в меня перейдет частичка ее любви? Это абсурд какой-то.

Разговаривать с ней совершенно не о чем.

ОНА. Иди ко мне!

Я что, с ней танцую??

ОНА. Смотри, мы как сестры-близняшки!

272

НАТАША. О, Боже!

ОНА. Что случилось?

НАТАША. Я забыла отдать в работу комментарии от клиента после Sprint demo. Черт! Черт! Черт!

ОНА. Это плохо?

НАТАША. Scrum master не изменил Sprint. Программисты две недели делали никому не нужную работу. Из-за меня!

ОНА. Но это ж не работа! Ты ведь учишься на этом, как его, Эджайле.

НАТАША. Я подвела свою команду.

ОНА. Ну, ты ж не нарочно. Со всяким может случиться.

НАТАША. Нет! Со мной не может! Сама методология Agile предполагает увеличение уровня взаимодействия между членами команды, а я...

ОНА. Наташечка, Наташулечка, ну, я ж ничего в этом не понимаю. Не расстраивайся ты так. Всё будет хорошо.

Это у нее все будет хорошо. С ее количеством любвеоля в крови. А мне такое никогда не простят. Черт.

ОНА. Пойдем в кафе посидим? Которое через дорогу. Мне кажется, оно «приличное», помнишь, как у тебя в объявлении было написано. Потом погуляем.

Надо по-быстрому отправить комментарии программистам. С извинениями.

НАТАША. Пойдем.

Черт с ним, с Эджайлом. Вечером разберусь. Надо жить легко.

14

Мне кажется, ситуация меняется. Главное правильно определить проблему, поставить задачи для ее решения, а потом грамотно их выполнять. А вовсе не этот дурацкий любвеоль.

15

ОНА. Наконец! Я тебя весь вечер жду!

Меня ждут? Хм... Хорошо.

НАТАША. Правда?

ОНА. Я тебе сто сообщений отправила!

НАТАША. Сумасшедший день, ты прости, я не обратила внимания.

Конечно, я видела ее СЕМЬ сообщений.

ОНА. К нам гости придут. Ты не против?

НАТАША. Гости?

ОНА. Ну да, я помню, у тебя капслоком «запрещено», но это с моей работы, помнишь, мы с ними в кафе сидели?

Я их помню. Особенно одного МЧ.

НАТАША. Не очень.

ОНА. Ты им понравилась. Ну, можно?

Я понравилась? Врет? Может и нет. Ведь я работаю над собой. Ношу ярко синий свитер. Слушаю дурацкий плейлист. Набираюсь от нее любвеоля. Какая чушь лезет мне в голову!

НАТАША. Чем это пахнет?

ОНА. Я пеку пирог с абрикосами. По видео. Ну, Натюшечка?

НАТАША. Я не против. Пусть приходят.

Господи, опять эти поцелуйчики с обнимашечками. Видимо, людям нужно тактильное внимание. От меня. Это хорошо.

ОНА. Ух! Как я устала!

НАТАША. Еще бы, полтретьего ночи.

ОНА. Вроде, неплохо посидели, да?

Очень даже!

НАТАША. Нормально.

ОНА. Они прикольные! Не такие умные как ты, но ведь хорошо было, да?

НАТАША. Ты уже спрашивала! Все хорошо.

Андрей говорил со мной почти целый час. Про Agile. Какой там любвеоль... Красота и мозги. Вот, что нужно. У меня это есть. А, еще яркие вещи нужно покупать. Как просто!

ОНА. Допьем вино?

НАТАША. А ты завтра встанешь? Ты уже сколько раз опаздывала, тебя уволят.

ОНА. Уволят? Не смеди.

НАТАША. А, любвеоль не позволит!

ОНА. Именно так.

НАТАША. А у меня, ну, может любвеоль этот появится?

ОНА. У тебя точно есть! Я его чувствую.

НАТАША. Да хватит обниматься! Иди ложись. Я тут сама все уберу.

ОНА. Давай завтра с утра.

НАТАША. Нет, я люблю, чтобы утром все было чисто.

ОНА. Я помогу!

НАТАША. Нет. Иди. Спокойной ночи!

.....
У меня тоже есть любвеоль. Как лимфоциты, гемоглобин, что там еще... Может, просто был в деактивированном состоянии по какой-то причине.

.....
Я, наверно, перепила.
.....

Абрикосовый пирог так себе. Она не в состоянии правильно повторить пошаговую инструкцию.
.....

Как неудачно с этими клиентскими комментариями вышло. Мой косяк. Надо купить красную блузку для зума.
.....

Какая скукоптица эти «новости на районе».
.....

Возможно, у меня уже есть МЧ.
.....

Не могу же я поверить в этот любвеоль!

16

ОНА. Я устала! Все, хватит. Ты дальше сама снимай, без меня.

НАТАША. А когда у нас еще выходные совпадут?

ОНА. Я больше не хочу!

Она как ребенок. Но мой хенд-мейд опять стоит с ее цветами.

НАТАША. Тебе ж вроде нравилась йога?

ОНА. Нравилась, но больше не хочу.

НАТАША. Ты как ребенок. Уж если заниматься чем-то, то серьезно.

ОНА. Наташ, я знаю. Я всегда все бросаю.

Я не уважаю таких людей. Почему я до сих пор с ней возжусь? Что, опять дело в любвеоле, который у нее в огромном количестве? Я свихнусь!

НАТАША. Ладно. Не проблема.

ОНА. Ой, я ж совсем забыла! Вот половина залога. И пять тысяч за тот месяц.

А я уж и не надеялась. Она серьезно относится к обязательствам передо мной. Это хорошо.

ОНА. Ну все, я побежала.

НАТАША. Сегодня пятница.

ОНА. Да! Как обычно, в семь. Мы тебя ждем.

У меня хорошее настроение.

.....
Количество подписчиков на моем канале увеличивается в геометрической прогрессии. Ну да, логично, когда регулярно выкладываешь видео. И конечно, вдвоем как-то повеселее получается.

.....
Красная блузка вроде помогла. Покривились, но промолчали. Вот так. Когда у тебя есть любвеоль, можно позволить себе разок забыть про клиентские комментарии.

.....
Где ты, Жаба? Ау!

17

ОНА. Тебе уже написали насчет воскресенья?

НАТАША. Да. Пять сообщений.

ОНА. Ты что, их считаешь?

277

Сюжет

НАТАША. Да нет.

Да, я точно фиксирую количество входящих на мой телефон сообщений. Особенно не по работе. Я люблю статистику. И она для меня положительная. Сообщение Андрея в числе этих пяти.

ОНА. Ты знаешь, какая сегодня дата?

НАТАША. Какая?

ОНА. Мы ровно четыре месяца живем вместе!

НАТАША. Правда?

Я уже думала об этом сегодня утром.

ОНА. Давай сегодня не будем никого приглашать. Останемся дома на целый день. Будем снимать видео, и ты сделаешь абрикосовый пирог.

НАТАША. Можно.

Человек с огромным количеством любвеоля в крови предпочел мое общество. Ну что ж, я рада. Чего уж скрывать.

278

Я приготовила замечательный абрикосовый пирог.

У меня есть любвеоль. Это уже очевидно. Как увеличить его количество? Какое все же дурацкое слово. Ну, что уж...

18

НАТАША. Ты чего это?

ОНА. Мама заболела. У меня поезд через полтора часа. Так, что мне еще взять...

НАТАША. Вроде похолодание обещали. Свитер возьми. Ты надолго?

ОНА. Пока на неделю отпуск взяла.

НАТАША. Понятно. Маме привет передавай и вы-здоровливать!

ОНА. Передам. Ты тут не скучай без меня.

НАТАША. Смеешься? Я как школу закончила, так одна жила. Ну, с перерывами. Вроде не скучала. Ой, там же пирог остался. Возьми с собой в поезд. Сейчас я заверну.

.....
Неплохо. Наконец, мы с Андреем сможем остаться наедине. И вообще, я от нее устала. Конечно, любвеоль и все такое, но с ней же совершенно не о чем разговаривать.

.....
Мой хендмейд ждет МОИХ цветов.

19

Ну что за идиот? «Снимай мастер-классы с подружкой, а не свои дурацкие видео». Я сама знаю, что мне снимать на моем канале.

.....
Да что ж такое?? Хватит присылать мне сообщения! Вы что, сговорились все спрашивать у меня про нее? «Она не отвечает. Как у нее дела? Когда придет?» Я вам что, автоответчик??

.....
«Занят всю неделю». И это всё? Андрей, я тебе что-то плохое написала? Нет. «Соседка уехала. Мо-

жем посидеть у меня». «Занят всю неделю». «Занят всю неделю». Ни здрасте, ни до свидания. Зачем я испекла пирог и приговорила хендмейд?

.....

Сегодня же пятница!

.....

Где все? Черт! Почему такая плохая связь?

.....

Не надо врать себе: я как дура приперлась в бар, а там никого из наших не было. Они пошли в другой бар. Меня никто не предупредил. Спокойно.

.....

Она не может приготовить пирог по пошаговой инструкции. С ней не о чем разговаривать. Она финансово несостоятельна. Образования нет. Это реально человек ни о чем.

Я по ней скучаю. Фантастика. Это точно любовь. Другого объяснения нет. У нее красивые ноги. Да. Ну, не поэтому же.

Жаба, это ты?

280

20

НАТАША (говорит по телефону). Я плохо себя чувствую. Да, три дня за свой счет. Я попробую из дома это сделать. Да, конечно. Я не подведу.

Я не подведу. Я никогда никого не подвожу. За это меня можно любить.

.....

Жаба, уходи, пожалуйста.

.....

Сюжет

Она не отвечает на сообщения. Я знаю, с ней ничего не случилось. Она просто про меня забыла. Как и остальные. Жаба, ты теперь здесь будешь жить?

.....

Что это? «Мы бы тебя сразу из команды нахрен выгнали, когда ты проебала клиентские комменты, просто до конца project iteration оунера не меняют. А теперь вали!»

.....

ЖАБА. У тебя телефон звонит!

НАТАША (*говорит по телефону*). Да, я знаю, что вторую неделю. У меня будет больничный. Я просто не слышала звонков. Нет. Я не смогу.

Делайте, что хотите. Я пью тералиджен. И еще что-то. Встаю вечером и снова ложусь спать. Жаба спит вместе со мной.

21

ОНА. Ты дома? Я десять минут в дверь звонила! Думала, что ключи потеряла, а они на дне чемодана завалялись.

НАТАША. Я спала.

ОНА. Ты что, заболела?

НАТАША. Так, немного.

ОНА. Я варенье малиновое привезла. Сейчас чай заварю, полечим тебя.

НАТАША. Это не простудное.

ОНА. А что такое? Ой, сейчас я отвечу, и будем чай пить.

Не спеши. Я подожду. Я же знаю, что у тебя миллион сообщений на телефон пришло, пока ты ехала с вокзала сюда.

.....

ОНА. Ты точно в порядке? А то я с тобой останусь.

Ее уже куда-то позвали.

ОНА. Со мной не хочешь? Нас в кафе зовут.

Это тебя зовут, а не нас.

НАТАША. Нет, я не пойду. И потом, я это...

ОНА. Эджайл?

НАТАША. Да. Там у меня еще...

ЖАБА. Ты бросила этот курс неделю назад. Когда тебя выгнали из команды сообщением по ватсапу в групповом чате.

НАТАША. Что мне придумать...

ЖАБА. Не надо ничего придумывать. Она уже в коридоре ботинки надевает.

282

ОНА. Ну ладно, давай, не грусти!

НАТАША. Жаба, ты что, не любишь ее обнимашки? Чего ты шарахаешься от нее? Ну, вот. Она ушла. Слышишь, дверь закрылась.

ЖАБА. Как у нас холодно. Дай мне твой синий свитер.

22

Жаба ее не любит. Странно. Наверно, на нее не действует любвеоль.

ОНА. Наташ, может, хватит пить таблетки? Ты как зомби по квартире ходишь. Я тебе кричу-кричу.

НАТАША. А что?

ОНА. Иди чай пить! У меня пирожные есть.

НАТАША. Иду.

ЖАБА. Собралась на душевные посиделки?

НАТАША. Мне надо что-нибудь съесть. Желудок болит.

ОНА. Садись. Вот, бери. Ты такая бледная! Прямо зеленая. Может, погулять сходим? Воздухом подышишь.

НАТАША. Можно.

ОНА. Тебе мясо надо есть. Я приготовлю чего-нибудь. Или хочешь, погуляем, а потом поедем где-нибудь.

ЖАБА. Ишь какая добренькая.

НАТАША. Меня к ней тянет.

ОНА. Наташ, ты с кем разговариваешь? Нет, надо тебя к врачу вести.

НАТАША. Уже ходила. Вон рецепт. Все пью.

ОНА. Ничего себе список! Это что, все психотропные?

ЖАБА. Не отвечай!

НАТАША. Спасибо за пирожные. Вкусные.

ОНА. Да ты не съела ничего. Ладно, сейчас я освобожусь и пойдем.

ЖАБА. Она тебя кинет.

НАТАША. Нет.

24

НАТАША. Она меня кинула. Просидела час в телефоне, а потом...

ЖАБА. ...потом заглянула к тебе в комнату, обрадовалась, что ты спишь и усвистела гулять. У нее новый МЧ. Андреем зовут.

НАТАША. Откуда ты знаешь?

ЖАБА. Она все время с ним по телефону говорит. Ты спишь, не слышишь.

НАТАША. Айтишник?

ЖАБА. Да. Проходит Agile. Scrum master.

НАТАША. Тише! Пришла!

ЖАБА. Не одна.

НАТАША. У меня капслоком было...

ЖАБА. Да, ГОСТИ ЗАПРЕЩЕНЫ. Вот она какая.

НАТАША. Я сейчас ей скажу...

284

ЖАБА. Не надо. Утром.

НАТАША. Ты не уйдешь?

ЖАБА. Нет.

НАТАША. У меня есть любвеоль?

ЖАБА. Да. Я принесла тебе цветы. Где твой хенд-мейд?

25

ЖАБА. Умойся. Причешись.

НАТАША. Я очень бледная? Румяная?

ЖАБА. Да.

НАТАША. Ну, как?

ЖАБА. Неплохо.

НАТАША. Будем снимать мастер-класс?

ЖАБА. Да. Ты будешь меня учить.

НАТАША. Когда вдвоем, лучше смотрится.

ЖАБА. Да. Только комментарии закрой.

.....
ОНА. Ты встала? Я слышу ты с кем-то разговариваешь.

НАТАША. Я видео снимаю.

ОНА. А, извини, я на секунду. Я вчера заглянула к тебе в комнату, ты спишь. Ну, я не стала тебя будить. Ты получше сегодня выглядишь! Ты скоро закончишь? Хочешь, я тебя до парка провожу? У меня два часа есть, потом мы все в боулинг идем.

НАТАША. У тебя выходной?

ОНА. Нет, у нас сегодня санитарный день. Я бы тебя пригласила, но у тебя таблетки. Там алкоголь все будут пить.

НАТАША. Да, мне нельзя. Пойдем в парк. Я там на лавочке посижу.

ОНА. Вот и хорошо. Одевайся.

26

ОНА. Привет! Ты нормально домой дошла? А то я волновалась. Позвонить тебе не смогла, представляешь, потеряла свой телефон. А номер-то твой не пом-

285

ню. Может, в парке из сумки выпал. Ужас. Как это я так, сама не знаю.

ЖАБА. Твоя работа?

НАТАША. Да.

ЖАБА. Молодец!

ОНА. Слушай, Наташ, можно я тебе в следующем месяце за квартиру отдам? Телефон надо купить.

НАТАША. Нет. Давай сейчас!

ЖАБА. Горжусь тобой.

ОНА. Ну, Натюшечка, ну? Как же я без телефона?

НАТАША. Ну...

ЖАБА. Держись!

НАТАША. Нет. Мы и так с оплатой запоздали.

ЖАБА. Уходи в свою комнату.

НАТАША. Все, я пошла спать.

ОНА. Ну ладно, завтра у наших насобираю, отдам.

.....

ЖАБА. Насобирает она... Там все нищоброды. Хоть пару дней посидим без этих тренък-тренък.

286

27

ОНА. Смотри, что у меня есть!

НАТАША. Одиннадцатый айфон? В кредит взяла?

ЖАБА. Тысяч пятьдесят.

ОНА. Мне подарили. Так что я тебе деньги за квартиру сейчас отдам, вот. Так даже лучше, что потеряла. Старый глючил уже, сколько б я еще с ним ходила.

Сюжет

НАТАША. Да, так, конечно, лучше.

ЖАБА. Кто подарил?

НАТАША. Я и так знаю.

ОНА. Что знаешь?

НАТАША. Да это я... Контакты восстановила?

ОНА. Да. И фотки все у меня в облаке были. Я смотрю, тебе получше, да?

НАТАША. Да.

ОНА. Ты посиди пока, я сейчас нам котлетки пожарю. И салат сделаю.

.....
ОНА. Что читаешь?

НАТАША. Новости на районе.

ОНА. И что там?

НАТАША. Все тоже. Собирают деньги на собачий приют. Девушку не нашли.

ЖАБА. Как же раздражают звуки сообщений на ее телефоне!

НАТАША. Послушай, ну, поставь ты его на беззвучный. Раздражает же.

ОНА. Ага, сейчас.

ЖАБА. Воспитания – ноль. Где котлеты, в конце концов?

НАТАША. Мне уже надо таблетки принимать. До еды.

ОНА. Через пять минут все будет готово. Знаешь, ты сама поужинай, а мне уже некогда. В кино иду. Адрес скинули, я еще не знаю, как туда ехать-то. Сейчас посмотрю.

ЖАБА. Вызови ей такси.

НАТАША. Давай адрес. Я тебе такси вызову.

ОНА. У меня денег на карте нет.

НАТАША. Потом отдашь.

ОНА. Ой, спасибо! Вот адрес. Сколько?

НАТАША. Тысяча шестьсот.

ОНА. Так дорого?

НАТАША. Такое время. Пробки. Давай, давай.
Подъезжает уже.

ОНА. Спасибо, Натушечка! Поешь и отдыхай. А завтра еще погулять сходим.

28

НАТАША. Уже утро, а ее все нет.

ЖАБА. Так она далеко уехала. За тысячу шесть-
сот.

НАТАША. Кинотеатр близко был.

ЖАБА. Значит, не туда.

НАТАША. А куда?

ЖАБА. Куда ты указала.

НАТАША. Она... вернется?

ЖАБА. Конечно, нет. Девушку ведь так и не наш-
ли.

НАТАША. Это другая девушка.

ЖАБА. Нет, та самая.

НАТАША. Это я...её туда послала?

ЖАБА. Ты.

НАТАША. Что же делать?

ЖАБА. Ничего. Ты таблетки сегодня пила?

НАТАША. Не помню. А вчера... Тоже не помню.

ЖАБА. Вот они. Возьми. За вчера. За все дни, которые ты пропустила.

НАТАША. Ты меня любишь?

ЖАБА. Да.

НАТАША. За что?

ЖАБА. Просто так.

НАТАША. Тебе так идет мой синий свитер.

ЖАБА. Я красивая?

НАТАША. Очень!

ЖАБА. Хочешь, я буду тебя обнимать?

НАТАША. Хочу.

29

ОНА. Наташа! Да проснись же! (*Говорит по телефону.*) Андрей, Наташе плохо. Я не могу ее разбудить. Она же таблетки какие-то психотропные пьет. Сейчас вызову. Ты приходи скорее. Мне страшно. Скорая? Девушке плохо. Я не могу ее разбудить. Да, дышит.

.....
Господи, Натушечка, ну, как же так... Потерпи, сейчас скорая приедет.

30

ОНА (*говорит по телефону*). Что-нибудь из ее одежды подобрать? Хорошо. Она очень любила си-

ний свитер. Последний месяц вообще его не снимала. Ой...только его уже не отстирать. Я вам дам мой, он такой же. Она очень красивая в нем будет.

Она плачет. Собирает в коробку вещи Наташи. Снимает с себя синий свитер, рассматривает его, кладет в коробку. Внезапно плачет. На ее телефон приходят сообщения. Она поглядывает на экран, не переставая собирать вещи. Телефон звонит.

ОНА (отвечает). Нет, я не буду съезжать. Мне здесь нравится. Да, как только найду соседку, сразу вам переведу. (Отключает телефон. Снова начинает плакать. Ищет что-то в телефоне. Печатает текст. Вытирает слезы, прокашливается, читает текст вслух.)

«Ищу девушку – соседку для совместного съема двухкомнатной квартиры. Дом находится в пешей доступности от метро (девять минут в среднем темпе.) Очень зелёный район. Рядом все необходимое: продуктовые магазины, рестораны быстрого питания и приличные кофейни. В квартире: холодильник, чайник, блендер, стиральная машина, уют, гладильная доска, посуда. Хороший ремонт. Адекватная хозяйка.

О себе: мне двадцать три года. Администратор в фитнес-центре. У меня плавающий график. Люблю личное пространство и уважаю чужое. Не откажусь от душевных посиделок на кухне за бокалом вина, если будет желание. Курить не надо, а животных я потерплю, если СИМПАТИЧНЫЕ. Нужно соблюдать чи-

стоту и платить своевременно. Цена вопроса двадцать тысяч плюс счетчики. Залог. Писать мне в личку».

*На ее телефон приходят сообщения. Она читает их, на лице появляется улыбка. Она быстро печатает ответное сообщение, одевается, прихорашивается, выходит из квартиры.**

КОНЕЦ

291

* Текст опубликован в авторской редакции.

Интересующую Вас информацию Вы можете
получить в Кабинете драматургии СТД РФ:
107031, Москва, Страстной бульвар, 10.
Тел./факс: (495) 629-72-76.
E mail: stdrf-novikova@mail.ru

Playwrights Department, Theatre Union of Russia.
Address: Russia, 107031, Moscow, Strastnoy b-r, 10.
Tel./fax: (495) 629-72-76.
E mail: stdrf-novikova@mail.ru

Литературно-художественное издание

«СЮЖЕТЫ»

№ 39

Редакционный совет
Художественное оформление *Е.М. Добровинский*
Копьютерная верстка *Е.П. Корсина*
Корректор *И.А. Седова*

ЛР №04776 от 08.05.2001 г.

Подписано в печать 21.11.2022
Формат 70х100/32. Тираж 500 экз.
Заказ № ...

Союз театральных деятелей Российской Федерации (ВТО)
107031, Москва, Страстной бульвар, д.10.

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д.6

293

